Пензенский государственный педагогический университет
им. В. Г. Белинского

В. И. Первушкин

«БЫТЬ НЕУТОМИМЫМИ РАБОТНИКАМИ НА ПОЛЬЗУ РОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ…»

История Тамбовской, Саратовской и Пензенской губернских ученых архивных комиссий

Пенза – 2008

ББК 60.6 (235.54)
П 26

Первушкин В. И. «Быть неутомимыми работниками на пользу родной исторической науки…»: История Тамбовской, Саратовской и Пензенской губернских ученых архивных комиссий. – Пенза: ПГПУ, 2008. – 191 с.

Научный редактор: доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
директор Историко-социологического института,
Мордовского государственного университета
им. Н. П. Огарева,
Н. М. Арсентьев

Рецензенты: кафедра истории и права Пензенской государственной технологической академии, зав. кафедрой
д.п.н., профессор **В.Н. Корчагин**
доктор исторических наук, профессор **Н. Б. Баранова**

Монография посвящена процессу создания и деятельности Тамбовской, Саратовской и Пензенской губернских ученых архивных комиссий с момента их открытия до ликвидации в начале XX века. На основе привлечения широкого круга архивных и опубликованных материалов представлен опыт их историко-краеведческой деятельности, что открывает для исторической науки ещё одну малоизученную страницу. В центре внимания автора – процесс становления провинциальной исторической науки во всем его многообразии.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, учителей школ и всех, кто интересуется историей.

ISBN 978-5-9432-131-7

© Первушкин В. И., 2008

ВВЕДЕНИЕ

Представленная вашему вниманию работа является в какой-то мере логическим продолжением нашей монографии «Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука». На страницах этого издания мы попытались осветить предпосылки создания, финансовое положение, научные и организационные связи, деятельность по созданию исторических архивов, научно-исследовательскую, издательскую и охранную работу Тамбовской, Саратовской и Пензенской губернских ученых архивных комиссий.

Губернские ученые архивные комиссии (ГУАК) с конца XIX века являлись ведущими центрами по формированию исторических знаний в российской провинции. Созданные по инициативе выдающегося русского историка, юриста, архивиста, академика Петербургской Академии наук Николая Васильевича Калачова они объединяли всех любителей местной истории. Их деятельность положила начало массовому движению, которое получило наименование «краеведение». Сегодня его принято делить на два направления: научно-исследовательское и практическое, существование которых обеспечивалось краеведческими учреждениями и обществами, где ведущую роль играли ГУАК. На рубеже XIX – XX столетий краеведение являлось важной характеристикой развития культуры и общественных отношений в пределах определенной губернии. Изучение организации исторической науки в российской провинции, механизма её финансирования и связи с администрацией, деятельность ученых в период модернизации российского общества заслуживает внимания в плане восприятия позитивного опыта прошлого. Носителями этого опыта были лучшие представители провинциальной интеллигенции. Имена многих из них представлены в нашей монографии.

В исторической литературе вопрос о деятельности губернских ученых архивных комиссий рассматривался как в дореволюционный, так и последующий периоды. С момента создания, комиссии стали предметом исследования И. Е. Андреевского, М. В. Довнар-Запольского, А. С. Лаппо-Данилевского, В. И. Снежневского,

Д. Я. Самоквасова[1]. Однако работы указанных авторов представляли собой обзорные очерки, составленные по материалам ежегодных отчетов. Анализ деятельности комиссий в них практически отсутствовал. Причем известный русский археолог и историк права Дмитрий Яковлевич Самоквасов, выступая за дальнейшие реформы архивного дела в России, резко отрицательно оценивал деятельность ГУАК. Он предложил ликвидировать архивные комиссии, ибо, с его точки зрения, они в силу недостатка средств и отсутствия специалистов были не в состоянии обеспечить отбор и сохранность архивных документов. Свое видение организации архивного дела в России Д. Я. Самоквасов изложил в выступлениях на Одиннадцатом и Двенадцатом археологических съездах[2]. Эти выступления встретили решительную отповедь со стороны многих членов губернских ученых архивных комиссий. Дискуссии вокруг деятельности архивных комиссий, по словам исследователя ГУАК И. Л. Маяковского, продолжались до начала 20-х годов XX века[3]. На наш взгляд, они были обусловлены некоторым психологическим противостоянием – старые члены комиссий еще питались либеральными идеями 1860-х годов, утверждавшими веру во всякого рода общественные начинания, Д. Я. Самоквасов как представитель нового поколения, напротив, с пренебрежением относился ко всякой общественной инициативе.

---

[1] **Андреевский, И. Е.** Ученые архивные комиссии в 1886 г.: Обзор их деятельности /И. Е. Андреевский //Русская старина. 1887. № 11; **Он же.** Ученые архивные комиссии в 1887 г.: Обзор их деятельности //Русская старина. 1888. № 12; **Довнар-Запольский, М. В.** Обзор деятельности губернских ученых архивных комиссий 1896 – 1898 /М. В. Довнар-Запольский. М., 1902; **Снежневский, В. И.** Губернские ученые архивные комиссии и архивное дело в них /В. И. Снежневский. М, 1902; **Лаппо-Данилевский, А. С.** Доклад о деятельности некоторых губернских ученых архивных комиссий по их отчетам за 1903 – 1907 гг. /А. С. Лаппо-Данилевский //Известия императорской Академии наук. СПб., 1908; **Самоквасов, Д. Я.** Архивное дело в России /Д. Я. Самоквасов. М., 1902.

[2] См.: **Бржостовская, Н. В.** Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869 – 1911 гг.) /Н. В. Бржостовская //Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 100 – 103.

[3] **Маяковский, И. Л.** Исторический очерк архивного дела в России /И. Л. Маяковский. Пг., 1920. С. 166.

В начале XX века вышли две статьи члена Тамбовской ученой архивной комиссии (ТУАК) А. А. Щеголева[1]. Они были написаны к юбилейным датам – двадцатилетию и тридцатилетию деятельности комиссии. В них автор предпринял попытку проанализировать главные направлений работы комиссии по созданию архива, библиотеки и музея, а также археологических исследований и охраны исторических памятников. А. А. Щеголев показал динамику роста количественного состава комиссии и ведущую роль её председателей И. И. Дубасова и А. Н. Норцова.

Деятельности Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) в дореволюционной исторической литературе была посвящена работа В. П. Соколова, написанная к её двадцатипятилетнему юбилею[2]. В основу очерка были положены опубликованные протоколы заседаний и отчеты СУАК, частично личные воспоминания автора. В. П. Соколов рассказывает об организации архивной комиссии в Саратове, о постепенном превращении комиссии из небольшого кружка любителей в научно-исследовательское общество, говорит о создании архива, музея и библиотеки, издательской деятельности, участии членов комиссии в подготовке и проведении празднования 300-летия Саратова, пытается выяснить значение комиссии в деле изучения истории Саратовского Поволжья.

В работе СУАК, по мнению В. П. Соколова главным было поиск, описание и хранение архивных документов, сбор находок, имеющих историческую ценность, охрана исторических памятников, чтение публичных лекций. Его труд содержит большой фактический материал, от анализа и обобщения которого автор уклонился сознательно. Подробно перечисляя публикации членов СУАК, В. П. Соколов, например, указывает: «Мы не берем на себя задачи решать, какие из этих работ более и какие менее важны»[3].

---

[1] **Щеголев, А. А.** Краткий исторический очерк возникновения и деятельности Тамбовской ученой архивной комиссии. 1884 – 1904 /А. А. Щеголев //Губернские ученые архивные комиссии и их значение. Тамбов, 1904; **Он же.** Краткий исторический очерк возникновения и деятельности состоящей под высочайшим его императорского величества государя императора покровительством Тамбовской губернской ученой архивной комиссии за тридцать лет. 1884 – 1914. Тамбов, 1914.

[2] **Соколов, В. П.** 25-летиеСаратовскойученойархивной комиссии. 1886 – 1911 /В. П. Соколов. Саратов, 1911.

[3] Соколов В. П. Указ. соч. С. 134.

Сразу же после открытия в 1901 году в Пензе ученой архивной комиссии (ПУАК), известный пензенский краевед Г. П. Петерсон написал, как он сам выразился, «краткую заметку» об истории создания и целях нового учреждения[1]. В ней он указывает на решающую роль губернского статистического комитета в деле создания архивной комиссии. Причем главнейшие задачи в деятельности, как и двух предыдущих комиссий, создание исторического архива, археологические исследования и охрана памятников истории и культуры губернии. К сожалению, в дореволюционный период это была единственная работа, касающаяся деятельности ПУАК.

Созданный в то время источниковедческий пласт во многом определил восприятие советскими историками проблемы централизации архивного дела и роли ГУАК в этом процессе.

В 1920-х годах, по меткому выражению С. О. Шмидта «золотого десятилетия» краеведения, была дана оценка деятельности СУАК и ТУАК. В силу отсутствия в Пензе таких ученых как А. А. Гераклитов в Саратове и П. Н. Черменский в Тамбове, деятельность ПУАК не подвергалась подобному анализу вплоть до 1990-х годов.

Оценку деятельности Саратовской ученой архивной комиссии в своем курсе лекций «История Саратовского края в XVI – XVIII веках», прочитанном в Саратовском университете дал Александр Александрович Гераклитов. С его точки зрения, архивная комиссия представляла этап в развитии саратовского исторического краеведения. Архивная комиссия, по мнению маститого краеведа и профессора Саратовского университета, «… по существу, если не по названию,... стала тем историко-археологическим обществом, о котором мечтали ее основатели»[2]. А. А. Гераклитов видел большую заслугу членов СУАК в создании библиотеки, архива и музея. В деятельности комиссии он выделил два хронологических этапа: 1) конец XIX века; 2) начало XX века, в ходе которых меняется социальный состав и содержание исследовательской работы. Рамки обзорной лекции не позволили Гераклитову подробно рассмотреть

[1] **Петерсон, Г. П.** К истории учреждения в городе Пензе ученой архивной комиссии /Г. П. Петерсон //Странички старины. Саранск, 1993. С. 223 – 229.

[2] **Гераклитов, А. А.** История Саратовского края в XVI – XVIII вв. /А. А. Гераклитов. Саратов, 1923. С. 31.

все направления деятельности комиссии, что, как он полагал, должно стать делом далекого будущего[1].

В 1925 году известный тамбовский краевед Петр Николаевич Черменский в первой части статьи «Краеведческая работа в Тамбовской губернии»[2] попытался дать взвешенный анализ деятельности ТУАК и её председателей И. И. Дубасова и А. Н. Норцова. Причем работу комиссии он условно разделил на два этапа – первый, когда председателем комиссии был И. И. Дубасов и второй – А. Н. Норцов. На первом этапе основное внимание в деятельности комиссии уделялось архивной работе, на втором – археологической. Очень важно, что в статье П. Н. Черменский опубликовал биографии и анализ историко-краеведческой деятельности П. И. Пискарева, Н. Н. Романова, А. А. Щеголева и других. Он первым показал ведущую роль Тамбовского губстаткомитета в создании Тамбовской ученой архивной комиссии[3].

С 1930-х годов проблематика истории провинциальных научных обществ перестала входить в круг научных интересов советских историков. В это время основные подходы к данной теме определялись статьями Ю. И. Гессена[4] и И. С. Назина[5]. Ю. И. Гессен показал организационные трудности и причины создания ГУАК, считая их в целом позитивным явлением в развитии исторического краеведения. И. С. Назин, напротив, стоял на позициях полного отрицания положительного значения всех краеведческих учреждений, обществ в том числе и архивных комиссий. Он утверждал, что комиссии нанесли большой вред архивному делу, применяя классовый (дворянский) подход к отбору и хранению документов.

В начале 1950-х годов серьезной попыткой осмысления проблематики в работе ГУАК стали кандидатская диссертация и научные исследования Н. В. Бржостовской, которая рассматривала деятельность комиссий через

---

[1] Гераклитов, А. А. Указ. соч. С. 27.

[2] **Черменский, П. Н.** Краеведческая работа в Тамбовской губернии. Дореволюционное время /П. Н. Черменский //Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. Тамбов, 1925. № 1.

[3] Черменский П. Н. Краеведческая работа в Тамбовской губернии… С. 7.

[4] **Гессен, Ю. И.** Из жизни архивных комиссий /Ю. И. Гессен //Сборник материалов и статей: Редакция журнала «Исторический архив». М., 1921. Вып. 1.

[5] **Назин, И. С.** Из истории архивного дела в дореволюционной России /И. С. Назин //Архивное дело. 1936. № 39. С. 26 – 37

призму архивной реформы. Признав их организациями, неспособными решить задачу упорядочения архивного дела в России, она в то же время охарактеризовала деятельность ГУАК по сохранению, описанию и организации использования архивных фондов как прогрессивную. Однако состав комиссий она сочла невежественным, считая реакционной их просветительскую работу[1]. На сходных позициях находился И. Л. Маяковский. Он рассматривал ученые архивные комиссии как продукт деятельности консервативных кругов, видевших в них одно «… из средств, могущих предохранить страну от разрыва с прошлым и реабилитирующих это прошлое»[2].

В конце 1950-х годов первым автором, подвергшем сомнению обоснованность обвинений ГУАК в реакционности, стала О. И. Шведова. Характеризуя историю создания комиссий она указала на отсутствие у них материальной и правовой базы для обеспечения возложенных на них функций в полном объеме. В частности, она писала: «При таких условиях они (комиссии – В. П.) были единственными учреждениями в дореволюционной России, так или иначе ведавшими архивным делом на местах»[3]. Анализируя издательскую деятельность комиссий автор, совершенно справедливо, пришла к выводу, что они внесли значительный вклад в провинциальную историографию.

Начиная с 1960-х годов появляются работы, посвященные отдельным архивным комиссиям, при этом негативные оценки их деятельности сменяются на более умеренные. Пересматривает свой взгляд на ГУАК и Н. В. Бржостовская[4]. Изучение отдельных комиссий приобретает значение важного компонента исследования

---

[1] **Бржостовская, Н. В.** Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела, 1884 – 1917 гг. Дис. … канд. истор. наук /Н. В. Бржостовская. М., 1951; **Она же.** Деятельность губернских ученых архивных комиссий по созданию исторических архивов //Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1954. Т. 5. С. 70 – 116.

[2] **Маяковский, И. Л.** Очерки по истории архивного дела в СССР /И. Л. Маяковский. М., 1960. С. 120.

[3] **Шведова, О. И.** Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий /О. И. Шведова //Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 377.

[4] См.: **Бржостовская, Н. В.** Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869 – 1911 гг.) /Н. В. Бржостовская //Археографический ежегодник за 1971 год. – М., 1972. С. 89 – 105.

становления археографического, археологического и этнографического изучения отдельных губерний, связей между архивной работой и развитием провинциальной историографии[1]. На рубеже 80 – 90-х годов XX столетия появились работы Л. Ф. Писарьковой[2] и В. П. Макарихина[3] в которых рассмотрена деятельность архивных комиссий в целом и подведены итоги их изучения.

Поставив целью выяснить вклад губернских ученых архивных комиссий «… в дело сохранения историко-культурного наследия, формирования национального самосознания народа, развития культурной жизни провинции и отечественного краеведения»[4], Л. Ф. Писарькова сосредотачивает свое внимание на материальном положении комиссий и попытках его поправить при помощи кардинальной реформы архивного дела. Подробно она рассматривает многочисленные обращения отдельных архивных комиссий, участников археологических съездов к правительству с целью

---

[1] **Митрофанова, Н. Н.** В. Г. Короленко и Нижегородская архивная комиссия //Труды МГИАИ /Н. Н. Митрофанова. М., 1961; **Степанский, А. Д.** К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России /А. Д. Степанский //Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 38 – 55; **Буллах, В. Н.** К вопросу о деятельности Пермской ученой архивной комиссии, 1889 – 1916 гг. /В. Н. Буллах //Вопросы истории. Свердловск, 1974. Сб. 1. С. 92 – 95; **Филимонов, С. Б.** Документальные материалы Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1920 – 1931 гг. /С. Б. Филимонов //Археографический ежегодник за 1982 год. М., 1983. С. 203– 208; **Аббасов, А. М.** Вклад Полтавской ученой архивной комиссии в развитие исторического краеведения /А. М. Аббасов //История и историки. М., 1984. С. 275 – 286; **Он же.** Воронежская ученая архивная комиссия и её исследования по истории города Воронежа. 1900 – 1918 гг. //Из истории города Воронежа. Воронеж, 1984; **Зобов, Ю. С.** Роль Оренбургской ученой архивной комиссии в становлении краеведения на Южном Урале /Ю. С. Зобов //II Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Тезисы докладов и сообщений. Пенза, 1989. С. 80 – 81; **Дружинин, С. А., Ткачук, А. П.** Краеведческая деятельность Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887 – 1929) /С. А. Дружинин, А. П. Ткачук // Там же. С. 83 – 84 и др.

[2] **Писарькова, Л. Ф.** Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности /Л. Ф. Писарькова //Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С.187 – 198.

[3] **Макарихин, В. П.** Губернские ученые архивные комиссии России /В. П. Макарихин. Н. Новгород, 1991.

[4] Писарькова Л.Ф. Указ соч. С. 188.

добиться денежных пособий или пересмотреть систему архивов так, чтобы архивные комиссии оказались на государственном содержании. Неудачи этих попыток она видит в политических событиях (убийство министра внутренних дел В. К. Плеве, революция 1905 – 1907 гг.), внешних обстоятельствах (Русско-японская и Первая мировая войны), помешавших решению этого вопроса.

Справедливо упрекая своих предшественников в том, что они изучали в основном архивную работу комиссий, В. П. Макарихин сосредоточил внимание на изучении научной и просветительской деятельности комиссий. Главная проблема, с которой столкнулись архивные комиссии, по мнению исследователя, заключалась в формировании «истинного, деятельного патриотизма» на основе накопления и изучения региональных исторических знаний. «Сотрудники губернских ученых архивных комиссий, – подчеркивал Макарихин, – подразделяли деятельность своих общественных учреждений на внутреннюю, связанную с научными задачами и требованиями, и внешнюю, направленную на популяризацию и пропаганду местных исторических знаний»[1]. Создание исторических архивов, библиотек, музеев должно было способствовать решению вышеуказанных проблем.

Губернские ученые архивные комиссии, с точки зрения В. П. Макарихина, имели важное общественное и политическое значение. Он не только отвергал идеологические нападки на комиссии, имевшие место в литературе предшествующего периода, но и ставил в заслугу членам ГУАК их позиции умеренных, разумных консерваторов. «Они (члены ГУАК – В. П.), – подчеркивает В. П. Макарихин, – сознательно ставили задачу сохранения национального единства, хотя российское общество уже раскололось на классы, группы и лагеря. Требование национального единства... обосновывалось историческим опытом России и ее отдельных областей. Проблема исторической памяти народа обострялась не только из-за выбора перспектив и целей общественного развития, она служила предостережением против неразумных действий «верхов» и «низов». Архивисты взывали к чувству умного хозяина»[2]. Нам представляется, что подобное определение роли губернских ученых архивных комиссий является несколько преувеличенным и отражает

[1] Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии России... С. 18.
[2] Там же. С. 20.

в большей степени современные представления автора, нежели жителя провинции рубежа XIX – XX столетий.

В 1991 году по данной проблеме В. П. Макарихиным была защищена докторская диссертация, которая сыграла определенное положительное значение для обозначения подходов к данной проблеме. Она посвящена истории становления и развития шести ГУАК: Тверской, Костромской, Саратовской, Нижегородской, Ярославской и Симбирской. В диссертации, наряду с уже высказанными мыслями в монографии, автор уделили большое внимание изучению основных источников по провинциальной историографии и их идейно-тематическому содержанию[1].

В монографии и диссертации В. П. Макарихина содержится обзор деятельности Саратовской ученой архивной комиссии. Не вдаваясь в её подробное описание, лишь заметим, что автор пришел к выводу: «Характерными чертами Саратовской архивной комиссии была комплексность проводимых исследований по истории края, стремление поставить исторические данные на службу современности и сознательная ориентация на изучение истории и быта простого народа, а не «героев»[2].

Работами Л. Ф. Писарьковой и В. П. Макарихина был обозначен интерес исследователей к комплексному изучению отдельных ГУАК и их историко-краеведческой деятельности. В этом контексте сошлемся на работы Г. П. Присенко (Тула), А. А. Севастьяновой (Ярославль)[3],

---

[1] **Макарихин, В. П.** Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России конца XIX – начала XX вв. Дис. … док. истор. наук /В. П. Макарихин. Н. Новгород, 1991.

[2] Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии России... С. 73.

[3] См., например: **Присенко, Г. П.** Тульская провинциальная историография конца XVIII – начала XIX в. в истории отечественной культуры /Г. П. Присенко //Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 341 – 345; **Севастьянова, А. А.** Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Автореф. дис. … док. истор. наук /А. А. Севастьянова. СПб., 1993.

Е. В. Мануйловой (Пенза), В. М. Захарова (Саратов), В. А. Аленовой (Воронеж), Н. И. Солнцева (Н. Новгород) и др.[1].

Важная для темы нашего исследования информация и анализ взаимоотношений общероссийских и провинциальных научно-исторических обществ отдельные аспекты их деятельности содержатся в исследованиях А. Д. Степанского, О. В. Камардиной, З. Д. Титовой, К. А. Мазина, А. Е. Мироноса, А. С. Тумановой, которые помогли нам раскрыть роль общероссийских научно-исторических обществ в разработке проектов архивной реформы, методики и организации на местах археологических и этнографических исследований[2].

Предметом специального исторического исследования Саратовская, Тамбовская и Пензенская ГУАК становятся лишь на рубеже 1980 – 1990-х годов. Общая характеристика исследовательской деятельности архивной комиссии в Саратове была сделана В. М. Захаровым в кандидатской диссертации «Развитие основных направлений

---

[1] **Мануйлова, Е. В.** Из истории Пензенской ученой архивной комиссии /Е. В. Мануйлова //Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1992. Вып. 3. С. 3 – 18; **Захаров, В. М.** Развитие основных направлений саратовского исторического краеведения в досоветский период (1826 – 1916 гг.). Дис. … канд. истор. наук /В. М. Захаров. Саратов, 1990; **Алленова, В. А.** Историко-краеведческая деятельность Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. 1884 – 1922 гг. Дис. канд. истор. наук /В. А. Алленова. Воронеж, 1997; **Солнцев, Н. И.** Роль губернских ученых архивных комиссий в исследовании археологических памятников Верхнего Поволжья: (по материалам Нижегородской и Тамбовской губернских ученых архивных комиссий). Дис. канд. истор. наук /Н. И. Солнцев. Н.Новгород, 1997.

[2] См.: Степанский А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России…; **Камардина, О. В.** Императорское русское историческое общество: очерк истории и научной деятельности. 1866 – 1916. Дис. … канд. истор. наук /О. В. Камардина Самара, 1999; **Титова, З. Д.** Этнография в деятельности русского географического общества. 1845 – 1917. (Из истории этнографии в России). Дис. … канд. истор. наук /З. Д. Титова. Л., 1963; **Мазин, К. А.** Проекты архивной реформы в России конца XIX – начала XX вв. Дис. … канд. истор. наук /К. А. Мазин. М., 1987; **Миронос, А. Е.** Ученые подразделения в системе административного управления России в первой половине XIX века: задачи, структура, эволюция. Дис. … док. истор. наук /А. Е. Миронос. Н.Новгород, 2000; **Туманова, А. С.** Научно-исторические общества г. Тамбова в конце XIX – начале XX вв. /А. С. Туманова //Общественная жизнь в Центральной России в XVII – начале XX вв. Воронеж, 1995. С. 177 – 193.

саратовского исторического краеведения в досоветский период (1826 – 1916 гг.)»[1].

Упоминается СУАК в общих обзорах по саратовскому историческому краеведению[2]. С точки зрения И. В. Пороха, деятельность Саратовской ученой архивной комиссии представляет самостоятельный этап в развитии местного исторического краеведения, а сама архивная комиссия является научно-просветительской организацией[3].

Большой вклад в изучение СУАК внес В. Г. Миронов, рассмотревший как отдельные стороны функционирования комиссии, так и труд некоторых ее членов. Во-первых, В. Г. Миронов обратился к изучению археологической работы СУАК[4], выяснив направление археологических поисков членов СУАК, их вклад в подготовку материалов для археологической карты Нижнего Поволжья. Во-вторых, В. Г. Мироновым были написаны биографические очерки об отдельных членах СУАК[5]. В-третьих, он составил полный указатель статей и заметок, опубликованных в «Трудах СУАК»[6]. В-четвертых,

---

[1] Захаров В. М. Развитие основных направлений саратовского исторического краеведения в досоветский период (1826 – 1916 гг.)…

[2] **Захаров, В. М., Миронов, В. Г.** У истоков саратовского исторического краеведения /В. М. Захаров, В. Г. Миронов. Балашов, 1991. С. 3 – 4.

[3] **Порох, И. В.** Основные этапы изучения истории дооктябрьского периода Саратовского Поволжья /И. В. Порох //Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1999. С. 17 – 18.

[4] **Миронов, В. Г.** А. А.Спицын и саратовское краеведение (по известным источникам 1911 – 1916 гг.) /В. Г. Миронов //Проблемы истории отечественной археологии: Тезисы доклада Всероссийской конференции. СПб., 1993. С.23 – 24; **Он же.** Материалы к археологической карте Камышинского уезда в дневниках С. А. Щеглова //Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып.2. С. 223 – 237; **Он же**. Археологическое картографирование Саратовского Поволжья //Краеведческие чтения. Саратов, 1993. Вып. 3. С. 72 – 75.

[5] **Миронов, В. Г.** А. Н. Минх /В. Г. Миронов. Аркадак, 1990; **Он же.** Неистовый Богдан //Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 6. С. 72 – 83; **Он же.** Ф.Ф.Чекалин. Аркадак, 1990; **Он же.** Саратовский этап деятельности Н. Н. Львова //Из истории Прихоперья: Материалы научной конференции. Балашов, 1994. С. 20 – 22; **Он же.** С. Н. Чернов в Саратовском историческом краеведении //Российская провинция XVIII – XX веков: Материалы III Всероссийской конференции. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 319 – 330.

[6] **Миронов, В. Г.** Указатель статей и заметок, опубликованных в Трудах СУАК, вып. 1 – 33 /В. Г. Миронов //Труды Саратовского областного музея краеведения /Отв. ред. Н. Н. Беднякова, Е. К. Максимов. Саратов, 1996. Вып. 4. С. 268 – 312.

исследователь рассмотрел вопрос о научных связях СУАК и об участии ее членов в организации уездного краеведения[1].

Саратовская ученая архивная комиссия явилась предметом специального исторического исследования. В 2003 году Т. А. Захаровой была защищена кандидатская диссертация «Саратовская губернская ученая архивная комиссия в 1886 – 1920 годах». В ней автор рассмотрела основные направления деятельности СУАК, результаты ее исследовательской работы, уровень исторических знаний, достигнутых провинциальными краеведами, определила ее место как в региональной историографии, так и в общероссийской историко-архивной работе[2]. На базе этой работы в 2005 году В. М. Захаровым и Т. А. Захаровой была опубликована монография «Саратовская ученая архивная комиссия в (1886 – 1920)», где подробно были рассмотрены проблемы создания, функционирования и основные направления историко-краеведческой деятельности СУАК. Отдельная глава посвящена деятельности комиссии по изучению Саратовского Поволжья.

Примерно в это же время выходит ряд исследований В. А. Алленовой и Ю. А. Мизиса, в которых рассматривались различные аспекты деятельности ТУАК: биографии и историко-краеведческие исследования видных членов комиссии, охрана памятников истории и культуры, изучение быта населения губернии[3]. В 2002 году вышла в свет их совместная монография «История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.)» в ней

---

[1] **Миронов, В. Г.** Научные связи СУАК периода ее становления /В. Г. Миронов //Краеведческие чтения. Саратов, 1994. С. 29 – 30; Он же. СУАК и уездное краеведение (1886 – 1916 гг.) //Материалы исторических чтений, посвященных академику С. Б. Веселовскому. Балашов, 1992. С. 10 – 14.

[2] Захарова Т. А. Саратовская губернская ученая архивная комиссия в 1886 – 1920 годах. Дис. ... канд. истор. наук. Пенза, 2003.

[3] **Мизис, Ю. А.** Ученая архивная комиссия в культурной жизни Тамбова /Ю. А. Мизис. //Русская провинция. Культура XVIII – начала XX веков. М., 1993; **Алленова, В. А.** Губернские ученые архивные комиссии как исследовательская проблема и обучающий сюжет /В. А. Алленова //Вузовская историческая наука и историческое образование: итоги и перспективы развития. Материалы межвузовской научно-методической конференции, посвященной 50-летию исторического факультета Воронежского университета. Воронеж, 1991; **Она же.** И. И. Дубасов – первый председатель Тамбовской ученой архивной комиссии //Краевед земли Тамбовской. Тамбов, 1995. С. 9 – 18; **Она же.** История деревенского быта в исследованиях Тамбовской ученой архивной комиссии //Материалы для изучения сельских поселений России. Доклады и сообщения Третьей научно-практической конференции «Центральночерноземная деревня: история и современность». М., 1995. Ч. 2. С. 74 – 78; **Она же.** Деятельность Тамбовской ученой архивной комиссии по охране памятников старины Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. Воронеж, 1996. Вып. 1. С. 50 – 57; **Она же.** А. Н. Норцов – председатель Тамбовской ученой архивной комиссии //Город Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Тамбов, 1996. С. 28 – 31.

авторы, наряду с выше отмеченными направлениями, подробно рассмотрели предпосылки создания, динамику руководящего состава, материальное положение, издательскую деятельность, научные и организационные связи ТУАК. Отдельные главы были посвящены созданию комиссией губернского исторического архива, охране и изучению памятников материальной культуры, а также некоторым вопросам истории Тамбовского края в исследованиях членов ТУАК[1]. В целом добротная работа, к сожалению, содержит ряд неточностей хронологического порядка и большое количество опечаток.

В 1998 году в Пензе выходит монография Б. А. Дорошина «История Пензенской губернской ученой архивной комиссии»[2], в которой он рассмотрел предпосылки создания ученой архивной комиссии совершенно справедливо увидев в Пензенском губстаткомитете предшественника комиссии. Им достаточно обстоятельно прослежена организационная структура комиссии, показано ее сложное материальное положение. Значительно слабее дается характеристика кадрового состава комиссии. Исследователь ограничивается механическим перечислением членов комиссии, сообщая о некоторых лишь биографические данные. Подробно показаны основные направления в деятельности ПУАК. Однако научная работа ее членов охарактеризована поверхностно. Справедлив конечный вывод автора: «С созданием Пензенской ученой архивной комиссии дело собирания и исследования исторических источников, изучения истории Пензенского края было упорядочено, приведено в систему и тем самым выведено на качественно новый уровень»[3]. Встречаются в монографии Б. А. Дорошина и небольшие фактические ошибки. Так, например, не соответствует действительности утверждение автора о том, что после смерти Н. В. Калачова и до 1896 года открытие комиссий прекратилось. Хотя в этот период было организовано семь ученых архивных комиссий. Учитывая многие недостатки, высказанные автору в ходе обсуждения монографии, в 2000 году он защищает по данной проблеме диссертацию на тему: «Организация и деятельность

---

[1] **Алленова, В. А., Мизис, Ю. А.** История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.) /В. А. Алленова, Ю. А. Мизис. Тамбов, 2002.

[2] **Дорошин, Б. А.** История Пензенской ученой архивной комиссии /Б. А. Дорошин. Пенза, 1998.

[3] Дорошин Б. А. Указ. соч. С. 154.

Пензенской губернской ученой архивной комиссии»[1]. Правда, и в ней автору не удалось избежать некоторых недостатков монографии. В частности, он так и не представил глубокого анализа научно-исследовательской работы членов комиссии.

Как мы увидели из историографического обзора, растет интерес ученых к изучению и систематизации знаний по проблеме становления и развития краеведческих знаний на рубеже XIX – XX веков. Данная тенденция реализуется в рамках исследований, посвященных тому или иному провинциальному научному обществу. Другой слой исследований – работы, посвященные жизни и творчеству отдельных представителей краеведческого движения. Накопленный на сегодняшний день значительный объем информации нуждается в систематизации и аналитической обработке. Таким образом, в настоящее время назрела необходимость проведения комплексного исследования научно-методологической, социальной и институциональной базы исторического краеведения, а также возможность сделать это путем систематизации результатов работы предшествующих и современных исследователей. В данном контексте наше исследование представляет собой первую попытку теоретического осмысления историко-краеведческих исследований губернских ученых архивных комиссий на примере Тамбовской, Саратовской и Пензенской губерний.

Источниковую базу нашего исследования составили как архивные, так и опубликованные документальные материалы. Всю совокупность использованных источников можно разделить на следующие пять основных групп. К *первой* мы относим комплексы архивных материалов, образовавшиеся в результате деятельности губернских ученых архивных комиссий, Археологической комиссии, Департамента народного просвещения, а также крупных научных обществ – Русского географического, Московского археологического обществ, Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и др.

В своем исследовании мы использовали документы Российского государственного исторического архива (РГИА), а именно фонды: Департамента народного просвещения (Ф. 733), Департамента общих дел (Ф. 1284), Государственной думы (Ф. 1278); Архива Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук

[1] **Дорошин, Б. А.** Организация и деятельность Пензенской губернской ученой архивной комиссии. Дис. ... канд. истор. наук /Б. А. Дорошин. Пенза, 2000.

(Архив СПб ИИ РАН): Археологической комиссии (Ф. 1.), Третьего стола Департамента общих дел МВД (Ф. 6.); Архива Российской академии наук. Санкт Петербургское отделение (ПОА РАН): Историко-филологического отделения (Ф. 2.), Переписка Академии наук с МВД (Ф. 133); Центрального государственного исторического архива г. Москвы (ЦГИА г. Москвы): Московского археологического общества (Ф. 454).

Выявленные в центральных архивах материалы были дополнены документами местных учреждений, находящихся в фондах Государственных архивов Пензенской (ГАПО), Саратовской (ГАСО) и Тамбовской (ГАТО) областей. Наибольшей информативностью для нашего исследования отличались фонды *губернских ученых архивных комиссий* (ГАПО. Ф. 131, Пензенская губернская ученая архивная комиссия; ГАСО. Ф. 407, Саратовская губернская ученая архивная комиссия; ГАТО. Ф. 178, Тамбовская губернская ученая архивная комиссия). Эти фонды отражают многообразную научную и издательскую деятельность этих учреждений. Помимо регулярной протокольной и отчетной документации, списков членов, финансовой отчетности, трудов провинциальных историков, материалов о составе библиотек и музеев мы находим здесь обширную и очень содержательную текущую переписку с другими учеными архивными комиссиями, а также научными обществами, учреждениями и профессиональными историками – членами комиссий. Однако следует заметить, указанные фонды имеют разную степень сохранности, что соответственно влияет на их информативность, следовательно, освещение нами того или иного вопроса.

Некоторые вопросы поднятой нами проблемы отражены в фондах провинциальных учебных заведений: дирекции народных училищ Пензенской губернии (ГАПО. Ф. 81); провинциальных государственных учреждений: канцелярии пензенского губернатора (ГАПО. Ф. 5), старшего чиновника особых поручений при пензенском губернаторе (ГАПО. Ф. 7), канцелярии губернатора Тамбовской губернии (ГАТО. Ф. 4), Тамбовского губернского предводителя дворянства. Тамбовского губернского дворянского депутатского собрания (ГАТО. Ф. 161).

Изучение поставленной в данном исследовании проблемы невозможно без использования материалов личных фондов членов ГУАК, в частности, мы использовали документальные комплексы, связанные с В. Н. Смольяниновым, который в 1890-х годах был

правителем дел СУАК: личный фонд попечителя учебных заведений Финляндского учебного округа В. Н. Смольянинова (отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 7.), А. И. Шахматовым – членом-учредителем СУАК: фонд Шахматовых (ГАСО. Ф. 660), В. Х. Хохряковым – председателем ПУАК: коллекция документов Пензенской губернской ученой архивной комиссии (ГАПО. Ф. 132) и А. Н. Норцовым – председателем ТУАК: фонд А. Н. Норцова (ГАТО. Ф. 153).

Создание и функционирование ГУАК невозможно понять без обращения к законодательным документам Российской империи, которые мы относим ко *второй* группе источников. Основная масса этих источников сосредоточена в Полном собрании законов Российской империи и Своде законов Российской империи[1].

Ценнейшим источником по данной проблеме является (*третья* группа источников по нашему счету) большой комплекс опубликованных документов: годовых отчетов и протоколов заседаний ГУАК. Изданные тиражом в 50 – 150 экземпляров, но чаще включаемые в периодические издания комиссий, такого рода «Отчеты» и «Протоколы» дают нам наглядную картину развития научно-исторических знаний в Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерниях.

Четвертую, очень обширную, группу источников составляют периодические издания ГУАК: «Труды ГУАК» или «Известия ГУАК». По количеству подобных изданий явным лидером выступает Тамбовская ученая архивная комиссия, издавшая 58 выпусков «Известий ТУАК», далее следует Саратовская комиссия, издавшая 33 выпуска «Трудов СУАК», Пензенская же ученая архивная комиссия издала всего три тома «Трудов ПУАК». Оценивая в целом периодические издания ГУАК можно сказать, что они дают возможность проследить процессы, связанные с функционированием этих учреждений. Помимо протоколов и отчетов в них иногда публиковались описи архивных дел, документы, признанные наиболее значительными, статьи по вопросам истории своей или соседних губерний. Все эти публикации дают возможность рассмотреть процесс формирования провинциальной исторической

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1 – 45; Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830 – 1884. Т. 1 – 55; Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб., 1832. Т. 1 – 15.

науки и определить направления научных поисков членов этих учреждений, что делает их своеобразными краеведческими комплексами, ценность которых сегодня трудно переоценить. Близкими к ним по тематике историко-краеведческих работ и зачастую авторскому составу являются «Губернские ведомости» и «Епархиальные ведомости», которые также активно использовались в нашем исследовании. При выяснении некоторых проблем организации, правового и материального положения ГУАК, а также анализе публикаций отдельных членов комиссий нами широко использовались центральные периодические издания: «Известия Императорского Археологического общества», «Живая старина», «Исторический вестник», «Русский архив», «Вестник археологии и истории», «Русская старина», «Русское обозрение», «Вестник Европы».

К *пятой* самостоятельной группе источников следует отнести работы провинциальных историков по различным историко-краеведческим направлениям, которые мы также широко использовали в своей книге.

Подводя итог вышесказанному, нам хотелось бы заметить, что данная монография является ещё одной небольшой частичкой в деле изучения провинциальной исторической науки России рубежа XIX – XX столетий. ГУАК заложили основу научного изучения значительного региона Европейской России. Собранный и опубликованный материал о его прошлом, истинными этнузиастами краеведения, не утратил своего значения и в настоящее время. Символичным является и название нашей монографии «Быть неутомимыми работниками на пользу родной исторической науки…». Эти слова взяты нами из речи выдающегося тамбовского краеведа А. Н. Норцова, произнесенной 5 декабря 1904 года по поводу принятия Тамбовской ученой архивной комиссии под покровительство императора Николая II.

По сравнению с предыдущей, в данной монографии несколько изменен порядок изложения материала о ГУАК. Если ранее мы рассматривали деятельность статкомитетов в алфавитном порядке, то теперь они будут представлены по хронологии, т.е. по мере их открытия, где первой будет представлена Тамбовская, второй – Саратовская и третьей – Пензенская губернская ученая архивная комиссия.

ГЛАВА I. СОЗДАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГУБЕРНСКИХ АРХИВНЫХ КОМИССИЙ (1884 – 1918 гг.)

I. 1. Предпосылки создания губернских ученых архивных комиссий и их организационная структура.

Важное место с середины 80-х годов XIX столетия в осуществлении региональных исторических исследований принадлежит губернским ученым архивным комиссиям, занимавшим промежуточное положение между государственными структурами и научными историческими обществами. Учреждение комиссий стало паллиативным вариантом несостоявшейся архивной реформы директора Московского архива Министерства юстиции (ныне РГАДА), академика Николая Васильевича Калачова. Направленная на централизацию архивного дела реформа была подготовлена как предшествующими этапами архивного строительства, так и новыми объективными условиями, обусловленными введением в социально-политический строй России характерных для буржуазной государственности структур. Вызванная этим перестройка государственного аппарата неизбежно повлекла за собой переустройство сети ведомственных и исторических архивов. В результате в архивном деле второй половины XIX века наметились ярко выраженные тенденции – усиленная деятельность по комплектованию фондов как следствие ликвидации значительного числа дореформенных государственных учреждений и начавшееся в массовом порядке уничтожение материалов из-за перегруженности архивных помещений.

Подобное положение отечественного документального наследия не могло не вызвать обеспокоенности в среде научной общественности. Интересы развивающейся исторической науки требовали принятия незамедлительных мер по устранению архивного «нестроения». Прежде всего, это было связано с расширением ее проблематики и оформлением в пореформенный период тенденции к комплексному изучению отдельных регионов страны концепция «областничества», сформировавшаяся под влиянием взглядов А. П. Щапова, Н. И. Костомарова и др., предполагала выявление и изучение все новых источников по истории различных краев и областей. Создание трудов по региональной истории, в свою очередь, было невозможно без наведения порядка в провинциальных архивах.

Именно местные документы, по словам известного русского историка С. Ф. Платонова, какими бы мелкими и ничтожными они ни казались на первый взгляд, представляли первостепенную важность для историка, так как без них нельзя «… спуститься на надлежащую глубину изучения народной жизни»[1]. Все более завоевывавшая признание в среде историков позитивистская методология, основанная на повышенном внимании к конкретному историческому факту, также требовала создания полноценной источниковой базы для развития исследований конкретно-исторического характера. Таким образом, необходимость коренной реорганизации архивного дела определялась как потребностями дальнейшего развития исторической науки, так и важностью решения традиционной проблемы архивного «нестроения» в связи с реальной угрозой потери части отечественного документального наследия.

В 1869 году на Первом археологическом съезде Н. В. Калачов выступил с предложением архивной реформы, а 1871 году на Втором археологическом съезде изложил её проект. В нем четко проводилась мысль о централизации архивного дела в стране, что выражалось в предложении об учреждении Главной архивной комиссии и центральных исторических архивов. На Комиссию в числе прочих обязанностей возлагалось рассмотрение предназначенных к уничтожению документов. Однако в связи с тем, что выполнение подобных функций вряд ли было под силу центральному органу, возникла идея переложить их на особые губернские общества по разбору местных документов. Эта мысль получила развитие в докладе Н. В. Калачова на Третьем археологическом съезде, состоявшемся в 1874 году. Основной вопрос, поднятый им на съезде, был сформулирован в названии доклада: «В каких городах могли бы быть учреждены центральные архивы и каким образом могли бы быть учреждены при них местные исторические общества». При обсуждении доклада было высказано мнение о необходимости расширить круг деятельности научных обществ. Председатель Московского археологического общества А. С. Уваров предложил, чтобы губернские общества «… не вдавались в одностороннее изучение только одного архивного материала», но изучали также вещественные памятники старины. В целях привлечения к этой идее

[1] Труды Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6 – 8 мая 1914 года. СПб., 1914. С. 4 – 5.

внимания научной общественности Н. В. Калачов воспользовался созывом Четвертого археологического съезда в 1877 году. Указав на тенденцию роста интереса к изучению национальных основ и истории отдельных регионов, он выступил с предложением расширить задачи предполагаемых к созданию комиссий за счет включения в сферу их деятельности изучения народного быта, местных обычаев и традиций. Однако значение будущих обществ не исчерпывалось одной лишь научно-исследовательской деятельностью. В представлении Н. В. Калачова они должны были играть ведущую роль в распространении знаний, воспитании патриотизма, а также способствовать своей просветительской деятельностью исправлению нравов местного населении. «Дело в том, – заявил Н. В. Калачов, – что изыскатели старины, работая на той же почве, которую возделывает земледелец, объясняя тот же памятник, мимо которого столько раз проезжает и пахарь, и прасол, и всякий другой местный житель, выслушивая их легенды, былины и песни, этим самым, с одной стороны, развивают в народе дремлющие без того нравственные его силы и сочувствие к минувшему быту, а с другой стороны, возбуждают и укрепляют в нем любовь, которая хотя и без того есть в каждом к своему родному пепелищу, но любовь эта делается чрез то и сознательнее, и сильнее. Таким образом, изучение старины целым обществом местных любителей и знатоков дела отражается на массе поселян, облагораживает их, возвышает их чувства и народную грамотность, Это воспитание чрезвычайно медленное, но верное и прочное. Соедините его с грамотностью и обучением в тесном смысле этого слова и вы освободите наш народ от тех увлечений нетрезвой жизнью, которым он предается по незнанию лучшего отдохновения от своих тяжелых ежедневных работ»[1].

Для подготовки будущих архивистов с 1877 года по инициативе Н. В. Калачова открывается Петербургский частный археологический институт, целью его создания было укрепление связи столичных историков и провинциальных любителей старины[2].

---

[1] **Калачов, Н. В.** Некоторые данные о разработке материалов в наших архивах и об изучении нашего народного быта /Н. В. Калачов //Труды Четвертого археологического съезда, бывшего в Казани с 31 июля по 13 августа 1877 года. Казань, 1884. Т. 1. С. 24.

[2] Сборник Археологического института. СПб.,1878. Кн.1. С.1.

К непосредственной реализации своего плана Н. В. Калачов приступил в 1882 году, заручившись согласием министра внутренних дел Д. А. Толстого, одновременно возглавлявшего Академию наук, он направил в адрес Историко-филологического отделения Академии записку с предложением о создании архивных комиссий[1]. Одобренный проект 3 апреля 1884 года был заслушан на заседании Комитета министров, признавшего инициативу Н. В. Калачова заслуживающей «… полного сочувствия и поощрения правительства». 13 апреля 1884 года «Положение о губернских исторических архивах и губернских ученых архивных комиссиях» было утверждено императором. Оно состояло из девяти пунктов, в которых определялись состав, функции и обязанности комиссий[2]. Основной целью создаваемых научных обществ провозглашался сбор и приведение в порядок, не требующихся для текущего делопроизводства, документов и создание на их основе губернских исторических архивов. Кроме того, предполагалось включить в круг занятий комиссий «… разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины». Состав губернских ученых архивных комиссий определялся лицами, которые могли «… быть полезными комиссии своими познаниями и усердием к делу». В то же время Положение не оговаривало такие важные вопросы жизнедеятельности учреждаемых обществ, как структура, правовой статус, границы компетенции, порядок взаимоотношений с местными правительственными учреждениями. Неопределенность правовых основ, на которых создавались ГУАК, послужила причиной возникновения ситуации, когда сами комиссии считали себя учреждениями правительственными, а правительство по выражению министра внутренних дел П. А. Столыпина, организациями «частными». Вследствие этого они были лишены многих прерогатив государственных учреждений: казенных ассигнований, оплаты труда сотрудников, права на бесплатную отправку почтовой корреспонденции и т.д. Губернские ученые архивные комиссии создавались по взаимному соглашению директора Археологического института, относящегося к Министерству народного просвещения, Министерства внутренних дел и губернаторов. Подчинялись они МВД, администрации Археологического института, куда должны

[1] ПОА РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 9 – 28.

[2] Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т.1. С. 602.

были доставлять ежегодный отчет о своей деятельности, а также местному губернатору, являвшемуся непременным попечителем комиссии. Однако по данным Н. В. Покровского в МВД не поступало никаких сведений ни о составе, ни о деятельности архивных комиссий[1].

Что касается статуса комиссий, то вопрос о нем оставался неразрешенным вплоть до конца их существования. В июне 1917 года при Академии наук было созвано межведомственное совещание по вопросу о положении ГУАК. В нем приняли участие представители министерств народного просвещения и внутренних дел, Русского исторического общества, Петроградского археологического института, Союза российских архивных деятелей, Московского археологического общества, Постоянной исторической комиссии при отделении исторических наук и филологии Российской академии наук. На одном из заседаний А. С. Лаппо-Данилевский поставил вопрос о статусе ГУАК, перешедших после упразднения Комиссии Русского исторического общества в ведение Союза российских архивных деятелей. В этой связи он предложил возбудить ходатайство о передаче ГУАК из ведения Министерства внутренних дел в Министерство народного просвещения. Это предложение встретило поддержку представителя первого из них – вице-директора департамента общих дел МВД С. В. Дукельского, заявившего, что министерство крайне заинтересовано в избавлении от задач, возложенных на него по сугубо политическим соображениям[2]. Из этого следует, что если бы ни дальнейший ход развития политической ситуации в стране, вопрос о статусе комиссий имел бы шанс получить свое разрешение.

На практике ГУАК стали создаваться лишь после издания 6 мая 1884 года министром внутренних дел циркуляра, в котором сообщалось об учреждении в виде опыта ученых архивных комиссий и исторических архивов в Тверской Тамбовской, Рязанской и Орловской губерниях. Выбор губерний, определенных для их организации, был обусловлен рядом исходных посылок. Во-первых, предполагалось, что это должна быть «неуниверситетская»

---

[1] **Покровский, Н. В.** Губернские ученые архивные комиссии. (Речь директора Петербургского археологического института на торжественном собрании 9 мая 1908 года) /Н. В. Покровский //Вестник археологии и истории. СПб., 1909. Вып. 18. С. 38.

[2] ПОА РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 34. Л. 43 об.

провинция, т.к. в крупных научных центрах выполнение функций комиссий могли принять на себя университеты и научные общества. Во-вторых, в предполагаемых регионах должны были существовать определенные культурно-исторические предпосылки и традиции. Наконец, решающим обстоятельством являлось наличие здесь значительных комплексов документальных памятников, сохранность которых не гарантировалась условиями хранения. В научно-просветительском плане на ГУАК была возложена двоякая задача: во-первых, занятие научной разработкой исторических вопросов, и, во-вторых, пропагандистская. Начиная эту деятельность комиссии не имели никаких общих правил, никакого четкого регламента для них выработано не было и каждая должна была самостоятельно организовать свою деятельность. При таком положении дел понятно стремление комиссий к взаимодействию, установлению деловых контактов. ГУАК приглашают на заседания и избирают в свою среду членов из других комиссий, обмениваются изданиями. Кроме того, по инициативе ГУАК с 1903 года стали собираться областные археологические съезды. Где в основном проходил обмен мнениями между комиссиями. В 1905 году при Тверской ученой архивной комиссии были устроены специальные историко-археологические курсы в целях развития и распространения в провинции исторических знаний[1]. Подробнее об этом мы расскажем в третьем параграфе данной главы.

В 1885 году Н. В. Калачов умер не успев довершить начатое им дело и поставить деятельность комиссий на более прочный фундамент. Однако доказательством правильности выбранного пути являлась скорость распространения архивных комиссий по стране. Если в 1889 году их насчитывалось 9, в 1890 году – 12, а к 1909 году стало 25[2].

17 – 18 апреля 1908 года в Санкт-Петербурге состоялся съезд представителей ГУАК, на котором был принят проект нового «Положения о комиссиях», которое мало изменило состояние архивных комиссий.

---

[1] Покровский Н. В. Указ. соч. С. 34 – 35.

[2] **Зубова, И. Л.** Архивно-просветительные организации в России в конце XIX – начале XX века /И. Л. Зубова //Вестник Московского университета. 1990. № 2. Серия 8. История. С. 66.

Тамбовская ученая архивная комиссия была открыта 12 июня 1884 года. Она стала второй после Орловской из четырех предполагавшихся к учреждению ГУАК. Под председательством тамбовского губернатора А. А. Фредерикса состоялось общее собрание представителей учебных заведений и административных учреждений. На котором было заслушано циркулярное предложение министра внутренних дел об учреждении ученой архивной комиссии в г. Тамбове.

На заседаниях 12 – 13 июня определился общий и руководящий состав ТУАК. Председателем комиссии был избран известный тамбовский краевед Иван Иванович Дубасов, товарищем председателя стал А. П. Муравьев, возглавлявший Тамбовский окружной суд, правителем дел был избран преподаватель гимназии В. В. Соловский.

Согласно утвержденной в 1887 году инструкции Археологического института высшим распорядительным органом губернских ученых архивных комиссий стали общие собрания сотрудников. В отчете за 1891 год цель общих собраний Тамбовской комиссии сформулирована как «… совещательное и распорядительное служение местной архивной деятельности»[1]. Проводившиеся комиссией собрания подразделялись на две категории – общие и годовые. Впоследствии, по уставу ТУАК, в случаях, не терпящих отлагательства, стали созываться экстренные заседания. На общих собраниях заслушивались научные доклады и рефераты; обсуждались вопросы, связанные с состоянием архива, музея и библиотеки, отношениями с различными учреждениями, финансовым положением и текущими нуждами комиссии; зачитывались списки поступивших по обмену изданий и перечни переданных в дар памятников; рассматривались описи отобранных на хранение документов; избирались новые члены. На итоговых годовых собраниях утверждались отчеты правителя дел, казначея, хранителей архива и музея за истекший год. Даты проведения общих собраний назначались председателем по мере накопления предназначенных для рассмотрения материалов, либо в зависимости от степени неотложности принятия решений по текущим делам. Время от времени поднимался вопрос об упорядочении сроков созыва заседаний – И. И. Дубасов предложил сделать их регулярными и

[1] ИТУАК. Тамбов 1890. Вып. 31. С. 1.

проводить один раз в месяц. Однако отсутствие необходимых условий и занятость членов комиссии по основному месту работы препятствовали последовательному выполнению этого решения. Учитывая опыт других комиссий, в частности, Нижегородской, тамбовские историки стремились придать своим заседаниям открытый характер. В декабре 1889 года было принято решение о предоставлении права посещения собраний посторонним лицам при наличии рекомендации членов комиссии. Подобная практика получила широкое применение во второй период деятельности ТУАК, когда по инициативе А. Н. Норцова на заседания в качестве гостей приглашались офицеры из расквартированных в городе воинских частей.

В первые годы существования ТУАК периодичность созыва собраний была относительно регулярной. Наиболее плодотворный период деятельности комиссии пришелся на 1886 – 1892 годы, затем наблюдается некоторый спад. Так, в 1894 – 1896 годах было проведено по четыре ежегодных заседания, в 1897 году – два, в 1898 году – одно. Причины указанного обстоятельства, на наш взгляд, были связаны с финансовыми трудностями, которые осложнялись факторами субъективного характера. Немаловажную роль сыграли потери в составе комиссии, связанные со смертями или передвижениями по службе отдельных, наиболее деятельных сотрудников. По неудачному стечению обстоятельств комиссия в этот период осталась практически без руководства. Это было связано с затянувшейся болезнью И. И. Дубасова и смертью в 1898 году А. П. Муравьева, отъездом получившего новое служебное назначение правителя дел П. А. Дьяконова. Другой, не менее важной причиной спада активности стало все более очевидное равнодушие к деятельности местной научной организации тамбовского общества. «При таких условиях, – заметил правитель дел в отчете за 1899 год, – немного нашлось лиц, которые могли сохранить любовь к архивному делу, принося на служение ему свое посильное умение и небольшой досуг»[1].

Новый подъем в деятельности ТУАК и начало второго этапа ее истории связаны с именем Алексея Николаевича Норцова. С его избранием на должность председателя резко увеличилось количество

[1] ИТУАК. Тамбов 1901 . Вып. 44. С. 35.

заседаний. За период с 1900 по 1916 год их число составило от восьми до пятнадцати в год. Исходя из стремления сделать собрания более плодотворными, А. Н. Норцов предложил посвящать их решению исключительно научно-исследовательских проблем, не тратя время на обсуждение вопросов «хозяйственной жизни». Однако на практике сложилась обратная картина. Отчасти это было связано с продолжавшимся ухудшением материального положения ТУАК. В результате из восьми состоявшихся в 1900 году собраний четыре было посвящено финансовым проблемам и вопросу о помещении.

Второй председатель стремился к достижению возможно более полного соответствия внешней формы и внутреннего содержания деятельности ТУАК целям официального охранительного направления. В этой связи он поставил перед собой задачу установления самых тесных связей с императорским домом. В 1902 году руководство комиссии обратилось к великому князю Константину Константиновичу с просьбой о принятии тамбовских историков под свое покровительство. Однако великий князь ответил отказом под предлогом «… множества занятий по всем уже принятым на себя обязательствам»[1]. Тем не менее А. Н. Норцов не оставил мысли о высочайшем покровительстве. В 1904 году по его инициативе ходатайство было направлено в адрес самого императора. Николай II ответил согласием и 11 ноября 1904 года утвердил соответствующее положение, Тамбовская комиссия стала первой, принятой под императорское покровительство. Это повлекло за собой заметное изменение формы и содержания общих собраний, ставших значительно более официозными по своему характеру. Теперь большая часть времени уходила на служение молебнов, выражение верноподданнических чувств, составление приветственных и благодарственных посланий в адрес императора, заслушивание ответных телеграмм царя и т.д. С началом революции 1905 – 1907 годов в деятельности комиссии произошел определенный спад.

С момента открытия Тамбовская комиссия, как и другие ГУАК, ощущала неопределенность своего правового положения в том виде, в котором оно было зафиксировано в «Положении» 1884 года. В этой связи уже на пятом заседании, 19 августа 1885 года, Н. А. Покровский предложил разработать устав комиссии. Однако после состоявшегося обмена мнениями было решено не стеснять

[1] ГАТО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 17. Л. 155.

деятельность комиссии на этапе её становления «… строгой и точной регламентацией». В соответствии с принятым постановлением вопрос об уставе на продолжительное время был отложен. Вернулись к нему спустя пятнадцать лет. 22 января 1901 года годовое общее собрание признало жизненно необходимым для дальнейшего развития комиссии оформление основных принципов деятельности в виде уставного документа. 25 сентября 1908 года «Устав состоящей под высочайшим его императорского величества покровительством Тамбовской ученой архивной комиссии» был утвержден. В нем определялась подотчетность комиссии, источники её бюджета, круг обязанностей и права сотрудников, фиксировался порядок выбора действительных, почетных членов, должностных лиц и т.д. Утверждение устава способствовало более точному определению организационной структуры комиссии и конкретизации направлений ее деятельности. И хотя впоследствии далеко не все его статьи в точности соблюдались (например, порядок уплаты членских взносов), принятие устава способствовало упрочению положения комиссии.

В соответствии с уставом члены ТУАК должны были носить нагрудный знак. В 1908 году А. Н. Норцов обратился с ходатайством об утверждении знака, но получил отказ. В 1914 году было принято решение о повторном ходатайстве на предоставление членам ТУАК права ношения нагрудного знака. На этот раз прошение было удовлетворено: 16 февраля 1915 года Николай II подписал «Положение о нагрудном знаке Тамбовской ученой архивной комиссии двух степеней». Сумма, вносившаяся за право ношения знаков, была достаточно высока – 450 рублей за знак первой степени (для почетных членов) и 150 рублей – второй степени (для действительных членов).

В отличие от Тамбова саратовские краеведы холодно отнеслись к идее создания в городе ученой архивной комиссии и тому была причина. Дело в том, что в Саратове по инициативе местной интеллигенции было уже намечено открытие «Историко-археологического общества». Столкнувшись с нежеланием саратовцев создать губернскую ученую архивную комиссию, Н. В. Калачов решил приехать в Саратов и лично принять участие в создании комиссии. Однако по дороге в Саратов на станции Ртищево он тяжело заболел и был отправлен в свое имение Волхонщина Сердобского уезда, где 25 октября 1885 года скончался.

Воспользовавшись сложившейся ситуацией, инициатор создания «Историко-археологического общества» А. И. Шахматов вновь начинает ходатайствовать об его открытии. В марте 1886 года статс-секретарь Министерства народного просвещения Делянов заявил, что открытие в Саратове «… Историко-археологического общества препятствий не встречает»[1].

Однако идея его открытия натолкнулась на серьезное сопротивление со стороны саратовского губернатора А. А. Зубова. В специальном отношении в Министерство внутренних дел в апреле 1886 года он указывал, что, во-первых, цели, поставленные учредителями общества, могут «… найти свое осуществление... в развитии деятельности и в трудах местного статистического комитета..., и в ученой архивной комиссии», во-вторых, «Саратовская губерния не может в среде своего населения насчитать настолько достаточное число лиц, преследующих интересы знания, чтобы формирование особого общества «Истории, археологии и этнографии» не отразилось неблагоприятно на деятельности местного статистического комитета и ученой архивной комиссии»[2]. Позиция губернатора и решила исход дела.

12 декабря 1886 года губернатор пригласил к себе группу чиновников, планируемых в члены архивной комиссии, и провозгласил её создание. Первым председателем комиссии стал вице-губернатор Адольф Андреевич Тилло, а правителем дел магистр богословия Николай Степанович Соколов.

Также как и в Тамбове, высшим распорядительным органом и здесь были общие собрания сотрудников. Вначале они также проводились регулярно, но в силу отсутствия постоянного помещения со второй половины 90-х годов XIX столетия их число сокращается, как сокращается и приток новых членов в её ряды. В 1896 – 1899 годы состоялось лишь по одному собранию в год, в 1899 году в комиссию не вступило ни одного нового члена. Лишь по выходу изданий Саратовской ученой архивной комиссии «… ещё можно было думать, что комиссия существует и работает»[3].

В начале XX века в жизни и деятельности Саратовской ученой архивной комиссии происходят существенные изменения. В этой связи следует выделить коренные изменения ее социального состава

[1] Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии… С. 19.
[2] Там же. С. 23.
[3] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 54. Л. 10 об – 12.

и более значительное привлечение к деятельности комиссии профессиональных историков. Кроме того, многообразие исследовательской деятельности архивной комиссии неизбежно вело к специализации занятий. Все это, несомненно, свидетельствовало о постепенном превращении Саратовской комиссии из кружка любителей старины в научно-исследовательское общество по изучению истории местного края. Этот процесс отмечался известным русским археологом А. А. Спицыным и академиком А. А. Шахматовым, познакомившимися с деятельностью СУАК летом 1912 года[1]. Определенное воздействие оказывала Саратовская ученая архивная комиссия на преподавание истории в городских средних учебных заведениях и формирование исторических знаний у учащихся. В 1911 году из учащихся городских гимназий при комиссии был создан кружок под названием «Группа учеников-любителей изучения Саратовского края»[2]. В январе 1916 года несколько педагогов обратилось в СУАК с предложением создать при комиссии секцию, объединяющую учителей истории. Потребность в такого рода подразделении СУАК, по их мнению, была вызвана необходимостью повышения квалификации учителей, стремлением их изучать историю Саратовского края и обмениваться методологическими рекомендациями. Уже первые заседания секции, возглавляемой членом СУАК В. Н. Золотаревым, собрали свыше 30 человек[3].

Социально-политические события 1917 года и последующего периода коренным образом изменили жизнь и деятельность СУАК. В связи с этим несколько меняется характер деятельности комиссии. Ее члены привлекаются советскими органами в качестве экспертов при национализации исторических ценностей, участвуют в различных комиссиях, например, в комиссии по реализации декрета об отделении церкви от государства[4]. Некоторых из них губернский отдел народного образования привлек в качестве организаторов и инструкторов сельских и уездных музеев[5].

Также как и ТУАК в 1918 году Саратовская ученая архивная комиссия декретом советского правительства «Об упорядочении

[1] Труды СУАК. Вып. 30. С.31.
[2] Соколов В. П. Указ. соч. С.194.
[3] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 289. Л. 5, 16.
[4] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 310. Л. 5.
[5] **Миронов, В. Г.** Неистовый Богдан /В. Г. Миронов //Годы и люди. Саратов,1992. Вып. 6. С. 82.

архивного дела в России» была ликвидирована, хотя формально она просуществовала до 1920 года. Вместо неё было создано Общество истории, археологии и этнографии при Саратовском университете (Истархэт). В исторической литературе существуют различные объяснения причин прекращения деятельности Саратовской ученой архивной комиссии. Одни исследователи (В. Г. Миронов) полагают, что архивная комиссия в Саратове прекратила свое существование в ходе реализации декрета[1]. Другие (В. Н. Данилов) утверждают, что архивная комиссия сохранилась, изменив при этом название[2]. Нам представляется более убедительной последняя точка зрения. Это подтверждает следующий факт. Когда был выпущен первый том трудов нового общества, то он был обозначен выпуском № 34. Это подтверждает, что составители и авторы выпуска рассматривали его как продолжение трудов СУАК.

9 сентября 1901 года – в день 100-летней годовщины восстановления Пензенской губернии на заседании губстаткомитета состоялось открытие Пензенской ученой архивной комиссии (ПУАК). Пенза стала 21-м городом в России, создавшим архивную комиссию. На учредительном заседании присутствовало 26 человек. После речи губернатора А. В. Адлерберга с изложением хода подготовительных работ выступил член-секретарь ГСК В. П. Попов. Затем губернатор предложил всем присутствующим вступить в действительные членов и выбрать председателя и правителя дел комиссии. Председателем был единогласно избран известный пензенский краевед Владимир Харлампиевич Хохряков, а правителем дел – Владимир Павлович Попов. После этого губернатор объявил об открытии комиссии.

ПУАК также как и другие комиссии проводила общие собрания, очередные, экстренные и юбилейные заседания. Всего с 1901 по 1911 год было проведено четыре общих собрания, четыре очередных заседания – одно экстренное и одно юбилейное заседание[3]. На общих собраниях заслушивались и утверждались отчеты о личном составе, денежных средствах и деятельности комиссии за минувшие годы, с которыми выступал обычно В. П. Попов, а на юбилейном заседании 13 декабря 1911 года он прочел краткий исторический очерк

---

[1] **Миронов, В. Г.** Нижневолжское краеведение в 1917 – 1920 годы /В. Г. Миронов //Краеведческие чтения. Саратов, 1993. С. 59 – 60.

[2] **Данилов, В. Н.** «Золотое десятилетие» Саратовского исторического краеведения (1920-е годы) /В. Н. Данилов //Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 1. С. 162.

[3] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1. Л. 31 – 35.

возникновения ПУАК и сделал отчет о ее личном составе, денежных средствах и деятельности за все десять лет существования комиссии[1]. Заседание 22 января 1903 года было историческим оно постановило приступить к изданию «Трудов Пензенской ученой архивной комиссии». Кроме этого, на заседаниях и собраниях решалось большое количество всевозможных текущих вопросов.

Младшая, по отношению к Саратовской и Тамбовской комиссиям, ПУАК в большей степени нуждалась в постоянных контактах с другими подобными учреждениями и научными обществами. Судя по архивным документам, значительная часть переписки ПУАК представляла собой обмен опытом по организации архивного дела, финансовым и кадровым вопросам.

В 1904 году пензенский губернатор С. А. Хвостов сообщил, что великий князь Сергей Александрович, к которому он ранее обращался с просьбой принять ПУАК под свое августейшее покровительство, выразил на это свое согласие. Было решено ходатайствовать перед императором о его соизволении на принятие комиссии под покровительство Сергея Александровича. 26 мая царское разрешение было получено. Однако под покровительством великого князя ПУАК находилась недолго, поскольку тот скончался 7 февраля 1905 года.

Осенью 1905 года новый пензенский губернатор А. П. фон-Лилиенфельд-Тоаль просил принять ПУАК под свое августейшее покровительство императрицу, но она ответила отказом, сославшись на то, что она уже оказывает покровительство массе учреждений и «… более не принимает под свое покровительство никаких учреждений»[2]. 21 марта 1912 года губернатор вновь ходатайствовал перед царем через министра внутренних дел о принятии им под свое покровительство ПУАК[3]. Но министр отказал в подаче этого ходатайства царю, мотивируя отказ тем, что ПУАК существует лишь 10 лет и в ее деятельности «… не усматривается каких-либо особых обстоятельств, которые могли бы обратить на нее высочайшее внимание и послужить основанием к испрошению ей высочайшей милости»[4].

---

[1] ПГВ. 1911. № 304.

[2] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д.2. Л. 197.

[3] Там же. Д.22. Л. 54 – 55.

[4] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д.22. Л. 6.

29 июня 1914 года Николай II, почетный председатель Императорского Русского исторического общества, будучи ознакомлен с результатами съезда представителей ГУАК, выявившего «… полное нестроение архивного дела в России» принял под свое покровительство все губернские ученые архивные комиссии страны. Кроме того, он уведомил министра внутренних дел о желательности открытия губернских ученых архивных комиссий во всех губерниях России[1].

События 1917 года не обошли стороной и ПУАК. В годы Гражданской войны её работа оказалась фактически парализованной. В марте 1918 года Совет Пензенского народного университета и Губернская коллегия народного просвещения ходатайствовали перед ПУАК о передаче ее библиотеки и музея Пензенскому народному университету, мотивируя необходимость этого шага опасностью передачи фондов комиссии в руки некомпетентных лиц. Это ходатайство было удовлетворено. Правда, в распоряжении комиссии осталось здание и не разобранные архивные материалы, но в 1918 году согласно уже упоминавшегося нами декрета «Об упорядочении архивного дела в России» Пензенская ученая архивная комиссия в числе других архивных комиссий была ликвидирована[2].

В заключение следует сказать, что создание ГУАК не было случайным, спорадическим явлением. Они появились в ходе продолжительного и сложного процесса создания в России системы историко-архивных учреждений. Открытию комиссий предшествовала длительная работа местных краеведов по сбору исторических источников, изучению истории края и пропаганде историко-краеведческих знаний. Организационными центрами этой деятельности были губернские статистические комитеты.

ГУАК имели статус полуофициальных организаций, т.к., во-первых, созданы они были не в обязательном порядке, по директиве сверху, а по предложению губернаторов; во-вторых, ГУАК не состояли на регулярном и полном государственном финансировании; в-третьих, работа членов комиссии не оплачивалась, а выполнялась бескорыстно, на общественных началах. В то же время деятельность комиссий протекала в достаточно жестких рамках, определенных

[1] Там же. Д. 44. Л. 26.

[2] **Мануйлова, Е. В.** Из истории Пензенской ученой архивной комиссии /Е. В. Мануйлова //Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1992. Вып. 3. С. 12.

официальными документами, курировалась Министерствами внутренних дел и народного просвещения.

Кадровый состав комиссий состоял из представителей различных общественных слоев. Но наряду с социальным отсутствовал и образовательный ценз, что негативно отражалось на их работе. Острый дефицит квалифицированных специалистов был свойственен всем губернским ученым архивным комиссиям. Правда, некоторое исключение здесь составляла СУАК, привлекая к своей работе профессиональных историков. ГУАК постоянно обменивались между собой, а также с другими научными, образовательными, просветительскими и правительственными учреждениями организационным опытом, изданиями и историческими источниками.

I. 2. Финансовое положение ученых архивных комиссий. Издательское и библиотечное дело.

Одной из наиболее острых проблем, стоявших перед учеными архивными комиссиями с момента их создания, была материальная сторона. Официальные документы не обеспечивали их сколько-нибудь надежными источниками финансирования. «Положение» 1884 года в качестве источников бюджета комиссий называло: 1) денежные средства, находящиеся в распоряжении директора Археологического института, которые выдавались в качестве пособия губернским ученым архивным комиссиям; 2) средства, ассигнуемые Министерством юстиции на вознаграждение членов архивных комиссий за разборку старинных архивных судебных дел; 3) средства, ассигнуемые земскими и городскими общественными учреждениями; 4) деньги, получаемые от продажи изданий комиссии; 5) частные пожертвования; 6) членские взносы (для действительных членов – 5 руб., для членов-соревнователей – 3 руб.[1]; 7) финансирование из государственной казны (появляется в начале XX в.).

Первый источник финансирования ГУАК был справедливо охарактеризован директором Археологического института А. Н. Труворовым как «эфемерный». Институт не располагал необходимыми для систематического субсидирования комиссий средствами, а величина местных пожертвований в пользу науки определялась степенью заинтересованности в их деятельности

[1] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

провинциального общества. Все это привело к тому, что ГУАК стали, по выражению директора Археологического института И. Е. Андреевского, «… самыми дешевыми установлениями, когда-либо действовавшими в России»[1]. Данные доводы подтверждаются примерами исследованных нами комиссий. В силу того, что одной из первых была открыта Тамбовская комиссия и вопрос о помещении для неё стоял очень остро (о чем ниже мы скажем подробнее) Археологический институт выделил на эти цели восемь тысяч рублей (из них пять были присланы Н. В. Калачовым от лица некоего почетного члена института, пожелавшего остаться неизвестным)[2], а Саратовская и Пензенская архивные комиссии вообще не получали от него денежных пособий. В 1899 году отвечая на запрос пензенского губернатора по поводу предстоящего открытия ученой архивной комиссии, директор Археологического института отказал в её субсидировании, ссылаясь на то, что средств на поддержку архивных комиссий из казны не выделено. Он рекомендовал, указывая на опыт других архивных комиссий, привлечь к финансированию ПУАК местные средства[3].

В 1885 году Н. В. Калачов добился от Министерства юстиции назначения комиссиям пособия на расходы по разбору и описанию архивов упраздненных судебных учреждений. В марте 1885 года он известил И. И. Дубасова о выделении Тамбовской комиссии 500 рублей, а также высылке 100 рублей на текущие расходы из личных средств. Это пособие стало основным источником финансирования одного из важнейших направлений деятельности комиссии – разбора и описания документальных материалов и формирования исторического архива на период с 1887 по 1892 годы. Ежегодная субсидия от Министерства юстиции составляла двести-триста рублей. С 1893 года дотации были прекращены и возобновились лишь в 1901 году. На этот раз эпизодические ассигнования (в 1901, 1903 и 1905 гг.) составили в общей сложности сумму в четыреста рублей, после чего были прекращены вовсе.

---

[1] **Андреевский, И. Е.** О деятельности ученых архивных комиссий в 1885 году /И. Е. Андреевский //Вестник археологии и истории. СПб., 1888. Вып. VII . С. 10.

[2] ГАТО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 32 а. Л. 30 об.

[3] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

Некоторые средства от Министерства юстиции, выдававшего небольшие суммы на разбор судебных архивов в Саратове, получила и СУАК[1].

ПУАК вообще не получала субсидий от этого министерства. На наш взгляд, это связано с тем, что она была открыта в 1901 году, когда оно практически прекратило финансирование архивных комиссий.

Выделяемые местными учреждениями и общественными организациями средства были наиболее значительными для всех ГУАК. Следует согласиться с выводом Л. Ф. Писарьковой о том, что «…выжить архивные комиссии смогли только благодаря материальной поддержке земств и городов, которые выделяли из своего бюджета небольшие суммы на их содержание»[2].

Впервые эта идея была выдвинута в 1893 году председателем ТУАК И. И. Дубасовым, когда он предложил ходатайствовать о назначении пособия от земств и городов[3]. При этом он руководствовался прецедентами, имевшими место в ряде губерний, где земства принимали участие в финансировании ГУАК. Так, доля их денежных вкладов составляла от 65% до 90% бюджета Нижегородской, Тверской, Саратовской и Симбирской комиссий[4]. Что же касается Тамбовской губернии, то вплоть до 1890-х годов местные власти ни в какой форме не проявляли своей заинтересованности в деятельности архивной комиссии. Лишь однажды, в 1889 году, городская управа передала ей в дар сумму в 315 рублей, собранную по подписке на одном из юбилейных обедов. Однако на этот раз прошение ТУАК было удовлетворено и в 1894 году земства губернии перечислили на ее счет 110 рублей[5]. После этого губернские власти, очевидно, сочли себя сполна выполнившими долг перед местным ученым обществом и в течение последующих пяти лет попыток его финансирования не предпринимали. В отчете комиссии за 1898 год констатировалось, что

---

[1] Труды СУАК. Саратов, 1891. Т. 3. Вып.1. С. 10.

[2] **Писарькова, Л. Ф.** Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности /Л. Ф. Писарькова //Археографический ежегодник за 1989 год. М.,1990. С.192.

[3] ИТУАК. Тамбов, 1893. Вып. 38. С. 5.

[4] **Снежневский, В. И.** Губернские ученые архивные комиссии и архивное дело в них /В. И. Снежневский. М., 1902. С. 4 – 5.

[5] ИТУАК. Тамбов, 1895. Вып. 40. С. 11.

в последние 10 лет она существует исключительно на средства, пожертвованные купцом В. Н. Никитиным[1]. В 1890 году он передал ТУАК значительную сумму, составившую 2499 рублей. Однако к концу 1890-х годов большая часть этих средств была уже израсходована, и на заседании 21 февраля 1900 года члены комиссии были вынуждены с горечью признать, что их бедственное положение никак не волнует местные власти.

В начале XX столетия ТУАК, благодаря энергии и связям нового председателя, все же удалось добиться пособия от губернского земства и дворянства размером соответственно в 200 и 300 рублей. С этого времени денежная помощь от них стала ежегодной (за исключением 1907 и 1908 гг.) и превратилась в один из основных источников существования комиссии. Однако следует отметить, что размеры пособий в разные годы были неравнозначны и колебались от 790 рублей в 1903 году до 25 рублей в 1909 году. В качестве основных жертвователей выступали: губернская земская управа, дворянское собрание и ряд уездных земских управ. В то же время многие из местных административных органов ответили на просьбу комиссии отказом.

Между тем с началом революции 1905 – 1907 годов произошло заметное ухудшение финансового положения ТУАК. В 1905 году пособия от земских управ составили в общей сложности 150 рублей, в 1906 году – дотации поступили лишь от губернского дворянского собрания (исключительно благодаря хлопотам почетного члена комиссии тамбовского предводителя дворянства Н. Н. Чолокаева). В условиях внутриполитического кризиса ТУАК нашла несвоевременным обращение за субсидиями, в результате чего к 1908 году она не имела иных источников пополнения бюджета, кроме нерегулярных членских взносов. Критическое положение заставило комиссию обратиться за помощью к местным властям. Однако на этот раз, как земские учреждения, так и тамбовская общественность в целом, проявили заметное равнодушие к ее просьбам.

К моменту создания Саратовской ученой архивной комиссии при содействии губернатора А. А. Зубова уездные земства и городские думы выделили на её нужды 1650 рублей, что поставило её в более выгодные условия по сравнению с другими архивными комиссиями[2]. Заметим, что в 1887 году денежные средства Тамбовской архивной

[1] ИТУАК. Тамбов, 1901. Вып. 44. С. 32.

[2] Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1. Вып. 1. С. 6.

комиссии составили 438 рублей[1]. Уже в 1889 году некоторые уездные земства стали заявлять о невозможности оказывать СУАК денежную помощь[2]. В целом же за период с 1889 по 1893 годы в распоряжении СУАК из разных мест поступило 917 рублей, а израсходовано на различные нужды 3849 рублей.

С наибольшими трудностями СУАК столкнулась во второй половине 1890-х годов. На 1 января 1895 года наличных денег в кассе комиссии оказалось всего 15 рублей. Денежные поступления в этом году составили 83 рубля, а расходы – 559 рублей 94 коп.[3] В 1896 году расходы превысили доходы на 305 рублей[4].

Некоторые дотации СУАК получила от губернской земской управы, а также от Саратовской, Балашовской, Кузнецкой уездных земских управ. Постепенно и эти источники стали сокращаться. В отчете о деятельности комиссии за 1895 – 1900 годы в этой связи говорится: «Земства и города ... охладели к нуждам комиссии: ассигнуемые суммы дошли до ничтожного предела и едва вместе с членскими взносами могли покрывать расходы по письмоводству и на найм рассыльного... »[5].

Один из старейших членов СУАК В. П. Соколов в 1911 году, подводя итоги 25-летней деятельности комиссии, отмечал, что вторая половина 1880-х годов была относительно благополучным в материальном отношении периодом в жизни комиссии, а в 1890-е годы она «… очутилась в печальном положении: у ней долго не было почти никаких средств, но было достаточно долгов, за которые однажды её обстановка была описана судебным приставом»[6].

С 1903 года положение несколько изменяется в лучшую сторону доходы комиссии составили 904 рубля 69 коп., а расходы – 884 рубля 63 коп.[7], т.е. доходы стали превышать расходы. Примерно такое же соотношение сохранялось и в последующие годы, что значительно улучшило финансовое положение комиссии. Однако и эти поступления не смогли обеспечить нормальное функционирование комиссии. Уже в 1916 году комиссия заявила о невозможности

[1] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 5. Л.5. об.
[2] Труды СУАК. Саратов,1890. Т. 2. Вып.2. С.16.
[3] Труды СУАК. Саратов,1890. Т. 2. Вып. 2. С. 24.
[4] Труды СУАК. Саратов,1898. Вып.21. С. 46 - 47, 49.
[5] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 54. Л. 10 об.
[6] Соколов В. П. Указ. соч. С.100.
[7] Труды СУАК. Саратов, 1908. Вып. 24. С. 121.

заниматься издательской деятельностью из-за отсутствия денежных средств.

Пензенская ученая архивная комиссия начала свою деятельность благодаря финансовой поддержке местных властей. Первый сбор средств на финансирование открытия и деятельности ПУАК был проведен в начале 1901 года. Губернской, уездным земским и городским управам, городской думе были разосланы прошения о выделении денежных субсидий. Всего, по имеющимся данным, к августу 1901 года было собрано около 850 рублей[1]. На общем собрании 12 февраля 1902 года было отмечено, что комиссия получила лишь 650 рублей. Кроме того, к этому времени 11 из 40 членов комиссии уплатили членские взносы – их общая сумма составила 55 рублей. Таким образом, на 12 февраля 1902 года приходная статья бюджета ПУАК включила в себя в общей сложности 705 рублей. Почти вся полученная сумма была израсходована на ремонт переданного ей здания. Судя по приходно-расходным ведомостям ПУАК можно сказать, что до 1905 года её бюджет увеличивался. Оставались даже неизрасходованные средства. Однако революционные события 1905 – 1907 годов сократили пособия от городских и земских уездных управ. На заседании 19 сентября 1905 года, отмечалось, что ее бюджета едва хватает на текущие расходы по содержанию помещения и прислуги, и в связи с этим невозможно создать постоянный штат оплачиваемых работников для приведения в порядок, систематизации и изучения собранных материалов. Появилась задолженность типографии Пензенского губернского правления, которая была ликвидирована лишь в 1910 году[2]. В связи с тем, что с этого времени увеличиваются взносы от городских и земских управ. ПУАК благодарила их за возможность «… прекрасно отремонтировать здание, организовать очень прекрасный музей, исторический архив и ценную библиотеку»[3]. Однако начавшаяся Первая мировая война резко подорвала финансовое положение не только ПУАК, но и других комиссий. Так, 9 февраля 1917 года она обращалась в губернскую земскую управу с просьбой о субсидии, т.к. резко подскочили цены на дрова «… необходимые на отопление её помещения и вследствие

[1] ГАПО.Ф. 131. Оп. 1. Д. 1. Л. 11, 13, 15 – 17, 20 – 29, 32, 49, 51, 52, 62, 63, 67, 68.
[2] ГАПО.Ф. 131. Оп. 1. Д. 42. Л. 18.
[3] Там же. Д. 19 Л. 3.

вздорожания цен на все канцелярские и хозяйственные предметы»[1]. К чести управы деньги комиссии были выданы. Поэтому с категоричным заявлением одного из исследователей ПУАК Б. А. Дорошина о том, что комиссия прекратила свое существование из-за финансовых трудностей мы не совсем согласны. В силу того, что подобные трудности в кризисные годы испытывали все ГУАК. Скорее здесь дело в том, что работа комиссии начала сворачиваться после ухода, в связи с болезнью, с поста председателя В. Х. Хохрякова, а революционные события лишь ускорили этот процесс.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам средства от продажи собственных изданий, в исследуемых нами комиссиях, были незначительными. Так, например, в бюджетных ведомостях ПУАК лишь в 1904 году по этой статье доходов она получила 344 рубля. По другим годам подобная статья отсутствует[2]. В ведомостях ТУАК и СУАК эта статья вообще не упоминается. Подобное положение, на наш взгляд, сложилось в связи с тем, что местные издания выходили небольшими тиражами, а соответственно имели высокую себестоимость (от 1 до 2 рублей) и длительное время не реализовывались. В провинциальных городах сложилась парадоксальная ситуация – те, кто мог приобрести эти издания, не имел желания в силу своего интеллектуального уровня, а тот, кто бы их приобрел – не имел средств.

К данной статье доходов мы бы ещё отнесли продажу нагрудных знаков, которые имели некоторые комиссии. К их числу относится ТУАК у которой в 1908 году появился собственный нагрудный знак. Это явилось определенным подспорьем вливания в ее казну средств, полученных в результате реализации этих знаков. В 1909 году в результате их продажи комиссия получила 328 рублей, в 1915 году – 1200, 1916 году – 600, 1917 году – 750 рублей[3].

Одной из статей доходов ГУАК являлись также пожертвования от частных лиц «в пользу науки». Их доля в бюджете комиссий была относительно невелика, т.к. круг жертвователей был ограничен и включал в себя, главным образом, членов комиссий. Например, в Тамбове в их число входили губернатор А. А. Фредерикс, купец В. Н. Никишн, землевладелец В. М. Аносов, помещик И. Д. Траскин,

[1] Там же. Д. 8. Л. 31.

[2] Дорошин Б. А. История Пензенской губернской ученой архивной комиссии… С. 34.

[3] ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 97.

поручик С. Н. Чичерин. Обращения за материальной поддержкой к представителям местного дворянства, как правило, последствий не имели. Так, в сентябре 1901 года А. Н. Норцов предпринял попытку заручиться согласием на небольшую ежегодную субсидию графа П. С. Строганова, пожертвовавшего незадолго до этого богатую коллекцию книг публичной библиотеке. Граф решительно отклонил саму возможность субсидирования комиссии деньгами предложив свою помощь в комплектовании исторического архива[1]. Вопрос о частных пожертвованиях членов Тамбовской архивной комиссии поднимался на заседании 11 ноября 1906 года, на котором А. Н. Норцов отметил, что «… многие члены комиссии разорены аграрными беспорядками, другие не получают аренды, и тем самым лишены возможности прийти материально на помощь комиссии»[2].

Небольшие суммы жертвовались частными лицами в пользу СУАК. В 1896 – 1897 годах князья Ф. А. и С. В. Куракины внесли в кассу комиссии 225 рублей, а красноярский купец Г. В. Юдин в 1898 году – 100 рублей, председатель губернской земской управы князь Н. Н. Львов в 1900 году – 100 рублей[3]. С 1911 года Саратовская ученая архивная комиссия стала получать ежегодное пособие в размере 800 рублей от бывшего первого председателя комиссии А. А. Тилло[4].

ПУАК не получала даже таких частных пожертвований. Нами обнаружен лишь один факт частного пожертвования в пользу комиссии, в 1911 году
Архиепископом Григорием, настоятелем Спасо-Преображенского монастыря в сумме 50 рублей[5].

В большинстве архивных комиссий России процедура уплаты членских взносов не была должным образом отрегулирована. Подобное положение дало повод поставить этот вопрос на Первом съезде ГУАК. По результатам его обсуждения председатель Иркутской комиссии М. М. Щуцкий был вынужден констатировать: «Это общее явление в России, когда членских взносов не вносят, почти никто не вносят и у нас...»[6].

---

[1] ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 7. Л. 28 – 29.
[2] ИТУАК. Тамбов, 1909. Вып. 53. С. 11.
[3] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 54. Л. 1 об, 2 об.
[4] Соколов В. П. Указ. соч. С. 204.
[5] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 19. Л. 21.
[6] Труды Первого съезда представителей… С. 57.

В этом отношении Тамбовская комиссия не выделялась из ряда других ГУАК. Ежегодные суммы, вносимые в качестве членских взносов, колебались от 28 рублей в 1915 году до 208 рублей в 1889 году и составляли в среднем до 90 рублей в год. При этом год от года все отчетливее проявлялась тенденция к сокращению вносимых сумм.

Подобная ситуация наблюдалась и в Саратовской ученой архивной комиссии, однако здесь по данным на 1900 год членские взносы выросли до 339 рублей[1].

Проблема неуплаты членских взносов была поднята даже на юбилейном заседании Пензенской комиссии 13 декабря 1911 года. В постановлении, в частности, говорилось, что уплата взносов за последние годы почти прекратилась, возникшую крупную недоимку предлагалось списать со счетов, а членов ПУАК просить впредь уплачивать членские взносы более аккуратно, тех же кто не выплатит взносы в течении 2 – 3 лет после данного постановления, исключить из состава комиссии. Видимо, это постановление не произвело большого эффекта, т.к. 9 марта 1913 года непременный попечитель вновь просил членов комиссии уплатить взносы, обещая в противном случае принять те же меры[2].

Некоторые шаги с целью улучшения материального положения ученых архивных комиссий в начале XX столетия были предприняты правительством, заинтересованным в улучшении архивного дела в стране. В 1903 году министр внутренних дел В. К. Плеве предлагал выделять каждой комиссии ежегодное пособие в размере 2000 рублей[3]. В 1908 году эту мысль поддержал П. А. Столыпин, но уже сокративший предполагаемую сумму в 10 раз. В 1909 году проект Столыпина был утвержден Государственной думой[4]. Пособия стали выделяться через Министерство внутренних дел в указанном размере в период с 1909 по 1914 год. Кроме того, в 1911 году в качестве единовременного пособия министерство перечислило Тамбовской архивной комиссии одну тысячу рублей на издание архивов Сухтелен, Канкриных и Ламберт. И, наконец, в 1914 году оно

[1] Труды СУАК. Аткарск, 1902. Вып. 22. С. 190.

[2] Дорошин Б. А. История Пензенской губернской ученой архивной комиссии… С. 43.

[3] Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. С. 678.

[4] Там же. С. 679.

предоставило ТУАК тысячную субсидию для уплаты долгов губернской типографии.

Определенную поддержку комиссиям оказывало также Русское историческое общество (РИО). Проведя в начале 1910-х годов анкетирование ГУАК, оно пришло к заключению, что главной проблемой всех комиссий было отсутствие средств[1]. В этой связи на заседании 6 марта 1912 года РИО приняло решение о выдаче им единовременного пособия и размере двух тысяч рублей. Всем ГУАК деньги были выделены, но получены они были в разное время, так, например, Пензенская комиссия их получила в 1913, а Тамбовская – в 1915 году.

Вопрос об организации регулярного финансирования остро стоял на Первом съезде ГУАК в 1914 году. Представители комиссий указали на случайный характер источников их существования, что ставило под угрозу саму возможность их дальнейшей деятельности, не говоря уже о планомерной научной работе. По решению съезда комиссиям для удовлетворения необходимых потребностей необходимо было выделять ежегодное пособие размером не менее трех тысяч рублей[2]. Однако это предложение не было реализовано и к концу своего существования ГУАК подошли с тем же бременем нерешенных финансовых проблем, которое они несли на протяжении всей своей истории.

Важным фактором, определявшим степень результативности деятельности ГУАК, было наличие у них собственных помещений. Однако большинство комиссий не имели не только специальных зданий архивного типа, но даже просто более или менее приемлемых помещений.

Тамбовской комиссии пришлось столкнуться с этой проблемой с первых дней своего существования: архивисты были вынуждены проводить работу по разбору и описанию Шацкого архива в не отапливаемом помещении нотариального архива. Местные власти ничего не сделали для исправления положения и в конечном итоге в качестве основных источников финансирования строительства помещения для комиссии выступили Археологический институт, предоставивший сумму в размере восьми тысяч рублей, комитет

[1] Годичное общее собрание Императорского Русского Исторического общества 12 марта 1915 года. Пг., 1915. С. 26.

[2] Труды Первого съезда представителей… С. 74.

губернского музея (три тысячи рублей) и частные пожертвования (две тысячи рублей поступили от козловского купца Попова)[1].

Осенью 1886 года строительные работы были завершены. ТУАК получила в собственное распоряжение три комнаты обшей площадью 142,5 кв.м на третьем этаже здания публичной библиотеки. В них предполагалось разместить музейные коллекции и фонды исторического архива.

Переезд в собственное помещение благотворно сказался на деятельности комиссии. Ее члены получили возможность регулярно проводить собрания, активизировать работу по комплектованию архива и музея, рационально организовать кропотливый труд по разбору и описанию документальных материалов. Однако в очень скором времени выяснилось, что имевшихся в распоряжении комиссии площадей недостаточно для быстро разраставшихся фондов.

В октябре 1913 года возобновились переговоры органов городского управления и ТУАК относительно приобретения ей помещения. При этом городская управа обещала предоставить для нее усадьбу с домом. Но обещание так и осталось обещанием. Заметим, что ТУАК эту проблему так и не разрешила вплоть до конца своего существования.

На протяжении длительного времени СУАК также не имела постоянного помещения и средств для его приобретения или аренды. В 1886 году распоряжением губернатора А. А. Зубова комиссию разместили в здании присутственных мест. Но этого было явно недостаточно. В 1888 году архивная комиссия ходатайствовала в городской думе о разрешении разместить в залах Радищевского музея библиотеку и музей комиссии, чтобы сделать их доступными для всех желающих. Разрешение последовало лишь в 1893 году, а в 1894 году его директор В. П. Рупини согласился на хранение в музее библиотеки комиссии. Но в 1897 году комиссии пришлось покинуть Радищевский музей, в котором было открыто рисовальное училище[2]. После упорных ходатайств председателя комиссии Л. Л. Голицына библиотека была сдана на хранение в дворянский пансион, а музейные коллекции расположились под лестницей в доме графа А. Д. Нессельроде, где во дворе в сарае рядом с конюшней и прачечной хранился исторический архив комиссии. В 1899 году некоторые

[1] Алленова В. А., Мизис Ю. А. Указ. соч. С. 112.

[2] Соколов В. П. Указ. соч. С. 101 – 104.

архивные дела пострадали при пожаре, а остальные были перемещены частично в зал заседаний дворянского депутатского собрания, а частично в дом хранителя архива В. П. Соколова. Лишь в 1901 году городская дума разрешила комиссии занять под свои нужды несколько комнат в здании городской публичной библиотеки[1]. В таком положении СУАК находилась до тех пор пока в 1911 году ее первый председатель, бывший саратовский вице-губернатор Адольф Андреевич Тилло не подарил комиссии «… дом со всею обстановкой, усадьбой, службами и флигелем на дворе, и, кроме того, жертвовал капитал в 20000 рублей, на проценты с которого дом должен содержаться и поддерживаться»[2]. Условием дарения А. А. Тилло считал открытие при Саратовской ученой архивной комиссии музея памяти П. А. Столыпина. Благодаря частной инициативе СУАК получила нормальное помещение.

В отличие от ТУАК и СУАК Пензенская ученая архивная комиссия практически с момента своего создания получила собственное здание, в котором до этого располагалась военная гауптвахта. В нем она и находилась до 1918 года.

Большинство ГУАК считало своей обязанностью представлять результаты своих научных исследований на страницах собственных периодических печатных органов. Из 39 комиссий лишь восемь не имели своих «Трудов» или «Известий». Остальные с различной степенью периодичности выпускали в свет сборники, в которых публиковалась научная продукция. Эти издания имели схожую структуру, которая обычно состояла из следующих разделов: «Официальная часть», «Рефераты и доклады», «Материалы для истории местного края». В первом разделе печатались документы, связанные с организацией деятельности комиссии, журналы заседаний и собраний, отчеты и т.п., во втором – исторические исследования членов комиссии, в третьем – архивные документы, выдержки из них, описи и документы губернских исторических архивов и т.п. В середине 1890-х годов в научных кругах возникла мысль об учреждении при Академии наук единого для ГУАК органа. Предложение мотивировалось открывавшейся возможностью экономить средства и добиться единообразия в изданиях. Предполагалось также, что концентрация результатов исследований

[1] Там же. С. 105.
[2] Соколов В. П. Указ. соч. С.199.

комиссий в одном центральном сборнике создаст более благоприятные условия для ознакомления с ними широкой научной общественности. Подобное предложение имело под собой весьма резонные основания. Из-за отсутствия налаженной системы библиографических изданий провинциальные публикации далеко не всегда становились достоянием крупных научных центров. Современники признавали, что архивные комиссии сплошь и рядом печатают весьма ценные материалы, но все это лежит в неизвестности. Однако большинство ГУАК выступило против данного предложения. При этом они исходили, во-первых, из опасения обезличивания своих публикаций и, во-вторых, принимались во внимание экономические соображения. Многие комиссии имели возможность при бесплатном издании своих трудов получать от их продажи некоторые средства, в результате издательская деятельность превращалась в один из источников бюджета комиссий.

Тамбовская комиссия принадлежала к числу ГУАК, которые с первого года своего существования начали издание периодических сборников. Ознакомившись с её первым выпуском, Н. В. Калачов написал И. И. Дубасову, что он «… в высшей степени интересен и дает полную надежду на хорошее развитие в будущем архивных в Тамбовском крае занятий и вообще разработке здесь древностей»[1].

Печатный орган ТУАК представлял собою периодическое издание, выходившее в свет с 1885 по 1918 год. Первоначально (с 1885 по 1886 гг.) оно носило название «Журнал заседаний общих собраний Тамбовской губернской ученой архивной комиссии». С января 1887 года заглавие было заменено на «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», что более соответствовало его расширившемуся содержанию. Причем счет выпусков начинался с XIII номера[2]. Всего было издано 58 выпусков «Известий». Их структура на протяжении всей истории комиссии подвергалась не значительным изменениям и в целом содержание распределялось традиционно. Что касается периодичности, то в первое время практиковалось издание очередных

[1] Журнал заседания общего собрания г.г. членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1885. 8 марта. (Вып. 3.). С. 5.

[2] **Щеголев, А. А.** Указатель к известиям Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. С. 1885 по 1905 год. /А. А. Щеголев //ИТУАК. Тамбов, 1905. Вып. 50.

выпусков непосредственно после каждого заседания комиссии. Однако из-за увеличения объема работы губернской типографии с 1891 года число выпусков сократилось с шести номеров в год до трех.

Благодаря ходатайству своего первого непременного попечителя губернатора А. А. Фредерикса комиссия с самого начала получила возможность печатать «Известия» бесплатно. Подобной возможностью комиссия пользовалась вплоть до 1907 года, когда ее руководство было поставлено в известность о прекращении данной практики в связи с осложнившимся финансовым положением типографии. В этой связи выход очередного, 53-го выпуска сборника был поставлен под угрозу срыва. Положение спас председатель комиссии, внесший необходимую сумму в четыреста рублей из собственных средств. Тем не менее, в последующие годы опасность остановки издания «Известий» продолжала оставаться реальной. Губернская типография не проявляла стремления менять свои условия, а финансовое положение комиссии не позволяло их принять. Ввиду этого 54-й номер сборника вновь был издан на средства А. Н. Норцова. С еще большими затруднениями было сопряжено издание последних четырех выпусков «Известий». В условиях военного времени, когда остро ощущалась нехватка бумаги и недостаток опытных наборщиков, выход сданных в печать сборников задерживался. Последний выпуск трудов комиссии был издан типографией губернского отдела управления при губисполкоме в 1918 году в неполном виде.

К активно занималась публикаторской деятельностью и СУАК, издавшая 28 выпусков «Трудов Саратовской ученой архивной комиссии». Также как и Тамбовская комиссия, СУАК начала печатать свои труды в виде «Протоколов общих заседаний Саратовской ученой архивной комиссии» (№№ 1 – 7, 1886 – 1888 гг.), затем как «Труды» с отдельными выпусками и сквозной нумерацией страниц по тому (тома I – IV, 1888 – 1895 гг.), позже выпусками (№№ 20 – 33, 1895 – 1916 гг.)[1]. Отсутствие денежных средств не позволило комиссии выпускать «Труды» в 1899, 1900, 1901, 1904, 1905, 1906 и 1907 годах[2].

---

[1] **Миронов, В. Г.** Указатель статей и заметок, опубликованных в Трудах СУАК, Вып. 1 – 33 /В. Г. Миронов //Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1996. Вып. 4.

[2] Соколов В. П. Указ. соч. С.146, 149.

К 300-летию Саратова комиссия предполагала осуществить грандиозный издательский проект. По инициативе известного русского писателя и этнографа Александра Николаевича Пыпина намечалось переиздать все исторические сочинения, имеющие прямое или косвенное отношение к прошлому Саратовской губернии. Л. Л. Голицын и С. С. Краснодубровский составили специальную программу «Саратовского исторического сборника»[1]. Отсутствие денежных средств не позволило осуществить проект. В вышедшем в 1891 году первом томе «Саратовского исторического сборника» были помещены лишь «Дневник происшествий» священника Г. И. Скопина, а также «Записки дневные о делах и вещах достопримечательных» его сына, священника Н. Г. Скопина.

Начиная с 1890-х годов Саратовская ученая архивная комиссия начала публиковать труды некоторые её членов в виде отдельных изданий. Так, в 1891 году увидела свет работа А. И. Шахматова «Исторические очерки г. Саратова и его округи»; в 1892 году – К. П. Медокса «Инородцы в Поволжье», а на рубеже XIX и XX веков Саратовской ученой архивной комиссией были изданы четыре выпуска первого тома «Историко-географического словаря Саратовской губернии» А. Н. Минха.

К 50-летию отмены крепостного права СУАК выпустила сборник статей «Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния». Рецензент «Русской старины» указывал, что это «… издание – прекрасный поощрительный пример для всей провинции, вообще скупо и вяло отозвавшейся на юбилей крестьянской реформы»[2]. Юбилей Отечественной войны 1812 года был отмечен выходом монографии Н. Ф. Хованского «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года».

В сравнении с ТУАК и СУАК издательская деятельность Пензенской комиссии была весьма скудной. В 1903, 1904 и 1905 годах ей были изданы три книги «Трудов Пензенской ученой архивной комиссии». Отдельным изданием в 1904 году вышла работа В. П. Попова «Столетие типографии Пензенского губернского правления (1804 – 1904)».

Таким образом, по количеству изданий своих трудов в виде сборников и отдельных публикаций ПУАК была на одном из последних мест. За нею следовали лишь Бессарабская, Курская,

[1] Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1. Вып. 5. С. 28.
[2] Русская старина. 1911. № 5. С. 251.

Новгородская, Иркутская, Тульская, Псковская и Якутская комиссии[1]. Столь малое число выпущенных ПУАК изданий объясняется, на наш взгляд, двумя причинами. Прежде всего, ее финансовыми трудностями начиная с 1909 года ее руководство, ежегодно обращаясь в земские и городские управы с просьбой о выделении пособий на издание печатных трудов[2]. Вторая причина это отсутствие в Пензе такого количества высоко интеллектуальных членов комиссии, которые работали в Тамбове и Саратове.

В 1913 году ПУАК была все же предпринята попытка издать четвертую книгу «Трудов». Она обратилась с просьбой к властям о выделении «… денежного пособия необходимого ей главным образом, на издание ее новых «Трудов», к напечатанию которых в настоящее время комиссия приступила»[3]. Однако необходимая сумма не была получена, а также заболел бессменный редактор этого издания В. Х. Хохряков и четвертая книга «Трудов Пензенской ученой архивной комиссии» так и не увидела свет.

Каждая ГУАК имела собственную библиотеку краеведческой направленности. Библиотекарей, как правило, выбирали на общих собраниях ГУАК из числа наиболее известных и эрудированных членов комиссий. Планы комплектования библиотек также обсуждались и принимались на общих собраниях. Источниками формирования библиотечных фондов были пожертвования литературы различными научными учреждениями, общественными организациями, частными лицами и обмен изданиями. Очень редко комиссии покупали книги.

Библиотека при ТУАК была создана на подаренных и обмененных изданиях. В 1898 году в ее адрес приходили книги из 35 обществ и учреждений, с 1902 года – из 38[4]. Небольшое количество книг удавалось приобретать у букинистов, однако, широкому внедрению этой практики препятствовало отсутствие денежных средств. В 1895 году И. И. Дубасов поставил вопрос о расширении источников комплектования библиотеки и архива комиссии за счет частных собраний. На его просьбу откликнулся ряд членов комиссии, приславших в дар подборки периодических изданий и литературы по

---

[1] **Макарихин, В. П.** Губернские ученые архивные комиссии России /В. П. Макарихин. Нижний Новгород, 1991. С. 25, 26.

[2] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

[3] Там же. Д. 42. Л. 2 – 6.

[4] Алленова В. А., Мизис Ю. А. История Тамбовского краеведения… С.123.

различным отраслям знаний. Отдельные собрания книг поступали из местных государственных учреждений. Так, в 1911 году Тамбовский крестьянский поземельный банк передал комиссии старинные книги, в числе которых были библиографические редкости из имения Волконских. В целом подбор изданий из-за нехватки денег носил случайный характер. Отчет комиссии за 1913 год констатировал, что библиотека не имеет ни одного целого систематически подобранного отдела, поэтому не оправдывает своего назначения. В 1913 году книжные фонды ТУАК насчитывали 1812 наименований в количестве 300 томов, в 1914 году – 4000 томов, 1915 году – 2257 наименований и 46129 томов[1].

Также как и тамбовская саратовская библиотека создается путем дарения и обмена. Уже на втором заседании члены СУАК постановили: «Направить все усилия на организацию при историческом архиве библиотеки из книг, касающихся истории и археологии Саратовского края и вообще научных печатных работ по архивному делу»[2]. Впоследствии план детализировался. Предусматривалось приобретение книг по богословию, церковной истории, истории, археологии, этнографии, географии, палеографии, археографии, нумизматике, геологии, палеонтологии, истории Саратовского края. Начать же комплектование библиотеки было решено с поисков всех номеров газеты «Саратовские губернские ведомости», начиная с 1838 года. До нас дошел список всех библиотекарей с момента её создания и до 1917 года: С. С. Краснодубровский, А. О. Лебедев, С. В. Деген, Н. Ф. Хованский, В. Н. Смольянинов, А. М. Добровольский, Ф. Н. Добротин, В. А. Малоземов, С. А. Щеглов, С. Д. Соколов, А. В. Колокольцев, Е. И. Боева[3]. Они провели огромную работу по классификации книг и журналов, составлению каталогов. Так, например, библиографические работы С. Д. Соколова «Источники и пособия

---

[1] Краткий исторический очерк возникновения и деятельности состоящей под высочайшим его Императорского величества государя императора покровительством Тамбовской губернской ученой архивной комиссии за тридцать лет. 1884 – 1914. Тамбов, 1914. С. 9.

[2] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 94. Л. 90 – 90 об.

[3] **Визгалова, Л. В.** К истории библиотеки Саратовской губернской ученой архивной комиссии Нижне-Волжского областного общества краеведения (1886 – 1939 гг.) /Л. В. Визгалова //Отечественная культура и развитие краеведения. Материалы IV Всероссийской научной конференции (Пенза, 26 –27 июня 2000 г.). Пенза, 2001. С. 56.

для изучения Саратовского края. Указатель книг, брошюр, журнальных статей, газетных статей и заметок, напечатанных вне Саратовского края», «Саратовцы, ученые и писатели»; С. В. Дегена – «Библиографический указатель сочинений А. Ф. Леопольдова» и ряд других определяли уровень работы комиссии в целом.

Из 657 книг, имевшихся в библиотеке комиссии в марте 1889 года, 57 томов «Записок» были подарены Академией наук, 42 сборника – отделением русского языка и словесности Академии наук, 15 томов «Актов» были присланы Виленской археографической комиссией, 14 томов «Чтений» – Обществом истории древностей российских[1], 12 номеров журнала «Русская старина» за 1876 –1888 годы были присланы редактором журнала М. И. Семеновским[2].

Библиотека СУАК вела регулярный обмен с Вольным экономическим обществом, Русским географическим обществом, со всеми российскими университетами, кроме Гельсингфорского, со всеми ГУАК, а также многими государственными учреждениями: Министерством иностранных дел, Министерством внутренних дел и Военным министерством. В целом же СУАК поддерживала обмен более чем 70-ю научными учреждениями России[3].

К 1917 году библиотека имела около десяти тысяч [4]единиц хранения, не считая газетного фонда.

Основу библиотеки Пензенской архивной комиссии составили книги Керенской публичной библиотеки, находившиеся без всякого надзора. Инициатором передачи этой библиотеке ПУАК был пензенский губернатор С. А. Хвостов. Керенская публичная библиотека была открыта в 1866 году. К 1901 году в ней было сосредоточено более 4 тысяч томов по разным отраслям знаний и на разных языках[5]. Дальнейшее формирование фондов библиотеки ПУАК мало чем отличалось от Тамбовской и Саратовской. Пензенская комиссия обменивалась изданиями с 12 научными учреждениями и обществами и 13 ГУАК. Наиболее интенсивным был обмен изданиями с Тамбовской, Саратовской, Таврической и

---

[1] См.: **Захаров, В. М., Захарова, Т. А.** Саратовская ученая архивная комиссия (1886 – 1920) /В. М. Захаров, Т. А. Захарова. Волгоград, 2005.

[2] **Духовников, Ф. В.** Памяти Михаила Ивановича Семеновского /Ф. В. Духовников //Русская старина. 1892. № 5. С. 85.

[3] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 104. Л. 129 –130.

[4] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. фундаментальный каталог библиотеки СУАК.

[5] Мануйлова Е. В. Из истории Пензенской ученой архивной комиссии… С. 8.

Оренбургской комиссиями[1]. Формирование фондов библиотеки шло медленно за первые десять лет существования ПУАК в библиотеке насчитывалось 4079 томов русских изданий, иностранные же были еще не разобраны[2]. К 1918 году библиотека насчитывала 5 тысяч томов[3].

Завершая, представленный вашему вниманию параграф следует отметить, что самой острой проблемой для всех, исследованных нами комиссий, на протяжении всей их истории являлось финансовое обеспечение. Не случайно сразу же после открытия ТУАК И. И. Дубасов писал: «Что касается денежных средств, то комиссия наша совсем их не имеет и вопрос об изыскании их остается открытым»[4]. Не имея стабильных доходов, комиссии были вынуждены довольствоваться нерегулярными поступлениями от местных органов управления и министерств, эпизодическими частными пожертвованиями и незначительной суммой членских взносов. Подобное положение имело своим следствием целый комплекс проблем организационного и исследовательского плана, нерешенность которых комиссии ощущали вплоть до конца своего существования.

Самой главной проблемой для ТУАК и на начальном этапе для СУАК было отсутствие необходимых помещений. Для ПУАК такой проблемы не существовало изначально, а для Саратовской комиссии эта проблема исчезла в 1911 году.

Исследовательскую работу каждой комиссии характеризует издательская деятельность. В этом направлении из трех комиссий несомненное лидерство принадлежит ТУАК, которая издала 58 томов «Известий Тамбовской ученой архивной комиссии». К «середнячкам» можно отнести СУАК, издавшую 33 тома «Трудов Саратовской ученой архивной комиссии» и явным аутсайдером здесь являлась ПУАК с тремя томами «Трудов Пензенской ученой архивной комиссии».

---

[1] Дорошин Б. А. Организация и деятельность Пензенской губернской ученой архивной комиссии… С. 118.

[2] Дорошин Б. А. История Пензенской губернской ученой архивной комиссии… С. 110.

[3] Мануйлова Е. В. Указ. соч. С. 8.

[4] ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Такую же картину мы наблюдаем и с библиотеками при ГУАК. Самая большая библиотека (несмотря на отсутствие постоянного помещения) принадлежала ТУАК (свыше 46 тыс. томов), среднюю позицию также занимала СУАК (около 10 тыс. томов) и завершает список ПУАК (5 тыс. томов). Подобное положение мы объясняем двумя причинами. Первая причина – ПУАК была создана лишь через 17 лет после открытия ТУАК и через 15 лет после открытия САУК. Вторая причина – отсутствие в Пензе такого количества высоко интеллектуальных членов комиссии, которые работали в Тамбове и Саратове.

I.3. Научные и организационные связи ученых архивных комиссий.

На протяжении своей истории ГУАК стремились к установлению возможно более тесных связей как друг с другом, так и с другими научно-историческими обществами. Тенденция к объединению трудов историков, архивистов и археологов являлась одной из характерных черт развития отечественной исторической науки в конце XIX – начале XX вв. Показателем этого стало выдвинутое в 1916 году Императорским Обществом ревнителей истории предложение о создании Союза исторических, археологических и архивных обществ России[1]. Свое желание войти в Союз изъявили 26 научных обществ, из них девять ученых архивных комиссий. Хотя проект и не был реализован, тем не менее, его появление отразило назревшую потребность в координации деятельности многочисленных научно-исторических обществ.

Тамбовская, Саратовская и Пензенская комиссии проявляли стремление к сотрудничеству, как между собой, так и с другими провинциальными и столичными научными обществами и учреждениями, считая его необходимым условием эффективности своей работы. Прежде всего, они устанавливали контакты с местными историческими организациями. Например, ТУАК тесно сотрудничала с Тамбовским отделом Русского Военно-исторического общества (РВИО) и Церковно-историческим комитетом. Совместными усилиями они 26 ноября 1912 года организовали празднование столетия Отечественной войны 1812 года с участием 600 приглашенных лиц. С началом Первой мировой войны ТУАК

[1] ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 98. Л. 2.

временно приняла на себя обязанности местного отдела РВИО и 12 ноября 1914 года от его имени провела публичное заседание с докладами о ходе военных действий и сбором пожертвований на нужды фронта.

ПУАК также активно сотрудничала с Пензенским церковным историко-археологическим и статистическим комитетом, в частности: «Журналами Пензенской ученой архивной комиссии от 13 декабря 1911 г. и Пензенского церковного историко-археологического и статистического комитета от 18 декабря того же года было установлено соглашение между означенными учреждениями меняться памятниками старины с целью сосредоточения в первом – памятников, имеющих гражданское значение, во втором – церковное»[1].

В отчете ТУАК за 1887 год подчеркивалось: «Архивные комиссии существенно нуждаются в ближайшем общении с другими давно существующими и уже сослужившими службу русской науке учеными историко-археологическими учреждениями и между собою, а потому не должны стоять и действовать одиноко»[2]. С этой целью ТУАК спустя несколько месяцев после открытия направила в адрес Рязанской, Тверской и Орловской комиссий сведения о выявленных в местных архивах материалах по истории данных губерний. В свою очередь, она получала интересующие ее материалы от других ГУАК. Самое непосредственное участие члены Тамбовской комиссии принимали в деле сохранности документов в пензенских архивах. 7 мая 1885 года действительный член ТУАК Д. В. Ильченко предложил начать сотрудничество с пензенскими любителями старины, т.к. в Пензе погибает много интересных для науки документов[3]. Комиссия связалась с пензенским краеведом Г. П. Петерсоном, который доставил в Тамбов 14 столбцов документов XVII века. Г.П. Петерсон стал первым пензенским краеведом принятым в 1887 году в члены ТУАК. При этом хотелось бы отметить, на общем собрании ТУАК, где его принимали в члены комиссии он просил её ходатайствовать перед Пензенским губернским и епархиальным начальством о разрешении ему пользоваться архивами присутственных мест и

[1] ГАПО. Ф. 269. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
[2] ИТУАК Тамбов, 1887 Вып. 17. С. 5.
[3] ИТУАК. Тамбов, 1888. Вып. 20. С. 85.

церквей Саранска. Собрание постановило удовлетворить просьбу Г. П. Петерсона[1].

28 октября 1900 года председатель Тамбовской ученой архивной комиссии А. Н. Норцов, узнавший о скором открытии ПУАК, в письме к пензенскому губернатору предлагал наладить связь между обеими комиссиями, мотивируя необходимость этого общим историческим прошлым Тамбовской и Пензенской губерний. К письму прилагались два экземпляра исторической заметки А. Н. Норцова «Губернские ученые архивные комиссии и их значение»[2].

Саратовская комиссия также стремилась установить контакты с другими ГУАК и научными учреждениями. Во второй половине 80-х – 90-е годы XIX века Саратовская ученая архивная комиссия сотрудничала с Тверской, Виленской, Рязанской, Тамбовской, Нижегородской учеными архивными комиссиями, с Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете, с Петровским обществом исследователей Астраханского края[3]. Причем следует отметить, что с Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университет также сотрудничали Пензенская и Тамбовская комиссии.

В начале XX века СУАК устанавливает связи с Пензенской комиссией. 29 ноября 1904 года Пензенская комиссия получила «Вопросный лист» от Саратовской архивной комиссии, обеспокоенной «… изысканием денежных средств и правильной постановкой внутреннего распорядка...»[4], В 1908 году СУАК вновь обратилась с вопросами о порядке избрания должностных лиц, о том, на какой срок они избираются[5]. В июне 1910 года ПУАК посетил член Саратовской ученой архивной комиссии С. А. Щеглов, который был ознакомлен В. П. Поповым с деятельностью комиссии.

Саратовская комиссия, заинтересовавшись введением для членов ТУАК нагрудных знаков, в 1908 году обратилась для разъяснения относительно их внешнего вида и условий выдачи[6].

Необходимость во взаимодействии архивные комиссии с особой остротой ощутили во время обсуждения выдвинутого в 1899 году на

---

[1] ИТУАК. Тамбов, 1888. Вып. 18. С. 4.
[2] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1. Л. 34, 44.
[3] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 3. Л.13, 14, 36.
[4] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.
[5] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 5. Л. 48, 53.
[6] Алленова В.А., Мизис Ю.А. Указ. соч. С. 126.

Одиннадцатом археологическом съезде в Киеве Д. Я. Самоквасовым проекта архивной реформы, по которому деятельность архивных комиссий в области архивного дела сводилась на нет. Для обсуждения проекта и уточнения положения ГУАК в случае его реализации в Археографической секции съезда была избрана специальная комиссия, в состав которой вошли и депутаты от губернских комиссий. Тамбовских историков представлял И. И. Дубасов[1]. Принимали ли участие саратовцы в работе этого съезда нами сведений не обнаружено.

Новым поводом для сплочения губернских архивистов стала развернутая Д. Я. Самоквасовым в начале XX века жесткая критика архивных комиссий. В своем труде «Архивное дело в России» Д. Я. Самоквасов посвятил ГУАК специальную главу[2], в которой поставил им в вину материальную бедность, личный состав, признанный автором во многом «бесполезным», бесконтрольность, разрушение исторически сложившихся архивных фондов правительственных учреждений и т.д. Определив деятельность ГУАК как «преступление против рациональной постановки архивного дела», Д. Я. Самоквасов предложил реорганизовать комиссии в местные научные общества по примеру западно-европейских, ограничив их задачи изданием и разработкой архивных материалов и других памятников местной старины. Таким образом, он фактически призвал вернуться к статусу, определенному для комиссий Н. В. Калачовым в первоначальном варианте его проекта. Однако при этом Д. Я. Самоквасов упускал из виду то обстоятельство, что при отсутствии условий для проведения архивной реформы в государственном масштабе, ГУАК оставались единственными в провинции учреждениями, сколько-нибудь компетентными в вопросах архивного дела. Реорганизация комиссий на предложенных им началах или, хуже того, их упразднение привели бы к неизбежному ухудшению ситуации на местах.

Выдвинутые против ГУАК обвинения требовали незамедлительной реакции. В период проведения Двенадцатого археологического съезда в г. Харькове 18 августа 1902 года было созвано специальное

---

[1] **Бржостовская, Н. В.** Вопросы архивного дела на Археологических съездах в России (1869 – 1911 гг.). /Н. В. Бржостовская //Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 101.

[2] **Самоквасов, Д. Я.** Архивное дело в России /Д. Я. Самоквасов. М., 1902. Кн. 1. С. 21 – 49.

заседание под председательством директора Археологического института Н. В. Покровского, обсудившее вопросы, связанные с развернувшейся в адрес комиссий критикой. В нем приняли участие представители ГУАК, в том числе и Тамбовской, а также Археологического института. Н. В. Покровский высказался о книге Д. Я. Самоквасова как о «печальном явлении» и указал на то, что «… к оценке архивных комиссий нельзя подходить с шаблонной меркой, и высокомерное несправедливое отношение к ним ничего, кроме вреда принести не может...»[1]. На заседании было принято постановление, в котором книга Д. Я. Самоквасова признавалась «оскорбительной, резкой и несправедливой» по тону, а его обвинения – основанными на тенденциозном и одностороннем подборе фактов. Кроме того, было вынесено решение о разработке комиссиями опровержения «неправильных суждений» Д. Я. Самоквасова, с тем, чтобы издать затем на их основе книгу. Н. В. Покровский уполномочил А. Н. Норцова принять на себя роль координатора по связи с другими ГУАК и довести до их сведения принятое постановление. Тамбовская комиссия на первом же состоявшемся после съезда собрании (16 сентября 1902 г.) постановила составить заключение по поводу предвзятой трактовки Д. Я. Самоквасовым деятельности ГУАК. По поручению комиссии правитель дел Н. А. Щеглов и А. А. Курбатов подготовили две заметки[2], в которых опровергали выдвинутые в адрес провинциальных архивистов несправедливые упреки.

Критика обвинений Д. Я. Самоквасова была продолжена на Тверском областном археологическом съезде, состоявшемся в августе 1903 года. Представитель Воронежской и член Тамбовской комиссий Л. М. Савелов в своем выступлении заявил, что бедность комиссий является не пороком, а поводом к снисхождениюв силу того, «… что в России находятся миллионы для постройки водочных дворцов, и

[1] **Покровский, Н. В.** Губернские ученые архивные комиссии //Вестник археологии и истории /Н. В. Покровский. СПб., 1909. Вып. XVIII. С. 5.

[2] **Щеглов, Н. А.** О сочинениях проф. Самоквасова: «Архивное дело в России» (кн. 1 и 2) и «Проект архивной реформы» /Н. А. Щеглов //ИТУАК. Тамбов, 1904. Вып. 48. С. 65 – 74; **Курбатов, А. А.** Записка о сочинениях проф. Самоквасова /А. А. Курбатов //Там же. С. 74 – 78.

нет грошей для охранения народного архивного достояния»[1]. Касаясь упреков профессора в адрес личного состава ГУАК (в частности, его выражения о преобладании «элемента провинциальной толпы» над «интеллигентской служебной аристократией»), Л. М. Савелов выразил общую точку зрения членов комиссий, заявив, что научные общества, состоящие из одних только «начальников отдельных частей» будут мертворожденным учреждением.

Для выяснения позиции научно-исторических обществ и учреждений относительно проекта Д. Я. Самоквасова и роли ГУАК в проведении архивной реформы Министерство внутренних дел направило в их адрес соответствующий запрос. В результате выяснилось, что большинство из них является сторонниками упрочения положения ГУАК в условиях реорганизации архивного дела. Одним из немногих исключений стало Московское археологическое общество, однозначно высказавшееся в поддержку проекта Д. Я. Самоквасова. Не имея принципиальных возражений против централизации архивного дела, научная общественность в целом и ГУАК, в частности, не оказали проекту поддержки. Резкость высказываний столичного ученого не могла не вызвать возмущения провинциальных архивистов, гнев которых не смягчили даже его попытки оправдать тон своей критики намеренным сгущением красок, призванным ускорить реформу ГУАК.

В конечном итоге Министерство внутренних дел отказало в реализации проекта Д. Я. Самоквасова. Признав его осуществление наиболее удачным способом переустройства архивного дела, министр внутренних дел В. К. Плеве указал, что «… чрезвычайная его сложность и вызываемые им миллионные затраты потребовали бы для его осуществления десятки лет, в продолжение которых в большинстве губерний продолжалось бы прежнее архивное нестроение»[2]. Исходя из того, что ГУАК создавались по «Положению» 1884 года с целью сбора документальных материалов и создания губернских архивов, министерство вынесло заключение, что именно на них и следует возложить дело переустройства архивов в стране. С целью формирования более благоприятных условий для их деятельности министерство в 1903 году приступило к пересмотру

[1] **Савелов, Л. М.** В защиту губернских ученых архивных комиссий: по поводу книги проф. Самоквасова «Архивное дело в России» /Л. М. Савелов. М., 1904. С. 12.

[2] ПОА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 908. Л. 3 об.

«Положения» о ГУАК. При этом учитывалось, что до учреждения губернских государственных исторических архивов со специальными штатами, комиссиям придется оставаться единственными в провинции научно-историческими учреждениями, компетентными в вопросах архивного дела. В этой связи предлагалось преобразовать их присоединив к одному из губернских административных учреждений (предположительно, губернским правлениям). Однако ГУАК выразили резко отрицательное отношение к этому проекту и одной из первых свою позицию по данному вопросу определила Тамбовская комиссия. Она предприняла попытку выяснить мнение других ГУАК в отношении планируемой реорганизации, с тем чтобы взять на себя миссию координатора ответных мер вплоть до созыва съезда представителей комиссий. В 1903 –1904 годах ТУАК направила отношения в адрес Рязанской, Воронежской, Курской, Черниговской, Таврической и других комиссий с предложением высказаться по поводу проекта. Большинство из них признали, что сам факт его существования подрывает и без того неустойчивое положение комиссий и выступили за необходимость организации коллективного противодействия проекту. В результате предпринятых ГУАК совместных усилий задуманная реорганизация не состоялась.

Одной из наиболее действенных форм координации деятельности архивных комиссий являлась организация совещаний и съездов. Наиболее значительным из них стал первый съезд представителей ГУАК, состоявшийся в 1914 году[1]. В его преддверии Императорское Русское историческое общество обратилось к комиссиям с просьбой сообщить о положении архивного дела на местах и о мерах необходимых для предотвращения гибели документальных материалов. Из полученных ответов выяснилось, что комиссии не в силах предпринять решительные действия по спасению памятников из-за отсутствия у большинства и из них необходимых средств. Обсудив на годовом собрании 13 марта 1914 года создавшееся положение, РИО приняло решение о созыве съезда с целью выработки мер для улучшения постановки архивного дела в провинции. Представлявший на съезде Тамбовскую комиссию А. Н. Норцов подготовил специальную записку о положении губернских комиссий, которая была вручена делегатам для ознакомления.

[1] См.: Труды первого съезда представителей губернских ученых архивных и соответствующих им установлений. 6 – 8 мая 1914 года. СПб., 1914.

Эффективным способом установления связей с широким кругом научных обществ и отдельными деятелями исторической науки являлось участие ГУАК в Археологических съездах, регулярно проводившихся с 1869 года. В них принимали участие как представители центральных научно-исторических обществ, академическо-университетской науки, так и провинциальные научные силы. ГУАК включились в работу съездов с 1884 года, причем с каждым последующим съездом их представительство в составе делегатов заметно увеличивалось. Тамбовская комиссия приняла участие в пяти Археологических съездах (VII – в 1887 г.; VIII – 1890 г.; IX – 1893; XI – 1899 г.; XII – 1902 г.), Пензенская комиссия – в трех (XIII – 1905 г.; XIV – 1909 г.; XV – 1911 г.).

Касаясь контактов Тамбовской и Пензенской ГУАК с видными представителями отечественной исторической науки, к сожалению, приходится констатировать их достаточно формальный уровень, т.е. они в них числились, но реального участия в их работе не принимали. Несколько другое положение здесь занимала СУАК. Еще в 1887 году А. Н. Пыпин предложил своим землякам всемерное сотрудничество: «Предметы, предлежащие комиссии, входят в круг моих занятий и я не прочь был бы содействовать целям комиссии насколько могу»[1]. В конце XIX столетия её активными членами становятся профессорский стипендиат Киевской духовной академии, специализирующийся по палеографии, истории русской церкви и русской литературы, А. А. Лебедев, доцент Варшавского университета П. Н. Черняев, автор популярных учебных пособий по русской истории Е. Н. Щепкина, оставленные при Санкт-Петербургском университете для подготовки к профессорскому званию С. Н. Чернов и П. Г. Любомиров. Последние в 1920 – 30-е годы становятся известными историками, занимавшимися как проблемами региональной, так и общероссийской истории. После открытия в сентябре 1917 года в Саратовском университете историко-филологического факультета в работе комиссии стал принимать участие профессор-историк В. И. Веретенников[2]. Члены СУАК А. А. Гераклитов, С. Н. Чернов, П. Г. Любомиров стали преподавателями, а затем профессорами нового факультета[3].

---

[1] ГАСО. Ф. 407. Оп 2. Д 9. Л 5 об.

[2] Там же. Д. 310. Л. 6.

[3] **Дербов, Л. А.** Историческая наука в Саратовском университете /Л. А. Дербов. Саратов, 1983.С. 148.

Наряду с общероссийскими Археологическими съездами в начале XX века имела место практика созыва областных Историко-археологических съездов. Они проводились с целью координации деятельности научно-исторических обществ отдельных регионов России. С 1901 по 1909 год состоялись четыре областных съезда в городах Ярославле, Твери, Владимире и Костроме[1]. Раскрывая значение таких съездов, Н. В. Покровский писал: «В настоящее время нет нужды доказывать, что изучение областной истории представляет собой первую ступень в процессе научного построения цельной истории, а потому областные съезды, как и сами комиссии, сосредоточивая свое внимание на изучении данной области, идут навстречу назревшей научной потребности»[2]. Инициатива созыва Первого областного съезда, принадлежавшая ярославским историкам, нашла самый живой отклик у членов Тамбовской комиссии. Еще до открытия съезда в г. Ярославле (август 1901 г.) А. Н. Норцов на собрании комиссии 15 мая 1901 года выступил с докладом о значении областных археологических съездов для развития краевых исследований. По его предложению собрание приняло решение об обращении к Рязанской, Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Воронежской, Орловской, Курской, Симбирской и Саратовской комиссиям с призывом организовать съезд ГУАК средней полосы России. Все вышеуказанные комиссии приветствовали это начинание, заявив, что «живое единение» людей, занимающихся одним и тем же делом, жизненно необходимо. Так, Пензенская комиссия на заседании 12 февраля 1902 года постановила созыв областного археологического съезда признать крайне желательным, о чем и уведомила 1 марта того же года ТУАК, а также постановила послать ей копию своей программы работ на текущий год, которая была утверждена на этом же заседании[3].

Проект программы будущего съезда, подготовленный А. Н. Норцовым включал в себя следующие проблемы: геология регионов средней полосы России, результаты археологических и этнографических исследований, история колонизации и

[1] См.: **Тельчаров, А. Д.** Областные историко-археологические съезды в России в начале XX в. /А. Д. Тельчаров //Проблемы истории СССР. М., 1976. Вып. . С 415 – 431.

[2] Покровский Н. В. Указ. соч. С. 36.

[3] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

распространения христианства на территории данных областей. Касаясь вопросов архивного строительства, председатель предложил исключить их из повестки дня как прерогативу общероссийских съездов. Проблемы финансирования съезда предполагалось решить с помощью Археологического института, губернских земских собраний и городских дум, а также силами комиссий-участниц будущего научного форума. В первой половине 1902 года «Проект программы общих работ на областном археологическом съезде» был разослан в адрес вышеуказанных ГУАК, Русского и Московского археологических обществ, а также отдельных ученых. Комиссия обратилась к ним с просьбой прислать свои соображения относительно места и времени созыва съезда, а также содержания его проекта. Наибольшие затруднения вызвал вопрос о времени проведения съезда. Первоначально предполагалось созвать его в 1902 году, однако вскоре выяснилась невозможность разрешения всех организационных проблем в столь короткий срок. Ввиду поступивших пожеланий было принято решение о переносе съезда на декабрь 1905 года.

В апреле 1903 года комиссия посчитала целесообразным созвать предварительное совещание по организационным вопросам предстоящего съезда. В нем приняли участие представители Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Саратовской и Рязанской ГУАК, Воронежского церковного историко-археологического комитета, Тульской епархиальной палаты древностей. На совещании обсуждались вопросы места и времени организации съезда и его программа. До созыва совещания на роль организатора съезда претендовали два города – Тамбов и Саратов. Однако в ходе совещания представитель Воронежского церковного историко-археологического комитета П. В. Никольский предложил провести съезд в г. Рязани. Свое предложение он аргументировал тем, что Рязанская губерния географически занимает центральное положение в регионе и имеет на своей территории значительное количество археологических памятников. Мнение П. В. Никольского вызвало решительные возражения со стороны А. Н. Норцова. Однако решающим в этой дискуссии стало выступление представителей Рязанской комиссии, заявивших об отсутствии у них материальных возможностей для организации съезда. Что касается предложения Саратовской комиссии, то оно было отклонено из-за окраинного положения города в регионе. От ПУАК в совещании участвовал А. Ф.

Селиванов. При обсуждении вопроса о месте проведения съезда он высказался против Саратова в связи с плохими материальными условиями в нем и одобрил Тамбов[1]. В итоге было принято решение о проведении съезда в г. Тамбове.

Протокол совещания был разослан в адрес ГУАК и других научных обществ. В июне 1903 года комиссия получила отношение Археологического института с предложением выслать программу съезда и список выступающих, чтобы начать соответствующее ходатайство перед Министерством народного просвещения. 26 июля 1903 года Тамбовская ученая архивная комиссия известила об этом ПУАК и попросила списки работ участников съезда. В ответе на этот запрос 25 октября ПУАК сообщала, что в качестве реферата намерена прислать статью В. Х. Хохрякова, участие же в финансировании съезда принять отказывалась[2]. Однако несмотря на развернувшиеся в полном объеме подготовительные работы, созыв съезда в Тамбове пришлось отложить. Открывшийся в августе 1905 года общероссийский Археологический съезд в г. Екатеринославе (ныне Днепропетровск, Украина) и областной съезд в г. Владимире в 1906 году отвлекли внимание ГУАК от идеи Тамбовского съезда. В связи с начавшейся русско-японской войной и революцией остро встал вопрос о финансировании съезда. Также не исключено, что сказалось и известное соперничество организаторов общероссийских и областных съездов. Дело в том, что ранее уже имели место прецеденты, когда первые весьма активно противодействовали последним. Так, в преддверии Тверского областного съезда в октябре 1903 года девять собиравшихся принять в нем участие ГУАК получили отношение председателя предварительного комитета по организации Тринадцатого **а**рхеологического съезда, в котором указывалось, что местные историки должны противодействовать назначению будущего областного съезда в один год с общероссийским, так как это может помешать «спокойному занятию делами родной археологии». В противном случае комитет намеревался рассматривать желание ГУАК участвовать в областном съезде, как отклик на «пропаганду, ведомую некими лицами» против общероссийских Археологических съездов и Московского археологического общества. Большинство комиссий категорически отвергли подобные обвинения.

---

[1] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 5. Л. 20 – 23.

[2] Там же. Д. 9. Л. 118 – 120.

Таким образом, Тамбовская комиссия в силу объективных и субъективных причин не смогла довести до конца дело организации областного научного съезда. Она была не единственной, кто потерпел неудачу на этом поприще: столь же безрезультатными оказались усилия ряда других ГУАК: Нижегородской (1912 г.), Таврической (1914 г.), Вятской (1915 г.). Тем не менее, предпринимавшиеся в данном направлении попытки свидетельствуют об очевидном стремлении губернских историков и архивистов вести научно-исследовательские разработки в тесном контакте с другими провинциальными и столичными научными силами. Достижение подобного взаимодействия справедливо рассматривалось ими как одно из необходимых условий повышения эффективности своей деятельности. С большим сожалением приходится констатировать, что далеко не все из этих попыток оказались плодотворными и увенчались успехом.

В заключение заметим, что научные связи Тамбовской, Саратовской и Пензенской комиссий выражались в выявлении и обмене с другими ГУАК архивными материалами по местной истории, публикациях на страницах их печатных органов статей и заметок сотрудников других комиссий, проведении совместных археологических исследований, обмене печатной продукцией. В немалой степени успеху этих связей способствовала практика привлечения в ряды членов своих комиссий историков и архивистов из других губерний. Так, например, членами ТУАК были Г. П. и Н. П. Петерсоны, А. Ф. Селиванов и В. Х. Хохряков, входившие в состав Пензенской комиссии. А. Ф. Селиванов и Ф. Ф. Чекалин, кроме Пензенской входил в состав СУАК. Членом всех трех комиссий был А. Н. Норцов. Имел также место постоянный обмен организационным опытом. Особенно ярко это проявилось между ТУАК и ПУАК, где мы наблюдаем в какой-то мере патронат первой, более старшей, над второй – младшей. С этой целью предпринималось посещение заседаний комиссий соседних губерний, проводились консультации по вопросам формирования исторических архивов и музеев. В плане консолидации ГУАК Тамбовская комиссия проявила ряд инициатив, направленных на совместную разработку предложений по изменению статуса и условий деятельности комиссий, а также на борьбу с намечавшейся архивной реформой Д. Я. Самоквасова. Многие доводы ГУАК, несомненно, были справедливы, однако в данном вопросе мы больше склоняемся к

точке зрения Н. В. Бржостовской считавшей: «В отношениях Самоквасова с архивными комиссиями давал себя знать и личный момент: члены комиссий считали себя оскорбленными критикой их деятельности в книге «Архивное дело в России», во многом справедливой, но односторонней и очень резкой по форме»[1]. Наибольшее значение в деле объединения научных сил своего региона все же имела Тамбовская архивная комиссия. Инициированный ею, но несостоявшийся по объективным причинам археологический съезд историков средней полосы России, безусловно, способствовал бы более плодотворной разработке проблем исторического прошлого региона.

[1] Бржостовская Н. В. Указ. соч. С. 103.

ГЛАВА II. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНЫХ АРХИВНЫХ КОМИССИЙ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ АРХИВОВ

II. 1. Образование исторических архивов и источники их комплектования.

Основная задача ГУАК, провозглашенная при их учреждении, заключалась в формировании губернских исторических архивов на основе не обеспеченных условиями хранения документальных материалов. Подобная установка встретила самый живой отклик у провинциальных историков, в полной мере осознававших необходимость принятия незамедлительных мер по спасению местных архивных фондов. «Зло расхищения рукописей, – с сожалением писал И. Ф. Колесников, – пустило столь глубокие корни у нас в России, что припрятать рукопись, как и зачитать чужую книгу, не считалось большим грехом, и часто сами хранители архивов бессмысленно уничтожали вверенные их попечению рукописи»[1]. Однако стремление архивистов к упорядочению документальных фондов не подкреплялось должной правовой и материальной базой, вследствие чего комиссии были вынуждены начинать свою деятельность, сообразуясь лишь с местными условиями и собственными возможностями. Как справедливо отмечал хранитель архива Саратовской комиссии А. А. Гераклитов, основания, на которых ГУАК создавали исторические архивы, были «неопределенны, шатки и случайны»[2].

Тамбовская комиссия принадлежала к числу ГУАК, создавших значительные в количественном отношении архивы. В 1912 году её архив насчитывал 100 000 дел[3]. По данным на 1915 год архив СУАК

---

[1] **Колесников, И. Ф.** Древние рукописи (от памятника старины до исторического источника) /И. Ф. Колесников //Отчет о состоянии Императорского Московского археологического института в 1912 – 1913 годах. М., 1914. С. 6.

[2] **Гераклитов, А. А.** Исторические архивы ученых архивных комиссий /А. А. Гераклитов //Труды СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32. С. 302.

[3] **Бржостовская, Н. В.** Деятельность губернских архивных по созданию исторических архивов /Н. В. Бржостовская //Труды МГИАИ. М., 1954. Т. V. С. 106.

составлял 219 947 дел[1]. В 1911 году архив ПУАК составлял 1039 дел[2]. Все комиссии первоначально приняли в свое ведение фонды упраздненных учреждений, в хранении которых новые учреждения-правопреемники не были заинтересованы из-за нехватки площадей для их хранения.

ТУАК, приступившей к созданию архивохранилища уже на третий день после своего открытия, был передан фонд Шацкой провинциальной канцелярии, перевезенный в Тамбов в 1881 году. Шацкий архив, являвшийся одним из старейших сохранившихся официальных архивов губернии, представлял собой обширный комплекс источников по истории края XVI – XVIII веков. Однако, приступив к разбору и описанию архива, члены ТУАК столкнулись, по собственному признанию, со значительными трудностями. Большинство не владело навыками чтения рукописных текстов XVII – XVIII веков, поэтому первоначально документы разбирались совместными усилиями под руководством опытных специалистов в лице И. И. Дубасова и П. И. Пискарева. Определенную помощь начинающим архивистам оказал Н. В. Калачов, посетивший Тамбов в конце июля 1884 года. Он ознакомился с состоянием фонда Шацкой канцелярии и дал ряд советов по методике его разбора. С наиболее важных в историческом отношении документов снимались копии. Работами по разбору Шацкого архива занимались, главным образом, П. И Пискарев, М. Г. Розанов, В. В. Соловский, впоследствии к ним присоединились П. А. Дьяконов, А. А. Курбатов, И. В. Староградский. Первое время, за неимением собственного помещения, они трудились в помещении нотариального архива. Хотя в зимний период занятия затруднялись из-за того, что здесь не было отопления, отсутствие комфортных условий окупалось возможностью работы в любое удобное для архивистов время. Положение изменилось весной 1885 года в связи с начавшимся ремонтом здания. Комиссия была вынуждена перевезти фонд канцелярии в здание центрального архива Окружного суда, причем при транспортировке отобранные материалы были перемешаны с еще не разобранными. В результате все работы пришлось начинать заново. Новые условия не способствовали плодотворной

[1] Бржостовская Н. В. Деятельность губернских архивных по созданию исторических архивов… С. 104.
[2] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 8. Л. 31 – 35.

деятельности: препятствовали теснота помещения и отсутствие возможности доступа в него в выходные дни. Отобранные документы шифровались и размещались в папки. Однако значительная часть архива так и не была разобрана[1].

Между тем строительство помещения, предназначенного для комиссии, подходило к концу и в течение зимы 1886 – 1887 года сюда было перевезено 140 возов материалов Щацкого архива. Для обустройства архива была избрана специальная комиссия в составе П. И. Пискарева, М. Г. Розанова, Р. П. Ситовского. Немало усилий для его скорейшего открытия приложил правитель дел П. А. Дьяконов. После официального открытия губернского исторического архива, состоявшегося 17 июня 1887 года, началась усиленная работа по его комплектованию.

Согласно пятому параграфу «Положения» 1884 года основным источником пополнения создававшихся при ГУАК архивов должны были стать дела местных учреждений, потерявшие справочное значение и предназначенные к уничтожению. Учреждения обязывались направлять в комиссии описи подобных дел, из которых и выделялись документы, представлявшие научный интерес. В то же время «Положение» не предусматривало, какие именно ведомства были обязаны присылать свои описи. В результате в 1884 году одно лишь Министерство юстиции разрешило членам комиссий допуск к архивам окружных судов и упраздненных судебных учреждений. В последующие годы был утвержден ряд положений и инструкций, регламентировавших отношения ГУАК с учреждениями министерств финансов, внутренних дел, земледелия и государственных имуществ. Относительно других ведомств можно сказать, что их отношения с комиссиями всецело зависели от активности местных архивистов и степени расположения к ним губернской администрации. Для осмотра ГУАК подлинных дел и принятия их на хранение требовалось разрешение губернатора. На обратную отсылку описей и дел, командировки своих членов на места нахождения ведомственных архивов для их осмотра комиссии должны были использовать денежные пособия, получаемые из средств государственного казначейства. Если архивная комиссия выносила заключение о необходимости постоянного хранения дела или

[1] Бржостовская Н. В. Деятельность губернских архивных по созданию исторических архивов… С. 106.

документа и губернское правление не возражало, то они помещались в архив губернского правления, а в описях уничтоженных дел об этом делалась особая отметка. Если же по данному вопросу между губернским правлением и комиссией возникало разногласие, то губернатор обращался с просьбой о его разрешении в МВД. Последнее решало вопрос о передаче дел или документов на вечное хранение в какое-либо научное учреждение или книгохранилище, в случае положительного решения в описях также делалась соответствующая отметка.

В Тамбовской губернии ситуация складывалась не самым благоприятным образом. В обращении к съезду представителей ГУАК в 1914 году А. Н. Норцов был вынужден констатировать: «В самом вопросе о собирании архивных сведений Тамбовскую комиссию постигла порядочная неудача. Если в других губерниях условия более благоприятны и учреждения дают обстоятельные ответы на запросы и допускают в свои архивы, в Тамбовской губернии обстоит дело несколько иначе: многие учреждения даже и не ответили до сего дня на запросы Тамбовской комиссии, а сама по себе комиссия не имеет никакого права требовать отчет о состоянии архивов в разных учреждениях и не имеет достаточно средств, чтобы командировать её членов по губернии для приведения в известность состояний архивов вообще»[1]. Причина подобного положения заключалась в том, что несмотря на многочисленные инструкции и циркуляры, обязывавшие министерства представлять описи своих дел в ГУАК, далеко не все обращали на них внимание. В Тамбовской губернии с большей или меньшей степенью регулярности перечни документов приходили из следующих учреждений: казенной палаты, губернского правления, Тамбовского городского полицейского управления, Тамбовского, Шацкого, Козловского, Темниковского, Липецкого уездных полицейских управлений, Елатомской городской управы, Липецкой городской думы и мещанской управы. Остальные учреждения обращались в комиссию лишь в случаях крайней загруженности своих архивов, т.е. эпизодически. В некоторые из ведомств, в делах которых ТУАК была особенно заинтересована направлялись обращения, с уведомлением о возложенных на комиссию обязанностях, однако не все из них реагировали на это должным образом. Так, в 1888 году осталось без ответа обращение,

[1] **Норцов, А. Н.** Записка Тамбовской ученой архивной комиссии к съезду 6 мая 1914 г. /А. Н. Норцов. Тамбов, 1914. С. 302.

дважды направленное в адрес губернского дворянского собрания[1]. В 1902 году комиссия неоднократно обращалась с просьбой о предоставлении описей в Тамбовскую городскую управу, намеревавшуюся разгрузить свой переполненный архив уничтожив значительную часть документов и т.д.

Уже в первый существования Саратовской ученой архивной комиссии было изучено и приведено в порядок 27000 дел, поступивших из различных губернских учреждений (только из архива губернского правления – 11740 дел). А. Н. Минх просмотрел 700 дел в архиве Аткарской городской думы, А. А. Соколов, С. С. Краснодубровский и С. А. Харизоменов разбирали архив бывшего Царицынского нижнего земского суда за 1808 –1812 годы, А. В. Смирнов и В. Г. Еланский – архив Вольского духовного правления за 1772 – 1801 годы, В. Г. Еланский также разбирал дела архива Вольской городской думы, а Н. С. Соколов – архив Вольского земского суда за 1794 –1812 годы[2].

Архив Саратовской комиссии до 1913 года комплектовался в основным обычным порядком – делами губернских и уездных учреждений, отобранными по описям и столкновений с местными учреждениями таких как в Тамбове мы здесь не обнаружили. Постепенный рост архива показывают следующие данные о количестве находящихся в нем дел: в 1892 году – 2169 дел, в 1904 году – 10184 дела и в 1910 году – 24494 дела. В 1913 году в архиве числилось 27965 дел, и в том же году поступило около 10 тысяч дел волостных правлений (общее количество их определялось приблизительно в 20 – 25 тысяч)[3].

Как уже отмечалось выше, ПУАК с момента своего открытия имела собственное здание и весной 1902 года начались работы по устройству в нем архива. За все время своего существования комиссия получила от Пензенского губернского правления, Пензенской казенной палаты, Пензенского губернского присутствия, Городищенского, Чембарского и Краснослободского полицейских управлений, Чембарской городской управы, Саранского и Наровчатского уездных съездов, Наровчатского мирового съезда и мировых судей, Чембарского и Городищенского уездного казначейств, Пензенской мещанской управы и Инсарского

[1] ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2893. б/л.
[2] Труды СУАК. Саратов, 1887 – 1890.
[3] Труды СУАК. Саратов, 1915., Вып. 32. С. 195 – 211.

мещанского общества около 40 описей, а также около 50 дел на просмотр и запрашивала для хранения и исследования еще около 440 дел.

Благодаря энтузиазму Г. П. Петерсона были разобраны документы архива Саранского полицейского управления и составлена «Опись», частично опубликованная в «Трудах ПУАК». К 1903 году было разобрано и внесено в опись 2107 документов, составивших 329 связок[1].

Практиковавшаяся система комплектования исторических архивов ставшими ненужными для справочных целей делами затрудняла деятельность по организации архивного дела на местах. Несмотря на требования министерств высылать в адрес ГУАК как реестры дел, так и их подробные описания, ведомства обыкновенно ограничивались краткими перечнями. В результате сотрудники комиссий были вынуждены осуществлять знакомство с их содержанием по немногословным, зачастую неквалифицированным канцелярским описям. Поэтому их заключения о степени научной ценности документов носили приблизительный характер. Некоторые ГУАК вообще отказывалась принимать какие-либо решения о значимости дел на основании кратких описей. Тамбовские, Саратовские и Пензенские архивисты считали просмотр описей своей непосредственной обязанностью, хотя также не могли не замечать всех недостатков сложившейся практики. С 1901 года в ТУАК работу с описями выполняла специальная подкомиссия в составе председателя, правителя дел, казначея, библиотекаря и ряда других сотрудников, избиравшихся на общих собраниях. Подобная практика существовала в Саратовской и Пензенской комиссиях. Создание коллегиальных органов преследовало цель устранить возможный субъективизм при отборе дел, опасность которого вследствие отсутствия общепринятой методики была более чем вероятна.

В связи с тем, что ГУАК существовали не во всех губерниях, их деятельность по просмотру описей распространялась на территории соседних, а зачастую и весьма отдаленных областей. В адрес Тамбовской комиссии, согласно решению Археологического института от 1899 года, должны были поступать описи из Пензенской и Воронежской губерний, а также из области Войска Донского[2]. В начале XX века описи дел из Войска Донского стали высылаться в

[1] Юрченков В. А. Указ. соч. С. 10.
[2] ГАТО. Ф. 178. Оп.1. Д. 7. Л. 15.

адрес СУАК[1]. Наиболее регулярно в ТУАК приходили описи из Воронежской губернии, главным образом, из казенной палаты. В 1912 и 1914 годах поступили перечни документов из Московской и Бакинской казенных палат. Подобная практика не приветствовалась ГУАК. Они справедливо полагали, что недостаточное знание истории других регионов служит серьезным препятствием для проведения квалифицированной экспертизы ценности документов. В этой связи Московское археологическое общество, Академия наук и ряд ГУАК неоднократно поднимали вопрос о нецелесообразности отсылки описей в другие губернии, указывая на опасность, которой подвергаются в подобных случаях исторические материалы[2]. Одиннадцатый археологический съезд, признав недопустимым подобный порядок, принял решение ходатайствовать перед министерствами финансов и государственных имуществ о том, чтобы учреждения не отсылали документы в отдаленные ГУАК, минуя собственные[3]. Однако эти решения не изменили ситуации в целом.

Просмотр описей позволял составить лишь самое общее представление о характере документов. Гораздо более результативным являлось непосредственное знакомство с делами на местах их хранения. Однако последовательной работе в этом направлении препятствовали неурегулированность взаимоотношений с ведомственными архивами и отсутствие денег на командировки. В результате деятельность комиссий по отношению к местным архивам ограничивалась узким кругом губернских учреждений. Помимо уже упомянутых в него входили архивы дворянских сословных учреждений, городских и земских управ, учреждений духовного ведомства. Вследствие нерешенности данного вопроса он рассматривался на Восьмом археологическом съезде в 1890 году и съезде представителей ГУАК в 1914 году. На последнем председатель Тульской комиссии В. С. Арсеньев предложил возбудить ходатайство о расширении правил 1884 года пунктом, обязывающим все без исключения учреждения допускать членов комиссий для осмотра архивов. С этой целью на съезде была создана

---

[1] Бржостовская Н. В. Деятельность губернских архивных по созданию исторических архивов… С. 104.

[2] **Гераклитов, А. А.** Исторические архивы ученых архивных комиссий /А. А. Гераклитов //Труды СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32. С. 58.

[3] Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве 1899. Киев, 1902. Т. II. Ч. II. С. 141.

комиссия для разработки программы по порядку осмотра различных категорий архивов, в состав которой вошел и А. Н. Норцов. Комиссия представила проект положения, определяющего полномочия ГУАК в отношении местных архивов, однако утвердить его в законодательном порядке не удалось.

Ввиду вышеизложенного приходится констатировать, что деятельность большинства комиссий в данном направлении была довольно ограниченной. Тамбовская комиссия предпринимала определенные меры по ознакомлению с составом губернских и уездных фондов. Так, ее членами были обследованы архивы Козловского уездного полицейского управления и городской думы, Шацкого уездного училища, Тамбовского губернского правления, Кирсановского уездного полицейского управления, Елатомского уездного полицейского управления, городской управы и дворянской опеки, губернского дворянского собрания, Александринского института, Липецкого полицейского управления и др. Некоторые из наиболее важных в научном отношении документов пополнили исторический архив комиссии.

В 1903 году член СУАК К. Б. Веселовский отобрал в архиве Балашовского уездного полицейского управления 2575 дел. Правитель дел комиссии С. А. Щеглов и хранитель исторического архива П. Л. Юдин выявили и передали на хранение в комиссию 973 дела из Аткарской городской управы, 646 дел из Княженского волостного правления, 36 дел из Владимирского волостного правления[1].

О деятельности ПУАК в этом направлении нам известно, что в 1913 – 1918 годах В. П. Попов, Н. В. Медведев, Ф. А. Гладков и П. И. Иванов неоднократно командировались комиссией в различные уезды Пензенской губернии с целью осмотра и приведения в порядок местных архивов[2].

Некоторые материалы поступали в ГУАК в связи продажей документов на торгах. Так, в 1913 году стало известно о предполагавшейся продаже с торгов архива мировых судей Саратовской губернии. СУАК удалось предотвратить продажу и получить этот большой архив, в котором по приблизительному подсчету числилось до 150 тысяч дел[3]. В 1915 году тамбовским

[1] Труды СУАК. Саратов, 1908. Вып. 24. С. 120.
[2] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 40. Л. 24, 42, 44 – 54.
[3] Труды СУАК. Саратов, 1915., Вып. 32. С. 212.

архивистам стало известно, что Спасское уездное полицейское управление ввиду перегруженности его архива бумагами намерено избавиться от части дел. Для выяснения научного значения обреченных на гибель документов в г. Спасск был командирован И. И. Львов. По результатам его отчета архив был признан представляющим научный интерес, вследствие чего его продажа на торгах была запрещена[1]. К сожалению, следует признать, что спасти удавалось далеко не всё из местных архивов. По свидетельству А. А. Щеголева, буквально на глазах членов ТУАК погиб значительный комплекс материалов Тамбовской городской управы. В 1902 году управа начала очищать свой разросшийся архив. Для наблюдения за этим процессом был направлен А. А. Щеголев, отобравший значительное число дел. Однако затем комиссия, отвлеченная другими делами, оставила отобранный материал без внимания. В результате несколько возов с документами пропали бесследно. Расследования в связи с исчезновением ценнейшей части архива не последовало. Данную пропажу, также как и гибель многих других местных фондов, А. А. Щеголев связывал с именем некоего торговца А. Н. Забавникова, развернувшего в годы Первой мировой войны бурную деятельность по скупке бумаг тамбовских учреждений. Местные чиновники по невежеству, но в большей степени движимые жаждой наживы, продавали их почти в полном составе. Особенно пострадали при этом старые, ненужные для практических целей документы, среди которых встречались дела начала XVIII века. Сознание собственной безнаказанности торговца было настолько велико, что с предложением о продаже архивных дел он обратился даже к Тамбовской комиссии, получив от нее решительную отповедь.

Тамбовская, Саратовская и Пензенская комиссии не ограничивалась источниками комплектования, указанными в «Положении» 1884 года. Исходя из стремления расширить рамки собирательской деятельности, ее члены обращались к самым разнообразным категориям архивов и, в первую очередь, к частновладельческим. Значение деятельности ГУАК по концентрации частновладельческих собраний трудно переоценить ввиду двух обстоятельств: во-первых, они находились вне сферы компетенции официальной архивной службы и, следовательно, в значительной части вне пределов досягаемости исторической науки; во-вторых,

[1] ИТУАК. Тамбов, 1917. Вып. 57. С. 57.

судьба именно этой категории архивов была в большей степени по сравнению с другими подвержена разного рода гибельным случайностям. В свое время еще Н. В. Калачов указал на невероятно небрежное отношение владельцев к фамильным бумагам, которые, по его словам, гибли не только с каждым годом, но буквально с каждым днем. Последнее обстоятельство в полной мере подтвердилось в период революции 1905 – 1907 годов, когда было утрачено значительное количество дворянских и помещичьих архивов. Повышенный интерес к частновладельческим собраниям, преимущественно дворянским, во многом определялся составом ГУАК, для которых данная категория архивов представляла помимо научного еще и практическое значение. В то же время этот интерес объективно совпадал с тенденциями развития русской исторической науки, уделявшей все большее внимание проблемам экономической истории. Работы В. И. Семевского. Н. А. Рожкова, П. Б. Струве выявили недоступность источниковой базы по проблемам хозяйственной жизни страны. Материалы вотчинных архивов, отражавшие уклад экономики в разные периоды истории, были призваны способствовать разрешению многих спорных вопросов. В этой связи Московское археологическое общество в 1897 году настоятельно рекомендовало ГУАК обратить внимание именно на эту категорию архивов. Большое значение работе по концентрации частновладельческих архивов придавала Особая комиссия при Императорском Русском историческом обществе, осуществлявшая координацию деятельности комиссий. Перед началом Первой мировой войны она обратилась к управляющему Государственным дворянским земельным и крестьянским поземельным банками А. Н. Карцову с просьбой содействовать передаче архивов из дворянских имений в ГУАК[1]. Последний с разрешения Министерства финансов предписал губернским отделениям банков передавать находящиеся в имениях материалы в местные комиссии.

При всей значимости частновладельческих архивов их выявление было связано с большими трудностями. Если сведения о содержании фондов правительственных учреждений комиссии черпали из более или менее регулярно присылавшихся описей, то возможности получать точную информацию о частных архивах были ограничены.

[1] См.: **Лаппо-Данилевский, А. С.** Особая комиссия при Императорском Русском историческом обществе и её деятельность по сохранению местных архивных материалов. 1911 – 1916 /А. С. Лаппо-Данилевский. Пг., 1916. С. 8 – 9.

Большая часть последних поступала в исторические архивы случайно. В ответе на запрос Императорского Русского исторического общества от 28 февраля 1912 года о взаимоотношениях с ведомственными и частными архивами ТУАК указывала: «Об архивах частных комиссия не имеет подробных и точных сведений. Бумаги этих архивов попадают в архивную комиссию совершенно случайно и редко, когда кто-либо из членов архивной комиссии сообщит ей об историческом материале, находящемся в частных руках и если сами владельцы пожертвуют архивной комиссии хранящиеся у них материалы»[1]. Значительным тормозом являлось также отсутствие необходимых средств. Активизации этой работы немало способствовал И. И. Дубасов, неоднократно обращавший внимание архивистов на этот важный источник комплектования архива ТУАК. «Если бы земляки-тамбовцы, – заявил он на заседании 2 февраля 1899 года, – тщательно откликнулись на мой давний научный призыв, то из семейных архивов, по преимуществу дворянских, появились бы массы ценных исторических материалов»[2]. Наиболее энергично поиском документов личного происхождения занимались П. И. Пискарев, М. Г. Розанов, А. Л. Лебедев, Д. Н. Астров, М. Ф. Николаевский. А. П. Муравьев, П. А. Дьяконов. В результате их деятельности в архиве комиссии сложились значительные подборки документов ряда тамбовских фамилий – Сатиных, Зиновьевых, Малеевых, Акчериных, Кудашевых, Ознобишиных, Гагариных, Кашаевых, Маматказиных и др.

Однако наиболее значительным приобретением стал фамильный архив графов Сухтелен. Заслуга его открытия принадлежала М. Г. Розанову, обнаружившему архив в июле 1884 года в имении тамбовской помещицы Н. К. Сухтелен в с. Большом Шереметеве Моршанского уезда. Ознакомившись с бумагами, архивист тотчас же оценил их значение и предпринял ряд мер по их передаче в собственность ТУАК. Усилиями своего сотрудника комиссия уже в середине 1880-х годов получила часть документов из имения Сухтелен. В 1888 году графиня решила пожертвовать в исторический архив все имевшиеся у нее рукописи и бумаги.

Благодаря усилиям А. Н. Норцова комиссия в 1906 году получила еще два фамильных архива, не уступавших по значению собранию

[1] ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 78. Л. 1.
[2] ИТУАК. Тамбов, 1901. Вып. 44. С. 122.

Сухтелен. Это материалы, принадлежавшие графам Канкриным и Ламберт. Они были получены от кирсановского помещика Н. Л. Маркова, в свою очередь приобретшего их у уездного предводителя дворянства С. С. Башмакова, племянника жены А. Е. Канкрина. Материалы архивов Сухтелен, Канкриных, Ламберт были разобраны и систематизированы А. Н. Норцовым к 1910 году. В том же году подготовленный им обзор документов, систематизированных по хронологическому принципу, был издан отдельной брошюрой[1].

Членами СУАК В. Н. Смольяниновым и С. И. Кедровым под руководством М. И. Семевского был разобран исторический архив князя Ф. А. Куракина, хранившегося в с. Надеждино Сердобского уезда Саратовской губернии. Архив состоял из 760 томов документов, охватывавших период с конца XVII в. по первое десятилетие XIX столетия[2]. По личной инициативе члена СУАК Г. Г. Дыбова в собственность комиссии поступили документы и книги из личного архива Н. В. Калачова, находившегося в селе Волхонщина Сердобского уезда Саратовской губернии[3].

В 1901 году ПУАК были получены сведения о двух частных архивах Языковых (с. Васильевка Пензенского уезда) и Ховриных (с. Саловка Пензенского уезда[4]. О дальнейшей судьбе этих архивов сведений, к сожалению, не сохранилось.

Другой категорией архивов, на которые ГУАК обращали самое пристальное внимание, являлись церковные и монастырские хранилища, Интерес к этим собраниям был обусловлен, во-первых, характерным для провинциальных историков повышенным вниманием к церковно-исторической проблематике; во-вторых, стремлением содействовать сохранности документов одной из наименее обеспеченных условиями хранения разновидностей архивов. К концу XIX века богатые прежде монастырские собрания в значительной степени оскудели. Во многом это было связано с процессом секуляризации церковных земель и получившим бурное

---

[1] **Норцов, А. Н.** Архив графов Канкриных – Ламберт-Сухтелен. (Общий обзор документов) /А. Н. Норцов. Тамбов, 1910.

[2] Захаров В.М., Захарова Т.А. Саратовская ученая архивная комиссия… С. 59.

[3] **Гераклитов, А. А.** Краткая опись «Калачовского» фонда исторического архива Саратовской архивной комиссии /А. А. Гераклитов //Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 27. С. 5.

[4] Дорошин Б. А. Организация и деятельность Пензенской ученой архивной комиссии… С 121.

развитие с начала века собирательством письменных памятников старины. В ходе археографических экспедиций научные общества и отдельные лица становились владельцами легально и нелегально приобретаемых монастырских актов, что приводило нередко к полной утрате монастырями своих документальных собраний[1].

Между тем взаимоотношения ГУАК и архивов культовых учреждений официально не регламентировались в результате чего доступ историков в их хранилища всецело зависел от позиции епархиальных властей. В силу этого лишь немногим комиссиям удалось получить на хранение монастырские фонды. Большинство ГУАК были вынуждены ограничиваться описанием монастырских собраний, либо эпизодическим приемом отдельных документов, поступавших случайными путями. ТУАК стремилась поставить работу с церковно-монастырскими собраниями на долговременную и прочную основу. С этой целью 1 декабря 1887 года ее руководство направило в духовную консисторию ходатайство о высылке в исторический архив на постоянное хранение или для снятия копий старинных рукописей и документов[2]. В ответном послании от 16 января 1888 года епископ Тамбовский и Шацкий Виталий сообщил, что согласно указу Священного Синода от 31 мая 1853 года письменные памятники старины церковно-исторического характера должны храниться при церквях, вследствие чего он не может выполнить просьбу комиссии.

Позиция епархии в значительной мере осложнила деятельность комиссии по выявлению и принятию мер к сохранности церковных собраний, которая свелась к просьбам о высылке сведений о составе монастырских архивов. Получив подобную информацию комиссия предпринимала попытки обследования монастырских и церковных архивов. Так были осмотрены архивы Краснослободского мужского Спасо-Преображенского монастыря, Шацкого Чернеевского монастыря, соборной Преображенской церкви г. Темникова, Козловского Троицкого монастыря и др. Ряд выявленных материалов удавалось скопировать или получить в собственное распоряжение. Например, в 1885 году, от протоиерея соборной Преображенской церкви В. Курганского поступили грамоты царей Ивана и Петра

[1] Бржостовская Н. В. Деятельность губернских архивных по созданию исторических архивов… С. 94.
[2] ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

Алексеевичей от 1685 года на земельные владения в г. Темникове. В том же году настоятель соборной Крестовоздвиженской церкви г. Козлова протоиерей И. М. Сладкопевцев передал ряд документов церковно-исторического характера XVIII века. В конце 1880-х годов. И. И. Дубасову удалось получить от наследников одного из священников Рассказовского благочиния 47 административных актов синодальной и епархиальной властей, отражавших порядок церковного управления и внутренней церковной жизни первой половины XIX века[1]. В 1880-е годы комиссия получила материалы Вышенской пустыни второй половины XVIII века, Темниковского Пурдышевского монастыря XVII века, а также документы Козловского уездного полицейского управления о молоканах с. Новогоритова. В конце 1890-х годов был получен ряд документов Трегуляевской Предтеченской пустыни. В архиве комиссии отложился также значительный комплекс материалов по истории Чернеева монастыря.

Саратовская и Пензенская комиссии также вели подобную работу. Так, например, членами СУАК Н. А. Бундасом, Л. П. Мошинским и В. П. Соколовым в 1901 году было отобрано для исторического архива 25 дел из Астраханской духовной консистории, относящихся к пребыванию войск Е. И. Пугачева на территории Саратовского края[2]. ПУАК же весьма не регулярно получала лишь описи дел Пензенской духовной консистории[3].

При формировании исторических архивов большинство ГУАК не ограничивались местными источниками комплектования. В своем стремлении создать цельные документальные комплексы, в полной мере отражающие историю отдельных регионов, они предпринимали попытки выявления документов по истории края и за его пределами. Так, в 1888 году А. Ф. Селиванов (член ТУАК и ПУАК), будучи в Тифлисе, узнал от членов Кавказской археографической комиссии о наличии в военно-историческом отделе штаба военного округа дел по истории Тамбовскосо наместничества XVIII в. На собрании ТУАК 8 марта 1889 года было принято решение ходатайствовать перед штабом о передаче комиссии описи, а по возможности и самих

[1] ИТУАК. Тамбов, 1889. Вып. 22. С. 52.
[2] Труды СУАК. Аткарск, 1902. Вып. 22. С.186 – 187.
[3]Дорошин Б. А. История Пензенской губернской ученой архивной комиссии… С . 84.

документов[1]. К сожалению, источники умалчивают о дальнейшей судьбе этого запроса.

Еще одним источником комплектования архивов был обмен документами между ГУАК. Так, например, общим собранием СУАК 2 октября 1910 года хранителю архива А. А. Гераклитову был разрешен обмен документами, касающимися графа Сухтелена с Тамбовской комиссией с условием передачи последней документов, относящихся к Саратовской губернии[2].

Провинциальные архивисты придавали большое значение установлению связей с центральными архивами. В свою очередь, последние, отдавая себе отчет о важности работы по созданию местных хранилищ, шли навстречу их начинаниям. Управляющий Московским архивом Министерства юстиции (МАМЮ) Д. В. Цветаев на встрече с деятелями ГУАК особо подчеркнул, что полнота научных исследований местных историков возможна только при параллельной разработке столичных и провинциальных архивов[3]. Тамбовская комиссия, наряду с Рязанской, Орловской, Саратовской и некоторыми другими, принадлежала к числу ГУАК, установившим регулярные и плодотворные отношения со столичными архивами. С момента своего возникновения комиссия поставила своей задачей собрать как можно больше копий документов по истории края из центральных хранилищ. На заседании 8 января 1885 года И. И. Дубасов заявил: «Местная архивная комиссия совершила бы весьма важный научный подвиг, если бы нашла возможным систематически и в обширных размерах снимать копии с важнейших наших исторических памятников»[4]. Здесь неоценимую помощь ТУАК оказывали московские члены комиссии и сотрудники Московского архива Министерства юстиции. Во-первых, они информировали тамбовских коллег о составе фондов, относящихся к истории края, и, во-вторых, высылали копии наиболее важных дел. Присылаемые описи обыкновенно зачитывались на заседаниях комиссии с целью ознакомления заинтересованных лиц с содержанием дел, а копии публиковались на страницах «Известий ТУАК». Одним из наиболее деятельных членов комиссии являлся начальник отделения МАМЮ

[1] ИТУАК. Тамбов, 1889. Вып. 23. С. 2.
[2] Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 27. С. 5.
[3] **Цветаев, Д. В.** Московский архив Министерства юстиции и губернские ученые архивные комиссии /Д. В. Цветаев //Русская старина. 1916. № 4. С. 413.
[4] ИТУАК. Тамбов 1885. Вып. 2. С. 2.

И. Н. Николев. На протяжении ряда лет, еще до открытия в Тамбове ученой архивной комиссии, он извлекал из фондов архива и издавал документы по истории края. И. Н. Николев оказал существенную помощь И. И. Дубасову в выявлении необходимых источников при написании его «Очерков из истории Тамбовского края». С открытием в городе комиссии он установил с ней тесные и регулярные связи, высылая в ее адрес копии документов. Плодотворное сотрудничество с архивистом было прервано в 1888 году в связи с его смертью. На протяжении многих лет комиссия также пользовалась значительной помощью управляющего МАМЮ Н. А. Попова и двух его сотрудников А. А. Голомбиевского и В. И. Холмогорова. Причем В. И. Холмогоров был членом Тамбовской, Саратовской и Пензенской архивных комиссий. Поэтому он также отбирал материалы, касающиеся истории этих губерний[1].

Из трех исследованных нами комиссий наиболее стабильные связи сложились с другим центральным хранилищем – Московским главным архивом Министерства иностранных дел у ТУАК. Из числа его сотрудников наиболее активное содействие ей оказывал библиотекарь И. Ф. Токмаков, регулярно сообщавший сведения о документах, относившихся к самым разным сторонам исторического прошлого края. Сотрудничество с ним продолжалось вплоть до его смерти.

---

[1] **Холмогоров, В. И.** Материалы для истории города Тамбова. Книга Тамбовским земляным и деревянным крепостям /В. И. Холмогоров // ИТУАК. Тамбов, 1892. Вып. 33. С. 109 – 118; **Они же**. Материалы для истории города Козлова //Там же. С. 59 – 106; **Он же.** Переписная книга 7179 года сел и деревень Верхоценской волости и Рыбной пустоши и монастырских вотчин Тамбовского уезда //ИТУАК. Тамбов, 1901. Вып. 45. С. 35 – 49; **Холмогоров, В. И., Холмогоров, Г. И.** Материалы для истории колонизации Саратовского северо-восточного края до второй половины XVIII века /В. И. Холмогоров, Г. И. Холмогоров //Труды СУАК. Саратов, 1891. Т.3. Вып. 2. С. 1 – 258; **Холмогоров, В. И.** Материалы для истории Саратовского края, собранные из документов Московского архива Министерства юстиции /В. И. Холмогоров //Труды СУАК. Аткарск, 1902. Вып. 22. С. 123 – 152; **Холмогоров, В. И., Холмогоров, Г. И.** Материалы для истории, археологии, статистики и колонизации Пензенского края в XVII – XVIII столетиях /В. И. Холмогоров, Г. И. Холмогоров //Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Пенза, 1899. Вып. IV. С. 23 – 32.

Важным представляется то обстоятельство, что центральные архивы предоставляли ГУАК не только копии интересовавших их дел, но и подлинные документы. Оригинальные дела поступали в губернские архивы, главным образом из МАМЮ и Сенатского архива. Сенатский архив начал передачу дел по региональной истории после того, как в 1887 году, в адрес комиссии по разбору переполненных фондов поступила соответствующая просьба Рязанской комиссии. В результате ГУАК получили значительное количество документов департаментов общих дел и межевого, дающих представление об условиях и размерах вотчинного землевладения в XVII – XIX веках. Так, например, в 1901 году из Сената в архив СУАК поступило 300 дел, а в 1902 году – 950 дел[1].

Немалое число материалов по истории края было выявлено и скопировано сотрудниками ГУАК в процессе непосредственной работы в столичных архивах. В Тамбове ведущая роль в этой деятельности принадлежала И. И. Дубасову, регулярно совершавшему поездки для работы в московских архивах. Из числа других членов ТУАК в центральных хранилищах регулярно работали П. И. Пискарев и М. Г. Розанов. Внимание тамбовских историков привлекали строельные и переписные книги, отписки воевод, царские грамоты на их имя, церковно-исторические материалы. С приходом в комиссию нового председателя был поставлен вопрос о расширении объема работ в центральных архивах. На заседании 18 ноября 1902 года А. Н. Норцов предложил составить план систематической работы по выявлению документов, относящихся к местной истории, в фондах столичных архивов. Однако это предложение не было реализовано, поскольку в дальнейшем деятельность комиссии получила иное приоритетное направление. Начало подобной работе в Саратове положил Н. И. Костомаров, в письме Д. Л. Мордовцеву от 7 октября 1877 года он пишет: «Вам непременно нужно взять когда-нибудь командировку, приехать в белокаменную, прожить здесь месяца два-три и заниматься изо дня в день в архиве, управляемом нашим общим приятелем Н. В. Калачовым, таким превосходным хозяином. Я пользуюсь его гостеприимством до отвалу, здесь нет никаких стеснений: приходи хоть с солнечным восходом и уходи, когда делается темно; полная свобода. Хотя написано и вывешено на

[1] Труды СУАК. Саратов, 1903. Вып. 23. С. 75 – 124.

стене: «Курить воспрещается», но на это никто не обращает внимания. Це воно тільки так пишется, а воно брехня»[1]. Сведений о работе в центральных архивах членов ПУАК нами не обнаружено.

В результате практической деятельности по формированию губернских исторических архивов ГУАК значительно расширили круг источников их комплектования, определенный «Положением» 1884 года. Полагая недостаточным для создания полноценных архивохранилищ выделенных к уничтожению документов правительственных учреждений, комиссии привлекали другие, разнообразные по составу и происхождению материалы из частновладельческих и церковно-монастырских архивов. Фонды ГУАК пополнялись также документами полученными в результате обмена между комиссиями. Ввиду ограниченности средств документы очень редко закупались. Значительное количество подлинных или копированных исторических документов комиссии получили от МАМЮ и Сената. Наиболее подготовленные к работе с историческими источниками члены некоторых ГУАК лично работали в центральных архивах, что, безусловно, расширяло источники комплектования и повышало качественный уровень документальной базы провинциальных архивов.

II. 2. Отбор документов на хранение и их использование.

Во второй половине XIX – начале XX века российское архивоведение еще не разработало теоретических положений о категориях документов подлежащих выявлению и хранению, поэтому археографические экспедиции и архивисты ориентировались на широкий круг памятников, подпадавших под расплывчатую категорию «древностей», «старины»[2]. Единственными правилами, которыми могли руководствоваться ГУАК, являлись подготовленные в 1887 году Археологическим институтом «Главнейшие начала, которых было бы необходимо держаться при создании архивными комиссиями губернских исторических архивов», содержавшие набор самых элементарных требований:

[1] Русская старина. – 1885. – Декабрь. – С. 647.

[2] См.: **Чирков, С. В.** Некоторые проблемы развития русской археографии в начале XX века /С. В. Чирков //Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 14.

1. Обеспечить пожарную безопасность и чистоту помещения, еженедельно очищать его от пыли.
2. Отделить часть помещения для складирования принимаемых дел и документов, в другой части, желательно на простых полках размещать, классифицированные дела.
3. Обозначить буквами каждую комнату, шкаф или связь полок (в последнем случае – обозначить с каждой стороны отдельной цифрой).
4. Удобнее всего, когда архив имеет единую классификацию; если же в архив поступают большие серии дел, описанные или включенные в отдельные описи, то эти дела должны, сохраняя номера своей серии, получить текущий номер архива.
5. На ребрах стенок каждой связки полок, у каждого прохода, на табличке должны быть обозначены номера дел, помещенных на каждой линии полок.
6. На первой или последней странице обложки каждого дела должно помещаться краткое описание содержание дела.
7. Соорудить и пополнять именной, предметный и географический каталоги архива.
8. В комнате, где будет помещаться каталог, на особой полке поместить описи дел, серий или отдельных архивов; отметив в них особыми чернилами соответствующие номера исторического архива. При большом количестве подобных описей должен быть особый указатель этим описям.
9. В архиве должна иметься справочная литература по истории, географии и библиографии[1].

Как мы видим, инструкция, касавшаяся внешней стороны организации архива, не затрагивала вопросов, которые больше всего волновали местных архивистов: порядок разбора и описания дел, определение критериев к их уничтожению и т.д. Перед ГУАК встали трудноразрешимые вопросы, которые были сформулированы Н. В. Калачовым на Первом археологическом съезде: «Какие должны быть постановлены правила при разборе документов с целью признания одних подлежащими хранению, а других уничтожению? На какие отделы должны быть распределены и как должны быть размещаемы документы для занятия ими в архиве возможно меньшего пространства и для удобнейшего пользования ими? Какие реестры

[1] Петерсон Г. П. К истории учреждения в г. Пензе ученой архивной комиссии… С. 223 – 229.

или другого рода описания должны быть им составляемы?»[1] Ввиду того, что в утвержденных правилах не предлагались критерии выделения дел, решение вопроса о научной ценности документов целиком зависело от компетентности архивных работников. В ведомственных архивах экспертиза ценности документов («разбор старых дел») проводилась по мере их переполнения ненужными для практических целей бумагами, причем каждый из них располагал собственными правилами хранения и уничтожения дел. Равным образом каждая ГУАК руководствовалась при отборе документов исключительно собственными соображениями. Как справедливо отмечал смотритель архива Саратовской комиссии А. А. Гераклитов, «… решение наиболее существенного вопроса деятельности архивных комиссий, в котором ближайшим образом заинтересованы и наука, и даже самая жизнь, решается почти исключительно по личному усмотрению отдельных лиц, в зависимости от их личных взглядов, вкусов, степени образования и развития»[2]. В этой связи вопрос об устранении субъективности в выборе архивных дел поднимался на частных совещаниях представителей ГУАК, участвовавших в работе Седьмого (1890 г.) и Десятого (1896 г.) археологических съездов. Однако единственное, к чему они смогли прийти в результате его обсуждения – на хранение следует оставлять как можно большее количество документов.

Отсутствие официальных инструкций по порядку отбора документов некоторые ГУАК, к числу которых относилась и Саратовская комиссия, пытались восполнить пробел разработкой собственных методических указаний. Первоначально разбор архивов в СУАК осуществлялся по заранее разработанной каждым членом комиссии (имевшим опыт работы с документами) специальной программе. А. Н. Минх в процессе изучения документов стремился выделять материалы, относившиеся к проблемам колонизации[3]. С. С. Краснодубровский предлагал: «… комиссия должна с крайним вниманием следить за всеми делами, в которых упоминается о ссыльных и этапных людях, а также с особым тщанием рассматривать дела, касающееся борьбы вольницы с государством. В описях таких дел, по моему мнению, должны быть включены не

[1] Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т. 1. С. 55.
[2] Гераклитов А. А. Указ. соч. С. 61.
[3] **Минх, А. Н.** Материалы для истории заселения Саратовского уезда /А. Н. Минх //Труды СУАК. Саратов, 1889. Т. 2. Вып. 1. С. 26 – 32.

только имена всех ссыльных, но и бумаги, определяющие характер их виновности. Все дела касающееся сопротивления властям или уклонения от местных административных распоряжений, должны храниться в неприкосновенности и составлять особый отдел исторического архива, который должен находиться в непосредственном заведовании начальника архива…»[1].

Пензенская и Тамбовская комиссии каких-либо специальных инструкций по вопросам отбора дел, подготовленных учреждениями к уничтожению, не выработали. Хотя общие инструкции по министерствам существовали. Так, порядок уничтожения дел губернских правлений и подведомственных им учреждений МВД определялся инструкцией от 1909 года. Согласно ей архивариусы губернских правлений и подведомственных им учреждений по истечении каждого года должны были составлять описи делам, хранящимся более 10 лет. После рассмотрения этих описей специальной комиссией при губернском правлении они должны отправлялись в губернскую ученую архивную комиссию для заключения об уничтожении дел. Если губернская ученая архивная комиссия не давала заключения в течение шести месяцев, тогда документы могли быть уничтожены. Собственных же инструкций комиссии не создали. В одном из отчетов ТУАК, направленном в Московское археологическое общество, указывалось, что на хранение в исторический архив отбираются наиболее интересные дела. В годовом отчете за 1901 год отмечалось, что комиссия оставляет только те документы, которые, по мнению ее сотрудников, могут служить ее научным целям. В подобном подходе проявилась определенная узость взгляда, т.к. в этом случае не учитывалось возможное в будущем расширение научных целей и проблематики исследований, как самой комиссии, так и исторической науки в целом. Прямые указания на то, какими критериями руководствовались члены комиссии при экспертизе ценности документов в источниках, к сожалению, отсутствуют. Однако более или менее точное представление о категориях дел, привлекавших их внимание, можно составить на основе анализа публиковавшихся в «Известиях ТУАК» описей, а также непосредственно самих публикаций. При этом становится очевидным, что в первую очередь

[1] **Краснодубровский, С. С.** Наши архивные комиссии /С. С. Краснодубровский //Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1. Вып. 1. С. 22.

тамбовские историки, руководствуясь не только научными, но и практическими соображениями, обращали внимание на дела, содержавшие, по их словам, «… драгоценные указания на поземельные владения», т.е. материалы по истории помещичьего землевладения. Не меньшее значение придавалось источникам по истории колонизации края, распространении христианства на его территории, взаимоотношениях русских с инородческим населением, развитии промыслов, торговли, промышленности. Обязательному хранению подлежали источники по социально-политической истории: о состоянии привилегированных сословий, положении крестьянства и духовенства, крестьянских волнениях и восстаниях. Особое внимание ТУАК обращала на материалы, имевшие отношение к истории церкви и бытовой истории: основанию и росту монастырей и церквей, их хозяйственной деятельности, распространению сектантства, обычаям и верованиям местных жителей, устройству их повседневной жизни, документам, воссоздающим морально-нравственный образ местных жителей. Подобная тематика архивных дел отбиралась также в Пензе и Саратове.

Одним из наиболее болезненных для архивистов являлся вопрос об уничтожении дел и о критериях выделения документов к выбраковке. На Первом археологическом съезде Н. В. Калачов охарактеризовал проблему уничтожения дел как чрезвычайно трудноразрешимую, которую нельзя отдавать на произвол чиновников. Существовавшие в то время ведомственные правила он признавал скорее «… отрицательного, нежели положительного свойства»[1]. Согласно разработанной Временной комиссией об устройстве архивов в 70-х годах XIX века инструкции документы архивов подразделялись на три разряда: постоянного, временного сроков хранения и подлежащие уничтожению. Этот порядок, на наш взгляд, не выдерживает критики, т.к. на практике в делах третьего разряда зачастую оказывались документы, безусловно, подлежащие постоянному хранению. На Первом съезде ГУАК член Саратовской комиссии А. А. Гераклитов выразил точку зрения многих губернских архивистов, заявив, что «… нет документов более или менее важных, документы важны постольку, поскольку они интересны для работ историков, и не дело архивных комиссий, не дело архивариусов своей

[1] **Калачов, Н. В.** Архивы /Н. В. Калачов //Труды Первого археологического съезда в Москве в 1869. М., 1871. Т. 1. С. 211.

властью определять ценность того или иного документа, их обязанность всякий документ хранить, который затем использует историк»[1]. Таким образом, деятели ГУАК всецело разделяли мнение Н. В. Калачова о том, что «… следует уничтожать как можно менее и лишь при совершенной необходимости»[2].

Источники достаточно скупы на сведения о том, какого рода дела выбраковывались ГУАК. Данные об этом приводятся в составе небольшого числа протоколов и отчетов комиссий. Так, в 1885 году член ТУАК Н. В. Быстров, просматривавший опись дел губернского по крестьянским делам присутствия, пришел к заключению, что упомянутые в ней документы интереса не представляют. Однако, наряду с действительно мало значительными материалами, в эту же категорию он занес и такие, как переписка посредников с губернским присутствием по поводу «недоразумений», возникших при введении в действие положения о крестьянах в начале 1860-х годов. В результате выбраковке были подвергнуты ценные источники по истории проведения крестьянской реформы на территории Тамбовской губернии. Упомянутый эпизод позволяет предположить, что ТУАК допускала, особенно в начальный период своей деятельности, отдельные случаи неквалифицированной экспертизы ценности документов. Причиной тому была недостаточная компетентность части сотрудников. Имели место и такие факты, когда по описям списывались все дела без исключения. Так, в 1886 году фронтальной выбраковке подверглись дела по описям Тамбовского уездного полицейского управления, в 1911 году – Липецкого полицейского управления. В 1912 – 1915 годах комиссия не сочла нужным препятствовать уничтожению дел Тамбовского губернского правления, казенной палаты, губернского статистического комитета, Тамбовского уездного полицейского управления, Московской казенной палаты.

Члены Тамбовской комиссии неоднократно предпринимали попытки совместными усилиями решить наболевшие вопросы методики организации архива. Так, на собрании 9 октября 1890 года И. В. Староградский предложил приступить к разработке

---

[1] Труды Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий… С. 12 – 13.

[2] **Калачов, Н. В.** Архивы, их государственное значение, состав и устройство /Н. В. Калачов. СПб., 1877. С. 28.

определенных правил разбора архивных дел. Он выразил общую точку зрения членов комиссии, отметив, что «… отобрать дела, важные в том или другом отношении, и извлечь из них все ценное и необходимое – это задача весьма трудная, а без должного опыта и указания –почти невозможная»[1]. В затруднительных случаях они имели обыкновение обращаться за помощью к «почтенному знатоку-архивисту» П. И. Пискареву, однако, в большинстве своем были вынуждены согласиться с мнением И. В. Старограда, что сложившаяся практика представляет собой не лучший выход из положения и без специально разработанной методики вряд ли удастся в скором времени извлечь из пыльных связок все ценные для истории края источники. Деятельность в данном направлении могла стать эффективной лишь в случае установления строго определенного научного порядка разбора архивных дел, определения четких критериев экспертизы ценности документов. В этой связи А. Н. Норцов в 1902 году направил обращение в Академию наук и ряд ученых архивных комиссий о необходимости разработки общей инструкции по разбору дел.

Первый председатель Саратовской архивной комиссии А. А. Тилло предлагал даже потребовать от Археологического института специальных инструкций. После бурных дискуссий члены архивной комиссии стали практиковать коллективные обсуждения описей дел, предназначенных к уничтожению, полагая, что подобные обсуждения сведут субъективизм архивистов к минимуму. Некоторые члены комиссии (А. И. Шахматов) первоначально считали необходимым выбирать из архивных дел лишь часть наиболее значимых документов. Однако большинство членов комиссии высказывались за сохранение отобранных дел полностью[2]. Выработанная в Саратовской ученой архивной комиссии практика разбора архивов была поддержана директором Археологического института А. Н. Труворовым, рекомендовавшим остальным архивным комиссиям использовать опыт саратовцев[3].

Однако дело сдвинулось с мертвой точки только после проведения Первого съезда представителей ГУАК в 1914 году. В соответствии с постановлением съезда члены Тамбовской комиссии

---

[1] Старограда И. В. О затруднениях при разборе дел и документов архива //ИТУАК. Тамбов, 1890. Вып. 30. С. 2.

[2] Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1. Вып. 1. С. 37 – 38.

[3] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Оп 5. Л. 10.

А. Е. Андриевский и И. И. Маркелов составили инструкцию «О привозе и хранении старых дел»[1]. На основе инструкций ГУАК, в том числе Пензенской, Саратовской и Тамбовской, Особая комиссия при Русском историческом обществе подготовила сводный вариант общих правил о разборе и хранении дел. В целом, порядок организации исторического архива ТУАК в сравнении с ПУАК и СУАК нельзя было признать удовлетворительным. Так, например, состояние архива ТУАК к 1900 году определялось следующим образом: «До сего времени большая часть дел не только не описана, но и не разобрана, хотя бы по годам, поэтому они связаны в пачки и положены на полках, а большинство свалено на полу в кучи»[2]. Причиной тому была отчасти недостаточная разработанность этого вопроса в теоретическом аспекте и отсутствие единообразия в организации порядка хранения архивных дел на практике. В дореволюционном архивоведении существовало два подхода к проблеме классификации дел: провениенц-принцип (принцип происхождения), и пертинец-принцип (принцип принадлежности). Первый предполагал сохранение архивного фонда как целостного, исторически сложившегося комплекса документов и исключал возможность его дробления на части. Второй предусматривал систематизацию документов в связи с их содержанием, т.е. по логическим признакам. Приверженцем претинентной классификационной схемы являлся Н. В. Калачов. Он полагал, что «… подвергнуть документы какого-либо архива надлежащему разбору – значит рассмотреть каждый из них настолько, чтобы определить его значение и отношение к другим документам, все же вообще документы этого архива распределить на отделы или разряды по различию их содержания»[3]. Однако уже тогда многие видные ученые отдавали себе отчет в необходимости сохранения исторически сложившихся комплексов материалов в виде архивных фондов. В их числе следует назвать, прежде всего, Д. Я. Самоквасова, выступавшего за сохранение внутренней структуры и недробимости фондов.

Губернские комиссии в силу объективных условий своей деятельности не могли следовать, принципу пофондовой классификации. Практика комплектования создававшихся ими

[1] ИТУАК. Тамбов, 1917. Вып. 57. С. 164.
[2] ИТУАК. Тамбов, 1901. Вып. 44. С. 129.
[3] Калачов Н. В. Архивы… С. 211.

исторических архивов делами, предназначенными к уничтожению, неизменно приводила к преобладанию коллекционного принципа над фондовым. Именно это обстоятельство послужило причиной резкой критики ГУАК Д. Я. Самоквасовым, обвинившего провинциальных архивистов в разрушении исторически сложившихся фондов. В то же время, исходя из анализа архивной практики комиссий, можно с полным основанием утверждать, что губернские архивисты с сочувствием относились к идее сохранения исторически сложившихся фондов. В том случае, когда им удавалось получить фонды в более или менее полном составе (как Тамбовской комиссии фонд Шацкой провинциальной канцелярии), они стремились сохранить их и неизменном виде.

На протяжении второй половины XIX века в отечественном архивоведении все большее признание завоевывал принцип публичности архивов. Старые казенные представления об архивах как «… складах оконченного канцелярского делопроизводства» были в значительной мере изжиты[1] и в этой связи большое значение приобретали вопросы организации использования архивных материалов. Так, например, с момента официального открытия исторического архива Тамбовская комиссия проводила работу со своими фондами в трех основных направлениях: ответы на запросы, поступавшие от учреждений и частных лиц; предоставление документов во временное пользование; организация работы с фондами в научно-исследовательских целях. Что касается первого направления, то сразу после открытия архива в комиссию поступил ряд запросов от заинтересованных лиц и учреждений. Таким образом, перед ней встала проблема, решение которой «Положение» 1884 года не предусматривало ни в какой форме: имеют ли ГУАК право на официальную выдачу справок и копий документов? Из полученного на запрос Тамбовской комиссии в адрес Археологического института ответа следовало, что это не превышает границ их компетенции. Положительное решение вопроса о реализации справочных функций архива ТУАК поставило ее членов в довольно затруднительное положение – отсутствие четкой системы научно-справочного аппарата превращало процесс поиска запрашиваемых документов в непосильную задачу. Однако комиссия считала своим долгом

[1] См.: **Автократов, Н. В.** Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении – начала XX в. /Н. В. Автократов //Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 9.

предпринимать все возможное в целях удовлетворения поступавших запросов. Содержание последних касалось, главным образом, вопросов землепользования и судопроизводства. Нередки были также просьбы о снятии копий с документов для внесения того или иного рода записей в дворянские родословные книги. С целью наведения исторических справок в архив обращались также губернские и уездные органы управления. К примеру, в 1912 году Лебедянская городская управа проявила интерес к дате и обстоятельствам основания г. Лебедяни.

Документальные материалы архива комиссии достаточно широко использовались в научных целях. Они служили источниковой базой для исследований не только членов ТУАК, но и ряда иногородних историков. Так, в 1891 году в архиве работал профессор Казанского университета И. Н. Смирнов, специалист по истории финно-угорских народов (работал также в архиве ПУАК). В 1910 году с фамильным архивом Сухтелен работал исследователь жизни и деятельности А. В. Суворова В. А. Алексеев[1]. В архиве СУАК работали Н. И. Костомаров и Д. Л. Мордовцев. Однако в большинстве случаев запросы иногородних исследователей удовлетворялись пересылкой копий интересующих их документов. Так, ТУАК высылала копии документов в адрес почетного члена Казанского общества археологии, истории и этнографии А. Н. Островского, профессора Киевского университета И. И. Рахманинова, члена Таврической комиссии и Одесского Общества истории и древностей начальника артиллерийского арсенала в Екатеринодаре И. И. Дмитренко и др. Материалы Тамбовского и Саратовского исторических архивов привлекали внимание иностранных исследователей. В марте 1914 года ТУАК получила отношение Академии наук, содержавшее просьбу о пересылке ряда документов фамильного архива Сухтелен. Они предназначались для представителя Вашингтонского института Карнеги Ф. Гольднера, командированного в Россию с целью подготовки научного обзора документов по истории США[2]. В 1909 году в архиве СУАК работал французский историк К. Риффотер, интересовавшийся крупным помещичьем землевладением 40-х годов XIX века[3].

[1] Алленова В. А., Мизис Ю. А. Указ. соч. С. 165.
[2] Там же.
[3] Захаров В. М., Захарова Т. А. Указ. соч. С. 73.

Подводя итог сказанному, следует признать, что темпы работы тамбовских архивистов по разбору и систематизации архивных дел в значительной степени отставали от подобной работы пензенцев и саратовцев. Хотя по комплектованию фондов безусловным лидером была ТУАК. Причины этого заключались как в объективных, так и в субъективных факторах. Для ТУАК к числу первых относится отсутствие необходимой материально-технической базы. Работа членов комиссии по разбору дел в период до предоставления ей собственного помещения и в последующие годы из-за необходимости его ремонта, была затруднена. Для всех ГУАК значительно осложняло проведение работ по систематизации документов отсутствие соответствующих инструкций, регламентирующих порядок организации архивов. Вследствие этого единообразие не соблюдалось не только при группировке дел губернских архивов в целом, но даже в пределах одного хранилища. К числу субъективных факторов относится недостаточная профессиональная квалификация большинства членов комиссий, их неподготовленность к проведению подобных работ, что сказывалось на объемах принимаемых на хранение дел и порядке их разбора. Хотя в этом отношении одной из самых передовых, благодаря усилиям А. А. Гераклитова, являлась Саратовская архивная комиссия. При общем количестве дел на 1915 год 219947 единиц в СУАК имелись «систематические» описи на 6386 и 14087 дел составлены «инвентарные указатели» – перечни номеров дел, принадлежащих одному учреждению[1].

Что касается «разбора старых дел», то, несмотря на приверженность провинциальных архивистов принципа о необходимости уничтожать как можно меньшее количество дел, им невольно приходилось уничтожать значительное количество дел и оставлять на хранение в своих архивах лишь определенный процент по присылаемым учреждениями описям. Причины этого крылись в целом ряде обстоятельств. Во-первых, в распоряжение ГУАК поступали уже выбракованные учреждениями документы, наиболее значительные из которых оставались в ведомственных архивах; во-вторых, большинство комиссий не обладало возможностями и средствами для непосредственного знакомства с документами и были вынуждены ограничиваться краткими заголовками канцелярских

[1] Бржостовская Н. В. Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов… С. 104.

описей; в-третьих, одной из главнейших причин являлось отсутствие необходимых для хранения вновь прибывавших материалов площадей, вследствие чего количество отбираемых в исторические архивы документов находилось в прямой зависимости от размеров занимаемых комиссиями помещений. «Положение» 1884 года, обязывавшее ГУАК принимать в свои архивы все подлежащие постоянному хранению дела, ставило многих из них в отчаянную ситуацию. Не имея возможности оставлять у себя выделенные дела в полном объеме, комиссии обращались с соответствующей просьбой в ведомственные архивы, но получали в большинстве случаев ответ, что площадей не хватает для хранения даже текущих дел. Неупорядоченное положение архивных дел препятствовало их использованию в научных и справочных целях.

II. 3. Деятельность комиссий по описанию материалов исторических архивов.

Одной из своих первоочередных задач губернские ученые архивные комиссии считали работу по описанию материалов созданных ими исторических архивов. «Положение» 1884 года обязывало комиссии составлять «… делам надлежащие описи и указания»[1]. В то же время единых приемов составления описей не существовало. Как правило, ГУАК брали за образец описи Московского архива Министерства юстиции, которые базировались на правилах, разработанных Н.В. Калачовым в конце 1860-х годов[2]. Они предусматривали составление инвентарных описей, а затем на их основе и с привлечением документов разработку подробных систематических описей. Инвентарные описи должны были служить справочным целям и храниться в архиве, а систематические – удовлетворять запросы науки и в обязательном порядке публиковаться. Что касается собственно методики описания, то Н.В. Калачов предлагал распределять документы по отделам в соответствии с предметным и хронологическим принципами и включать в них цитаты из дел.

---

[1] Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. 1. С. 602.

[2] См.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб., 1869. Кн. 1. С. 1 – 6.

Рекомендованные Н.В. Калачовым приемы легли в основу описей, подготовленных председателем Костромской комиссии Н.Н. Селифонтовым[1], которые были рекомендованы Археологическим институтом для ГУАК в качестве образца.

Методика Н. Н. Селифонтова была рассмотрена и принята к руководству на заседании Тамбовской ученой архивной комиссии 19 марта 1892 года[2]. Однако следует отметить, что применявшаяся тамбовскими архивистами практика существенно отличалась от костромской. Это объяснялось, отчасти, объективными условиями (описание производилось не на основе упорядоченных и систематизированных фондов, а одновременно с разбором дел), отчасти субъективным фактором – недостаточной компетентностью некоторых членов ТУАК. Использовавшиеся комиссией приемы заключались в том, что из общей массы не разобранных дел сотрудники выбирали наиболее, на их взгляд, интересные и готовили описания к публикации в очередном выпуске «Известий». При этом они не заботились о систематизации дел не только по предметному или фондовому признакам, но даже по элементарному хронологическому. Об этом велась речь на заседании ТУАК 10 октября 1900 года: «До сего времени большая часть дел не только не описана, но и не разобрана, хотя бы по годам, поэтому они связаны в пачки и положены на полках, а большинство свалены на полу в кучи. Члены, занимающиеся описью и разбором дел, берут наудачу пачку дел, пересматривают ее, отбирают дела более интересные, составляют им подробную опись, а дела менее интересные снова кладут на прежнее место. Вследствие такого порядка, несмотря даже на усердные труды некоторых членов, у нас до сих пор описана сравнительно небольшая часть архивных дел, что же касается до дел неописанных, то не только ничего нельзя сказать о содержании их, но даже нет возможности с точностью определить их количество»[3]. В результате подобной практики появилась крайне неудобная и на редкость запутанная система описания, когда документы за один период или относящиеся к одному и тому же событию приходилось разыскивать по всем 43 описям. Справедливость требует признать,

[1] **Селифонтов, Н. Н.** Подробная опись 440 рукописей XVII, XVIII и начала XIX столетия Второго (Шевлягинского) собрания «Линевского архива» с приложением /Н. Н. Селифонтов. СПб., 1892.
[2] ИТУАК. Тамбов, 1892. Вып. 34. С. 2.
[3] ИТУАК. Тамбов, 1901. Вып. 44. С. 129.

что указанные недостатки в полной мере осознавали сами архивисты, неоднократно ставившие вопрос об их исправлении. Так, на заседании комиссии 21 февраля 1899 года обсуждался вопрос о переходе к составлению тематических (предметных) описей, в которых документы должны были группироваться по отделам: статистическому, родословному, земельному, криминальному и т.д. Было также высказано предложение об описании дел по группам в соответствии с разделами, подготовленной комиссией программы по изучению Тамбовского края. Хотя подобный порядок был признан более целесообразным, собрание постановило оставить в силе прежнюю систему ввиду трудоемкости работ по переизданию описей[1].

В последующие годы поиски наиболее целесообразных способов описания были продолжены. Этой проблеме уделял особое внимание А. И. Самоцветов, разработавший в 1902 году специальную инструкцию о приеме, хранении и описании дел в историческом архиве Тамбовской комиссии[2]. Согласно инструкции члены комиссии, желавшие составлять описи, должны были получить устное или письменное разрешение председателя. В соответствии с научной ценностью предназначенные для описания материалы подразделялись на две группы. Документы первой подлежали подробному рассмотрению и описанию; делам второй составлялась общая опись на основе предметного и хронологического принципов.

Инструкция предписывала обращать внимание на причины возникновения документа, время его создания, изложенные в нем обстоятельства и сохранять в описании наиболее важных дел дословную орфографию. Готовые описи должны были заслушиваться на общих собраниях, полномочных определять дела, предназначенные к вечному или временному хранению, либо к уничтожению. Составление главной описи находилось в компетенции заведующего архивом, который обязан был хранить ее постоянно в помещении архива. Инструкция предписывала составлять по мере внесения в нее документов первой группы указатели; хронологический, географический, именной. Она была одобрена и принята к руководству членами комиссии на собрании 8 ноября 1902

[1] ИТУАК. Тамбов, 1901. Вып. 44. С. 5.
[2] ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 45. Л. 1 – 4.

года[1]. Тогда же председатель ТУАК А.Н. Норцов предложил поставить перед Археологическим институтом вопрос о разработке общих для всех ГУАК правил, содержащих единообразные приемы описания архивных дел.

До А.А. Гераклитова, ставшего хранителем исторического архива Саратовской ученой архивной комиссии в 1909 году, наблюдалось такое же положение дел. Он провел коренную реконструкцию порядка хранения архивных документов. Если раньше дела хранились бессистемно и лишь на карточки заносились названия дел, то по инициативе А. А. Гераклитова они распределялись по сериям в зависимости от рода учреждения, внутри серии шла порядковая нумерация, под этими номерами дела заносились в описи. При этом дела одного и того же учреждения, поступившие в разное время, оказывались под разрозненными валовыми номерами. Например, дела губернского правления входили в серию «Губернские», городских магистратов и управ – в серию «Городские», дела мировых посредников – в серию «Посреднические» и т.п. Всех серий было 11[2].

Как правило, на заседаниях ГУАК обсуждались также вопросы о том, какие документы следует описывать подробно, а какие в общих чертах. Так, в Тамбове к первой категории были отнесены книги явочных челобитных, текст которых рекомендовалось помещать целиком либо в подробном пересказе, отказные и писцовые книги, грамоты. Затруднения вызвало решение вопроса об описании дел бытового характера с упоминанием скандальных подробностей, касающихся отдельных представителей тамбовского дворянства и духовенства, и соответственно определение критериев не подлежащих оглашению фактов. Некоторые архивисты высказали небесспорное утверждение, что подобные дела не могут представлять ценности для науки. С тем, чтобы не компрометировать потомков упоминающихся в документах родов, было предложено изъять эти дела из состава архива. Однако комиссия проявила здравомыслие и пришла к выводу: «… подобные дела ярко рисуют нравы прежнего времени, свидетельствуют о степени развития и быте населения, совершенно изъять их нельзя, но можно печатать фамилии под инициалами»[3]. Аналогичный подход к описанию дел такой категории

[1] ИТУАК. Тамбов, 1904. Вып. 48. С. 12.

[2] Бржостовская Н. В. Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов… С. 104.

[3] ИТУАК. Тамбов, 1901. Вып. 44. С. 7.

был характерен и для других ГУАК. Так, Саратовская комиссия, рассмотрев в 1890 году подобный вопрос, решила, что по «… нравственным побуждениям» упоминание в подобном контексте еще здравствующих лиц является неуместным и следует обозначать их имена звездочками[1].

Непосредственно описанием исторического архива ТУАК занимался определенный, достаточно узкий круг ее сотрудников. В него в разное время входили Г. И. Пискарев, М. Г. Розанов, П. А. Дьяконов, И. В. Знаменский, И. В. Староградский, А. А. Курбатов, А. И. Самоцветов, М. Г. Попов, С. К. Платонова. Выбор дел для описания и фрагментов для цитирования, равно как и степень подробности изложения содержания, целиком отдавалось на усмотрение составителей описей. К ним предъявлялось лишь одно требование: «… уменье сжато и выразительно сгруппировать важнейшие черты документа, а также извлекать из него интересные цитаты»[2]. По свидетельству А. А. Щеголева, главная цель, преследовавшаяся тамбовскими архивистами, заключалась в том, чтобы избежать какой-либо тенденциозности в подборе фактов и их освещении[3]. Готовые описи, по установленному порядку, просматривались председателем, а затем с ними знакомилось общее собрание комиссии. После этого они публиковались в очередном выпуске «Известий».

В СУАК этой работой занимались А. Н. Минх, А. А. Соколов и С. С. Краснодубровский. Однако наибольший вклад в составление описей архива все же внес А. А. Гераклитов, достаточно сказать, что он опубликовал уникальную «Краткую опись «Калачовского» фонда исторического архива Саратовской архивной комиссии»[4].

Основное внимание ТУАК сосредоточила на описании наиболее древнего Шацкого фонда, поэтому с первого по двадцать седьмой выпуск описания помещались под заголовком «Опись Шацкого архива». Затем они печатались под рубрикой «Опись делам, поступившим в Тамбовский исторический архив». Следует отметить, что в описании отсутствовала группировка по фондовому либо какому-то иному принципу, что является показателем недооценки тамбовскими архивистами важности принципа систематизации

[1] Труды СУАК. Саратов, 1890. Т. 3. Вып.1. С. 15.
[2] ИТУАК. Тамбов, 1893. Вып. 38. С. 19.
[3] ГАТО. Ф. 178. Оп. 143. Д. 240. Л. 142.
[4] Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 27. С. 5 – 27.

материалов. В своей практике ТУАК использовала два типа описей: краткие инвентарные (впоследствии они применялись только для внутреннего пользования – при учете или наведении справок) и научные систематические. Первоначально комиссия публиковала краткие описи инвентарного типа. Однако с 1886 года П. И. Пискарев и М. Г. Розанов приступили к составлению более подробных аннотаций. Используемая ими схема заключалась в следующем: после обозначения предмета дела, места действия и главных участников событий давалась аннотация документа с цитированием важных для понимания его сути фрагментов. Документы, представлявшие с точки зрения составителей описей наибольший интерес приводились целиком. К описям составлялись указатели, которые имели следующую структуру: I. Указатель предметный по алфавиту; II. Указатель личных имен. В нем указывалось и социальное положение человека, например, Алексей, священник Спасский; Бутурлин, Саранский наместник и.т.п.; III. Географический указатель. В качестве приложения были представлены «… канцелярские архаизмы в речениях и синтаксическом построении речи»[1].

В период с 1902 по 1906 год описи в «Известиях» не публиковались, что было связано с болезнью и последовавшей за ней смертью П. И. Пискарева, игравшего ведущую роль в описании архива ТУАК. Что касается качества публиковавшихся комиссией описей, то оно было далеко неравнозначным. Если описи П. И. Пискарева, П. А. Дьяконова и М. Г. Попова отличались сравнительно приемлемым научным уровнем, то описания С. К. Платоновой и М. Г. Розанова явно неудовлетворительны и страдают многочисленными погрешностями[2].

---

[1] **Розанов, М. Г.** Указатель к описи Тамбовского исторического архива /М. Г. Розанов Тамбов, 1890. Ч. 2; **Он же**. Указатель к описи Тамбовского исторического архива. Составил правитель дел Тамбовской ученой архивной комиссии П.А. Дьяконов //Приложение к Известиям комиссии. Тамбов, 1899. Ч. 2. С. 18.

[2] См., например. **Розанов, М. Г.** Опись перепискам по столам Губернского правления с 1864 по 1870 год включительно, предназначенным к уничтожению /М. Г. Розанов //ИТУАК. Тамбов, 1885. Вып. 2; **Он же.** Опись архивных дел Кирсановского уездного полицейского управления с 1846 по 1864 г., назначенных к уничтожению //Там же; Он же. Выписки из каталога Московского главного архива Министерства иностранных дел приказным делам //ИТУАК. Тамбов, 1885. Вып. 4; **Он же.** Книга явочных челобитных 1692 г. //ИТУАК. Тамбов, 1890. Вып. 28; **Платонова, С. К.** Окружная грамота государя царя Михаила Федоровича в Пермь воеводе Богдану Камынину о повсеместном сборе на устроение по Крымской Украине новых городов и острогов /С. К. Платонова // ИТУАК. Тамбов, 1902. Вып. 46.

На страницах «Трудов Пензенской ученой архивной комиссии» также печатались различные документы, выдержки из них, описи архивных дел. В «Описи делам исторического архива Пензенской ученой архивной комиссии», составленной А. Л. Хвощевым, были систематизированы дела второй половины XVI – XVII веков[1], Г. П. Петерсон проделал огромную работу по составлению «Описания делам и документам Саранского полицейского управления (1717 – 1794)»[2].

В Третьей книге «Трудов ПУАК» В. Х. Хохряковым была подготовлена подборка документальных материалов из дел архива Пензенской городской думы с 1786 по 1820 годы. Причем и здесь качество описей не было равнозначным. Наиболее соответствовала описям архива работа А. Л. Хвощева. Труды же Г. П. Петерсона и В. Х. Хохорякова больше напоминают краеведческие публикации, чем опись в современном нашем понимании[3].

В заключение отметим, что описание материалов губернских исторических архивов было сопряжено с определенными трудностями и в силу этого далеко не все ГУАК смогли достичь в этой области значительных результатов. К 1915 году лишь две комиссии в России смогли составить полное описание своих архивов – Тверская и Пензенская. Причем ПУАК это удалось сделать из-за относительной малочисленности фондов архива. Плодотворной деятельности комиссий по составлению научных описей препятствовали, во-первых, недостаточная подготовка их членов к выполнению столь трудоемких и требующих высокой квалификации работ, во-вторых, недостаточность средств и, в-третьих, отсутствие архивоведческой теории и методики описания дел, что приводило к существованию одновременно самых разных форм и типов описаний. Практиковавшаяся ГУАК система подробного описания приводила к тому, что разница между описанием и публикацией дела фактически

---

[1] Труды ПУАК. Пенза, 1905. Кн. 3. С. 161 – 178.

[2] Труды ПУАК. Пенза, 1904. Кн. 2; 1905. Кн. 3.

[3] См., например. **Петерсон Г. П.** К вопросу о разборке местных архивов /Г. П. Петерсон //Пензенские губернские ведомости. 1892. № 19; **Он же.** Описание делам и документам Саранского полицейского управления 1794. //Труды ПУАК. Пенза, 1905. Кн. 3; **Он же.** Саранские правительственные учреждения в начале XIX в. (По архивным документам) //Сборник Пензенского губернского статистического комитета. Пенза, 1899. Вып. 4; **Хохряков, В. Х.** Материал для истории города Пензы /В. Х. Хохряков //Труды ПУАК. Пенза, 1903, 1904, 1905. Вып. 1 – 3.

исчезала. Подобная практика не выдерживает критики с точки зрения современных научных требований и даже в то время определялась как неудовлетворительная. Так, Археографическая комиссия, указывала, что «… само описание дел не должно бы было переходить в издание сплошных текстов и частичное исследование», и деятельность ГУАК должна заключаться в кратком, но точном описании исторических памятников[1].

Результативность ГУАК по описанию архивов в различные периоды их истории была неодинакова и находилась в прямой зависимости от численности и степени компетентности лиц, привлекавшихся к данному виду деятельности и количеству единиц хранения в архиве. Так, в ТУАК первоначально количество описываемых дел составляло в среднем четыреста единиц хранения в год. Со второй половины 1890-х годов в связи резким спадом активности работы комиссии темпы описания значительно снизились. С 1898 по 1901 год составление описей всецело лежало на одном лишь П. И. Пискареве. Со смертью этого поистине энтузиаста-подвижника комиссия была поставлена перед фактом отсутствия желающих заняться этим сложным трудом. По предложению Ф. С. Соколова и М. Г. Попова, с 1904 года комиссия ввела практику вознаграждения за составление описей (15 рублей за печатный лист описания дел XVII – XVIII вв., 10 рублей – XIX в.), однако эта мера не привела к радикальному улучшению положения. Таким образом, справедливо будет заключить, что второй период деятельности ТУАК в плане описания документов архива был менее плодотворным, чем в период председательства И. И. Дубасова.

Принципиально изменилась деятельность исторического архива СУАК с приходом в него в качестве хранителя А. А. Гераклитова. Саратовская комиссия в деле описания материалов архива становиться одной из лучших в России. Однако полностью составить опись историческому архиву, из трех исследованных нами комиссий, удалось лишь Пензенской.

[1] РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 240. Л. 142.

II. 4. Археографическая деятельность архивных комиссий.

В России археографические работы началась на рубеже XVIII – XIX столетий, когда К. М. Бороздиным и А. И. Ермолаевым, затем Н. М. Строевым и К. Ф. Калайдовичем были совершены первые «учено-археографические путешествия». В ходе поездок выяснялся не только недостаток местных просвещенных сил для изучения рассеянных в провинции рукописных сокровищ, но и недостаток средств для физического сохранения этих сокровищ[1].

Тяжелое положение с сохранностью документальных памятников в провинции, ярко проявившееся в ходе археографических экспедиций, породило принципиальную установку Н. М. Строева на изъятие из монастырских и других местных хранилищ документов и концентрацию их в Москве и Петербурге. По его мнению, в центральных хранилищах можно было спасти ценнейшие документы от гибели, т.к. в провинции не хватало сил и средств для их сохранения и не было самого осознания их ценности. Подобное представление явилось толчком к проведению археографических экспедиций отдельными учеными, столичными научными обществами, Археографической комиссией, которая иногда официально выписывала из местных учреждений старинные документы и оставляла их в своем собрании. К этой же мысли пришел и Н. В. Калачов, совершивший в 1852 – 1853 годах археографические поездки по ряду губерний Европейской России (в том числе по Пензенской, Саратовской и Тамбовской)[2].

Открытие ГУАК стало существенным рубежом в развитии отечественной археографии. В результате отпала полностью надобность концентрировать документальные памятники провинции в центральных архивохранилищах. Произошла окончательная децентрализация хранения и изучения документов местной истории. В этих условиях новые археографические экспедиции из научных центров уже не ставили задачи изъятия памятников письменности из местных хранилищ, а ограничивались экспертной помощью местным исследователям, описывали и издавали рукописи этих хранилищ. К

---

[1] **Прийма, Ф. Я.** «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. /Ф. Я. Прийма. Л., 1980. С. 75 – 77; **Козлов, В. П.** Колумбы российских древностей /В. П. Козлов. М., 1981. Гл. 2.

[2] **Маяковский, И. Л.** Очерки по истории архивного дела в СССР /И. Л. Маяковский. М., 1960. С. 202.

началу XX века формируется принципиально новый метод сбора рукописей: археографы рукописного отдела Библиотеки Академии наук (В. И. Срезневский, Н. Е. Ончуков и др.) добираются до «низового» слоя владельцев и непосредственных создателей рукописей и «локализуют» документальные памятники, фиксируя их бытование[1].

Значение деятельности местных краеведов было оценено теми учеными центра, которые близко стояли к краеведческому движению, интересовались результатами исследователей местной истории и содействовали улучшению их научной подготовки. Как известно, к числу таких ученых относился Сергей Федорович Платонов[2]. В своей речи на съезде представителей местных ученых обществ в 1914 году он подчеркивал, что хранящиеся на местах и нередко не находящиеся ни в каком обращении материалы краевой истории имеют отнюдь не только частное значение, а «… чем дальше, тем больше получают в общенаучном обороте все большую и большую важность. Мы, историки, знаем, что среди запасов, которые нам дает архивный фонд центральных архивных организаций, нам нельзя бывает спуститься на надлежащую глубину изучения народной жизни, и надо идти на места и там искать материалы для того, чтобы понять как должно явления местной социальной или даже государственной жизни»[3]. В начале XX века наметилось сотрудничество ученых центра и местных исследователей по изучению и публикации документальных материалов.

Но более типичной представляется ориентация многих местных исследователей на археографическую культуру той или иной научной школы центра. На рубеже XIX – XX веков в России их сложилось две. Первая – базировалась на критическом подходе к источнику; вторая – на буквальном способе передачи текста. Выработанные впоследствии приверженцами первой культуры приемы легли в основу изданий Петербургской археографической комиссии, которой принадлежала ведущая роль в разработке методики публикаций в конце XIX – начале XX века. Разрабатывая эдиционные нормы в целом, Археографическая комиссия неоднократно публиковала

[1] Чирков С. В. Указ. соч. С. 12 – 26.

[2] Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии России…

[3] Труды Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. СПб.,1914. – С. 4.

правила, не имевшие общеобязательного характера и предназначенные для конкретных изданий и частных случаев[1].

В 1896 году при Московском археологическом обществе была создана ещё одна Археографическая комиссия, в задачи которой входило «… приведение в известность состава археографических и палеографических материалов архивов, библиотек и других учреждений этого рода как столичных, так и провинциальных, общественных и частных», а также разработка вопросов методики издания архивных документов[2]. Собственные правила публикации документов разрабатывались и крупнейшими отечественными архивами. Так, Московский архив Министерства юстиции издал в 1912 году «Правила для переписки и издания документов»[3], отразившие общий уровень методики публикации источников начала XX века и носившие отпечаток традиций Петербургской археографической комиссии[4].

Археографическая практика конца XIX – начала XX века неоднократно подвергалась критике со стороны современников. Как уже говорилось выше, с резкими, но во многом справедливыми упреками в ее адрес выступил на Тринадцатом археологическом съезде Д. Я. Самоквасов. «Все наши ученые учреждения, – заявил он, – от Академии наук и Археографических комиссий до губернских архивных комиссий, ... не имея в своей среде лиц, специально преданных археографическому делу и способных разбирать древние архивные материалы для издания, поручали выбор и печатание архивных материалов архивистам, ограничивая в нем свое участие уплатою вознаграждения за выборку, переписку и корректуру

---

[1] **Чирков, С. В.** Разработка правил издания исторических источников Археографической комиссией в XIX – начале XX в. /С. В. Чирков //Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986. С. 107 – 112.

[2] Древности //Труды Археографической комиссии императорского Московского археологического общества. М., 1898. Т. 1. С. 159.

[3] Извлечение из правил для переписки и издания документов //Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1913. Т. 1. Ч. 1. С. 1 – 6.

[4] См.: **Батаева, Т. В., Корнева, И. И., Селезнев, М. С.** и др. Разработка правил публикации исторических документов в дореволюционной и советской археографии /Т. В. Батаева, И. И.Корнева, М. С. Селезнев //Труды МГИАИ. М., 1972. Т. 29. С. 94.

издаваемых актов»[1]. Следствием этого стало, по мнению ученого, публикация всех архивных материалов без разбора.

Ученые архивные комиссии входили в число научных учреждений, занимавшихся преимущественно публикацией актового материала. Они начинали публиковать документы формирующихся исторических архивов с первых выпусков своих печатных органов. Причем в них выделялся для публикации документов специальный раздел. Так, с первого по двадцать пятый выпуск «Известий ТУАК» документы печатались в качестве приложений к протоколам заседаний комиссии. Дела Шацкого архива помещались также в приложениях, но уже к описи архива. С изменением структуры «Известий» в 1890 году для публикации источников был выделен специальный третий раздел под названием «Исторические материалы: копии рукописей, писем, жалованных грамот, писцовых и отказных выписей, указов и челобитных».

В «Трудах СУАК» документы публиковались в Отделе первом. В 1890 году Саратовская комиссия предприняла неудачную попытку публикации описей каждого архива отдельной книжкой[2]. В 30-ом выпуске «Трудов» документы помещались в «Архивно-историческом отделе», в последующих выпусках они уже печатались вне всякой системы.

В «Трудах ПУАК» для публикации архивных документов был выделен третий раздел – «Материалы для истории местного края».

В выборе объекта публикаций ГУАК руководствовались, прежде всего, значимостью документа в качестве исторического источника по истории своего края. Так, у ТУАК приоритетное место в общем объеме документальных публикаций принадлежало источникам по истории церкви. В опубликованных ею материалах (царских и патриарших грамотах, челобитных, жалованных грамотах, выписях из межевых, отводных, писцовых и строельных книг, росписных списках монастырских вотчин и т.д.) нашли отражение вопросы основания в крае монастырей, закрепления за ними земельных угодий и их последующего роста, проблемы земельных споров и имущественных отношений между причтами и крестьянами. Особое

---

[1] **Самоквасов, Д. Я.** Современное состояние научной разработки древних архивных материалов /Д. Я. Самоквасов //Труды Тринадцатого Археологического съезда в Екатеринославле. 1905 г. М., 1908. Т. II. С. 158.

[2] Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии… С. 60.

внимание уделялось вопросам распространения христианства среди местного языческого населения.

Второе место по объему в составе публикаций комиссии занимают материалы по истории заселения края. Это многочисленные подборки документов, относящиеся к обстоятельствам основания Тамбова, Козлова, Доброго, Нижнего Ломова и других городов, заключающие в себе самые разнообразные сведения по их первоначальной истории. Большое значение комиссия придавала публикации документов, освещающих организацию обороны края в XVII – XVIII веках. Подавляющая их часть относится к истории строительства укрепленных линий – Тамбовской черты и Козловских укреплений Белгородской черты.

Следующую группу изданных ТУАК источников составляют материалы по социально-экономической истории. Большое число публикаций посвящено истории помещичьего землевладения, среди них царские грамоты XVI – XVIII веков о пожаловании темниковского, шацкого и тамбовского дворянства поместьями, выписи из писцовых, переписных, межевых и отказных книг на вотчины, купчие и духовные завещания. Значительная доля среди подобных материалов принадлежит документам об инородческом землевладении – это челобитные темниковских служилых татар о пожаловании поместий, владенные выписи темниковским и кадомским мурзам, царские грамоты о пожаловании вотчинами темниковских кннзей.

ТУАК опубликовала значительное количество документов о крестьянских движениях в их числе царские грамоты, отписки воевод и другие материалы, относящиеся к событиям на территории края времен крестьянских войн под предводительством С. Т. Разина и Е. И. Пугачева; документы об отдельных крестьянских выступлениях на территории края.

Во второй период своего существования ТУАК приступила к публикации материалов генеалогического характера. Наиболее значительная подборка генеалогических документов содержится в работе А. Н. Норцова по истории Тамбовского, Саратовского и Пензенского дворянства[1]. В приложениях к родословным росписям автор поместил многочисленные материалы из московских архивов,

[1] **Норцов, А. Н.** Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства /А. Н. Норцов //ИТУАК. Тамбов, 1903. Вып. 47. Т. 1.

хранилищ Тамбовской, Саратовской, Пензенской губерний и частных архивов.

К числу наиболее фундаментальных, но, к сожалению, не осуществленных планов в археографической области относится задуманная комиссией публикация фамильных архивов Сухтелен, Ламберт и Канкриных.

Несомненной заслугой комиссии является то, что она практиковала издание документов не только на страницах своего печатного органа, но и в виде отдельных сборников. Первым из них стало вышедшее в 1884 году собрание источников по истории края XVII века из фондов Московского архива Министерства юстиции, подготовленное московским членом комиссии И. Н. Николевым[1]. Спустя два года И. Ф. Токмаков издал еще один сборник документов по истории Тамбовской губернии из фондов другого центрального архивохранилища – Московского Главного архива Министерства иностранных дел[2]. Вскоре отдельными изданиями вышли подготовленные к печати П. И. Пискаревым материалы XVII века из архивов упраздненных судебных мест и других учреждений по истории Мамонтовой пустыни[3] и писцовая книга XVII века сел Верхоценской волости Тамбовского уезда[4]. В 1890 году московскими членами ТУАК В. И. и Г. И. Холмогоровыми была опубликована Темниковская десятина[5], освещавшая историю сел и церквей уезда в XVII – XVIII веках. Специальной юбилейной подборкой материалов комиссия ознаменовала столетие Отечественной войны 1812 года. В издание под названием «Тамбовская губерния в 1812 – 1813 гг.»[6] вошло около двухсот документов из архивов губернского правления,

---

[1] **Николаев, И. Н.** Материалы, относящиеся к истории Тамбовского края по документам Московского архива Министерства юстиции /И. Н. Николаев. Тамбов, 1884. Вып. 1.

[2] **Токмаков, И. Ф.** Сборник материалов для истории и археологии по Тамбовской губернии по документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел /И. Ф. Токмаков. Тамбов, 1886.

[3] **Пискарев, П. И.** Мамонтова пустынь Тамбовской губернии /П. И. Пискарев. Тамбов, 1887.

[4] **Он же.** Писцовая книга новых сел Верхоценской волости Тамбовского уезда. Тамбов, 1888.

[5] **Холмогоровы, В. и Г.** Материалы для истории, статистики и археологии города Темникова и его уезда XVII – XVIII столетий (Темниковская десятина) /В. и Г. Холмогоровы. Тамбов, 1890.

[6] Тамбовская губерния в 1812 – 1813 гг. //ИТУАК. Тамбов, 1915. Вып. 56. Ч. 1.

дворянского депутатского собрания, семейных собраний А. Н. Норцова и К. А. Военского на русском, польском и французском языках.

Посвятив страницы своего печатного органа публикации преимущественно актового материала, комиссия напечатала также два источника повествовательного характера: «Древний Тамбовский летописец»[1] и «Бытность архиереев Тамбовских»[2]. Первый из них, освещающий историю г. Тамбова с момента основания по 1708 год был подготовлен к изданию Н. И. Орловым, снабдившим его обширными примечаниями. «Бытность архиереев Тамбовских», представлявшая собой главу рукописной книги 1797 года, была издана М. П. Григоровским, сопроводившим ее комментариями и текстуальными примечаниями.

СУАК на первое место по объему публикаций выдвигала материалы по истории заселения края. К ним относятся многочисленные подборки документов по начальной истории Саратова, Аткарска, Петровска и других городов. Большое значение комиссия придавала публикации документов, освещающих колонизацию края русским и немецким населением в XVI – XVIII веках, а также переселению туда украинцев. В этой связи особое место занимает работа А. А. Голомбиевского «Материалы для истории колонизации Саратовской губернии», где приводятся сведения по истории колонизации почти всех уездов Саратовской губернии, особенно северо-восточной её половины[3].

На второе место в СУАК выходят материалы, касающиеся истории церкви. В опубликованных ею материалах (царских и патриарших грамотах, челобитных, жалованных грамотах, выписях из межевых, отводных, писцовых книг, росписных списках монастырских вотчин и т.д.) нашли отражение вопросы основания в крае монастырей, закрепления за ними земельных угодий и их последующего роста.

---

[1] Древний Тамбовский летописец //ИТУАК. Тамбов, 1918. Вып. 58.

[2] Бытность архиереев Тамбовских //Журнал общего собрания г.г. членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1885. 8 марта (Вып. 3).

[3] **Голомбиевский, А. А.** Материалы для истории колонизации Саратовской губернии /А. А. Голомбиевский //Труды СУАК. Саратов, 1891. Т. 3. Вып. 2. С. 1 – 16.

Третью группу изданных СУАК источников составляют материалы по социально-экономической истории. Большое число публикаций посвящено истории помещичьего землевладения, среди них царские грамоты XVI – XVIII веков о пожаловании саратовского и аткарского дворянства поместьями, выписи из межевых и отказных книг на поместья, купчие и духовные завещания.

Значительную группу источников занимают материалы касающиеся истории народного образования в крае.

СУАК опубликовала большое количество документов о крестьянских движениях в их числе царские грамоты, отписки воевод и другие материалы, относящиеся к событиям на территории края времен крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева; документы об отдельных крестьянских выступлениях на территории края.

Саратовская комиссия также публиковала материалы генеалогического характера. Наиболее значительная подборка генеалогических документов содержится в работе А. О. Лебедева «Четыре грамоты, относящиеся к роду дворян Шахматовых»[1]. К числу наиболее фундаментальных, но, к сожалению, не до конца осуществленных планов в археографической области относится задуманная комиссией публикация «Саратовского исторического сборника», «Материалов по крепостному праву. Саратовская губерния», «Историко-географического словаря Саратовской губернии»[2]. О «Словаре» Д. Л. Мородовцев писал: «Подобные издания имеют право на признательность всей России. Если бы подобные труды исполнены были всеми нашими архивными комиссиями, то в области нашего отечествоведения внесены были бы неоцененные вклады»[3].

ПУАК на приоритетное место выдвигала публикацию документов по социально-экономической истории (челобитные, копии жалованных грамот, купчие, вольные и т.п.)

---

[1] **Лебедев, А. О.** Четыре грамоты, относящиеся к роду дворян Шахматовых /А. О. Лебедев //Труды СУАК. Саратов, 1893. Т. 4. Вып. 2.

[2] Саратовский исторический сборник. Саратов, 1891; Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния. Саратов, 1911; Историко-географический словарь Саратовской губернии. Саратов, 1896 – 1902. Вып. 1 – 4.

[3] Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии… С. 62.

Далее шли документы по истории Пензенского края – например, рукописи братьев Холмогоровых и В. Х. Хохрякова по колонизации Пензенского края русским населением; документы, относящиеся к закрытию губернии в 1797 году и ее восстановлению в 1801 году, документы по пензенским ополчениям 1812 и 1856 годов и т.д.

ПУАК также публиковала материалы по истории дворянских родов; дела, относящиеся к гражданской и военной службе и военным кампаниям; к предпринимательству в области торговли и промышленности; к функционированию местной власти; к налогообложению, кредитно-финансовым отношениям; судебные дела и сведения о стихийных бедствиях и несчастных случаях.

Однако фундаментальных работ, которые были осуществлены тамбовскими и саратовскими архивистами, ПУАК так и не было создано. В этом она значительно отставала от своих соседей.

Анализируя археографические приемы, применявшиеся ГУАК, приходится констатировать отсутствие какого-либо, даже относительного их единообразия. Вследствие не разработанности методики подготовки и издания источников большинство провинциальных архивистов, опирались в своей археографической деятельности на определенные, устоявшиеся эдиционные нормы или руководствовались опытом собственной практики. В силу этого значительный разнобой наблюдался и в области текстологических приемов. Как уже говорилось выше, одни являлись сторонниками научно-критического метода публикации текста источников, другие – буквального. Так, в ТУАК П. И. Пискарев, П. В. Аносов и Н. И. Орлов, в СУАК – А. Н. Минх, в ПУАК – В. Х. Хохоряков проявляли явное стремление к точной передаче текста, сохранению синтаксических и лексических особенностей источников, но с применением правил современной пунктуации и орфографии (исправление орфографии подлинника заключалось в устранении титл, раздельном написании союзов, замене вышедших из употребления букв, расстановке «ятей»). Высоким научным уровнем отличались публикации, подготовленные членом ТУАК П. Н. Черменским. На страницах «Известий ТУАК» он опубликовал Лицевой Синодик Свято-Троицкого монастыря. Историк описал внешний вид памятника, проанализировал его палеографические особенности, поместил легенду и его характеристику как исторического источника. На основе палеографического анализа Синодика П. Н. Черменский установил время его написания – вторая

половина XVII в. При передаче текста он старался придерживаться орфографии и пунктуации подлинника, допуская отступления в таких случаях, как замена вышедших из употребления букв (омеги, больших и малых юсов), раздельное написание предлогов и союзов, раскрытие титл, употребление прописных букв для личных имен, вставки буквы «ъ» перед гласной в середине слова. Подобного стиля в СУАК придерживался А.А. Голомбиевский, что нашло отражение в его работах «Материалы для истории колонизации Саратовской губернии», «Росписной список г. Петровска 1751 г.» и др.

Однако не всегда издания источников сопровождались необходимым научно-справочным аппаратом. Из членов Тамбовской, Саратовской и Пензенской комиссий, стремившихся к научному оформлению своих публикаций, следует отметить П. И. Пискарева, давшего в, ряде случаев подробное палеографическое описание источников, А. А. Голомбиевского, А. В. Сминова, Г. П. Петерсона оснащавших их предисловиями с внешней критикой источников и контрольно-справочными сведениями и М. П. Григоровского, использовавшего элементы научно-справочного аппарата.

Таким образом, уровень публикаций ГУАК во многом отражал субъективные представления тех или иных её сотрудников о способах подготовки источников к печати и передачи их текста. Следствием недостаточной компетентности провинциальных историков явилось то, что многие из публиковавшихся на страницах их изданий документальные материалы не сопровождались даже заголовками и датами.

Из трех возможных способов воспроизведения текста – факсимильного, дипломатического (передачи текста типографским способом с максимальным приближением к оригиналу) и научно-критического (предоставление текста в наиболее пригодном для использования виде) тамбовские, саратовские и пензенские архивисты в подавляющем большинстве случаев использовали последний.

Из трех комиссий Тамбовская принадлежала к числу ГУАК, наиболее плодотворно работавших в области архивного дела. Ей удалось создать исторический архив, насчитывавший в своем составе более ста тысяч единиц хранения. Документы раннего происхождения (XVI – XVII вв.) частично являлись копиями, оригинальные источники относились к более позднему времени (XVIII – XIX вв.). В основу исторического архива комиссии был

положен фонд Шацкой провинциальной канцелярии, а в дальнейшем его формирование происходило путем выбора из различных категорий архивов (правительственных учреждений, частновладельческих, церковно-монастырских) наиболее важных в историческом отношении документов. Подобный способ комплектования не подлежит однозначной оценке. С одной стороны, он обрекал комиссию на коллекционный подход к организации собраний документов. Его следствием явилось невольное разрушение исторически сложившихся фондов и создание коллекций из разнородных материалов. С другой стороны, альтернативы подобному методу не существовало, т.к. комиссиям предлагалось выбирать документы из числа дел, предназначенных учреждениями к уничтожению. Требовать к себе на хранение фонды в целом виде ГУАК были неправомочны. В то же время, извлекая из недоступных для исследователей архивов материалы и включая их в состав публичных архивохранилищ, комиссии способствовали сохранению и введению в научный оборот значительного комплекса исторических источников.

ГЛАВА III. ИЗУЧЕНИЕ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ ГУБЕРНСКИМИ УЧЕНЫМИ АРХИВНЫМИ КОМИССИЯМИ

III. 1. Археологические исследования Тамбовской, Саратовской и Пензенской губерний учеными архивными комиссиями.

На рубеже XIX – XX веков инициатива археологических исследований на местах от губернских статистических комитетов постепенно переходит к губернским ученым архивным комиссиям. В силу того, что последние не ограничивали свою деятельность лишь сбором и изучением письменных источников, но активно включали в круг своих исследований вещественные памятники. Подобный подход к пониманию учеными архивными комиссиями своих задач был обусловлен предписанием Комитета министров от 1884 года об изучении ГУАК «различных памятников старины» и логически вытекал из того содержания, которое вкладывалось в XIX веке в понятие «археология». В силу расширительной трактовки её предмета, включавшего изучение различных видов исторических источников, как документальных, так и вещественных, ученые архивные комиссии в какой-то степени были обречены на комплексное сочетание в своей деятельности функций историко-архивного и историко-археологического обществ. ГУАК, будучи, зачастую, единственными в регионах историческими обществами, в полной мере осознавали свою ответственность за сохранность всех категорий памятников. Выдающийся русский археолог А. А. Спицын совершенно верно предвидел основное направление развития археологической науки в России: «На западе первенствующую роль в археологии завоевали местные археологи; тоже неизбежно будет и у нас – когда провинциальные деятели дерзнут на специальные научные работы»[1].

Направления археологических исследований ГУАК практически остались теми же как и у губернских статистических комитетов. Условно мы выделяем следующие: 1. Проведение археологических раскопок; 2. Осуществление археологических разведок («экскурсий»); 3. Составление археологических карт губерний; 4.

[1] **Спицын, А. А.** Саратовские древности /А. А. Спицын //Труды СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29. Прилож. 1 – 7. С. 1 – 2.

Публикация результатов археологических исследований; 5. Участие во всероссийских и областных археологических съездах; 6. Создание археологических музеев; 7. Охрана памятников археологии; 8. Педагогическая археология (чтение лекций по археологии края, привлечение к полевым работам учащихся училищ и местного населения).

В археологической работе Тамбовской губернской ученой архивной комиссии, как и в остальных направлениях ее деятельности, прослеживаются два этапа, содержание которых во многом было обусловлено взглядами двух председателей – И. И. Дубасова и А. Н. Норцова. В первый период своего существования комиссия, не имевшая необходимого опыта в проведении раскопок, а также средств для их организации, пыталась найти выход из положения путем привлечения к археологическим исследованиям местных любителей старины. 7 мая 1885 года И. И. Дубасов обратился от лица ТУАК «ко всем образованным и любящим свою родину» жителям с просьбой о проведении в пределах губернии археологических раскопок[1]. Подобное недопустимое с современной точки зрения предложение стало результатом несколько наивных представлений председателя об археологии как науке. Он, как и многие провинциальные историки, считал её такой отраслью знаний, которая более других доступна «… не одним ученым по профессии и образованным людям, но и людям простым, не ученым, но сочувствующим науке»[2]. В этой связи И. И. Дубасов неоднократно призывал своих сотрудников привлекать в качестве собирателей как можно большее количество людей. Эти действия имели неоднозначные результаты: с одной стороны, это обусловило значительный приток находок в комиссию, с другой – не могло не привести к уничтожению археологических объектов, вследствие проведения неквалифицированных раскопок. Во избежание негативных последствий комиссия предпринимала просветительные меры, направленные на предупреждение гибели случайно обнаруженных местными жителями древних предметов. С этой целью публиковались обращения к сельским жителям с разъяснением значения подобных находок и предложением доставлять их за определенное вознаграждение в комиссию.

---

[1] Журнал общего собрания г.г. членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1885. 7 мая. (Вып. 4.). С. 3.

[2] ИТУАК. Тамбов, 1887. Вып. 13. С. 2.

В отличие от первого председателя А. Н. Норцов делал ставку в развитии археологической деятельности ТУАК на её собственные силы. По его инициативе акцент в работе комиссии переносился с археологических разведок к собственно раскопкам памятников. С этой целью он подготовил специальную программу археологического исследования края, однако впоследствии по причинам объективного характера его планы подверглись существенной корректировке.

Сознавая недостаточность своих знаний в области археологии, члены ТУАК, как, впрочем, и других архивных комиссий, стремились восполнить отсутствие специальной подготовки. Между тем возможности подготовки кадров археологов в провинции на рубеже XIX – XX веков были ограничены. Повышение квалификации в данной области на местах сводилось к следующим основным способам. Во-первых, использовались немногочисленные пособия по методике и технике археологических раскопок, выполнявшие роль инструкций. К их числу относилось пособие В. Б. Антоновича, Л. К. Ивановского и Д. Я. Самоквасова[1]. В начале XX века были изданы новое пособие А. А. Спицына и утвержденная Четырнадцатым археологическим съездом переработанная инструкция Д. Я. Самоквасова и А. В. Селиванова[2]. Наиболее популярной и используемой из перечисленных пособий на протяжении длительного времени оставалась брошюра Д. Я. Самоквасова, неоднократно перепечатывавшаяся ГУАК. Другим зарекомендовавшим себя способом являлось привлечение археологов-профессионалов с целью курирования раскопок, производившихся на местах. Так, по предложению И. И. Дубасова общее собрание Тамбовской комиссии постановлением от 9 сентября 1893 года решило избрать членом ТУАК опытного археолога, сотрудника Рязанской комиссии А. И. Черепнина. Предполагалось, что в дальнейшем он примет на себя обязанности куратора ТУАК в области археологических исследований. В мае 1899 года он был приглашен в Тамбов для обучения местных историков способам раскопок курганов. Однако

---

[1] **Антонович, В. Б., Ивановский, Л. К., Самоквасов, Д. Я.** Инструкция для описания городищ, курганов, пещер и для производства раскопок, курганов /В. Б. Антонович, Л. К. Ивановский, Д. Я. Самоквасов //Труды Третьего археологического съезда в Киеве. Киев, 1878. Т. 1. С. 69 – 72.

[2] **Спицын, А. А.** Производство археологических раскопок. СПб., 1910; Труды Четырнадцатого археологического съезда в Чернигове /А. А. Спицын. М., 1911. Т. III. С. 91 – 110.

возлагавшиеся на него комиссией надежды оказались напрасными – чрезмерная занятость не позволила рязанскому археологу оправдать ожидания тамбовских коллег.

Определенную роль в подготовке местных кадров играли провинциальные археологические курсы, к участию в которых привлекались специалисты из крупнейших университетских центров. Так, большим успехом пользовались курсы, организованные в 1904 году в г. Твери. На них были приглашены видные ученые из Петербурга и Москвы (профессора С. Ф. Платонов, Н. В. Покровский, академик А. И. Соболевский и другие)[1]. По свидетельству директора Археологического института Н. В. Покровского, успех курсов был блестящим: «Переполненные аудитории, всеобщее оживление, разнообразие слушателей по возрастам, званиям и состояниям – все это давало основания думать, что курсы... идут навстречу живой потребности знания»[2]. Воодушевленная этим опытом, Тамбовская комиссия планировала использовать его для организации археологических курсов в родном городе, однако реализации задуманного воспрепятствовали революционные события 1905 – 1907 годов. Таким образом, несмотря на очевидное стремление тамбовских историков к овладению теоретическими навыками археологических исследований, большинство предпринятых ими для этого шагов в силу различных причин остались на уровне письменных постановлений.

В целом деятельность ТУАК по изучению края в археологическом отношении сводилась к трем основным направлениям: выявлению археологических объектов путем разведок, посильному участию в проведении раскопок и обобщению сведений о существующих памятниках в виде археологических карт. Начало первому направлению положил И. И. Дубасов. Еще до образования комиссии он побывал в 1879 году на Ширингушском городище в Спасском уезде (ныне Зубово-Полянский район Республики Мордовия), обследовал его и поместил описание памятника в своей книге «Очерки из истории Тамбовского края». Ему удалось приобрести у крестьян некоторые из древних предметов, обнаруженных на городище (впоследствии они были переданы в музей ТУАК).

---

[1] См.: Отчет о деятельности Тверской губернской ученой архивной комиссии с 1903 по 1912 г. Тверь, 1915. С. 42.

[2] **Покровский, Н. В.** Губернские ученые архивные комиссии /Н. В. Покровский. СПб., 1908. С. 37.

Осознавая научную значимость этих находок, И. И. Дубасов считал необходимым пригласить для раскопок многочисленных неисследованных городищ северной части губернии видного русского археолога Д. Я. Самоквасова. Таким образом, уже в конце 1870-х годов будущий председатель ТУАК пришел к мысли о важности изучения городищ края. Его почин получил развитие в первые годы существования комиссии. Так, летом 1886 году М. Г. Розанов совершил поездку в один из древнейших городов губернии – Елатьму. Тогда же А. И. Сатин посетил другой старинный город губернии – Лебедянь, где познакомился с местными жителями, проявлявшими интерес к археологии, и получил от них ряд находок: старинные монеты, каменные изваяния, документальные материалы. Свои наблюдения над памятниками, главным образом церковной археологии, он обобщил в специальной статье[1]. Помимо чисто научных целей, М. Г. Розанов и А. И. Сатин использовали археологические разведки ещё и для популяризации деятельности ТУАК, в результате чего им удалось заручиться поддержкой местных жителей и настоятелей храмов содействовать работе архивной комиссии.

Одним из грандиозных проектов ТУАК была попытка найти местонахождение легендарной Онузы. Эта проблема живо интересовала И. И. Дубасова, посвятившего ей свой доклад на Восьмом археологическом съезде (1890)[2]. Русские летописи упоминали Онузу в связи с повествованием о разорении Рязанского княжества Батыем в 1237 году. По свидетельству летописца, Батый остановился по пути на Рязань станом на Онузе и послал оттуда своих послов к рязанскому князю Юрию Игоревичу. В связи с тем, что летописи не оговаривали местонахождение Онузы, историки выдвигали различные гипотезы и предположения на этот счет. Так, В. Н. Татищев и С. М. Соловьев полагали, что Онуза – это приток р. Суры, протекающий в Пензенской губернии[3]. Свое предположение С. М. Соловьев основывал на созвучии названий других притоков Суры

---

[1] **Сатин, А. И.** Из археологии г. Лебедяни /А. И. Сатин //ИТУАК. Тамбов, 1887. Вып. 13.

[2] **Дубасов, И. И.** Об Онозе на Воронеже /И. И. Дубасов //Труды Восьмого археологического съезда в Москве. М., 1890. Т. III.

[3] **Татищев, В. Н.** История российская с самых древнейших времен /В. Н. Татищев. М. – Л., 1964; **Соловьев, С. М.** Сочинения /С.М. Соловьев. М., 1993. Кн. 2. Т. 3. С. 160.

– Уза, Инза, Пенза – со словом Онуза. Его мнение разделял Д. И. Иловайский[1]. М. П. Погодин считал, что под Онузой подразумевается река и город Усмань[2]. Тамбовский краевед С. А. Березнеговский опровергал приведенные выше точки зрения. Он исходил из предположения, что Онуза не может быть рекой, т.к. в летописи сказано о взятии ее пленом. Отвергал он и версию о тождестве Онузы и Усмани, построенной позднее и находящейся слишком далеко от Рязани. Проследив по летописным источникам путь Батыя, С. А. Березнеговский пришел к выводу о том, что Онузу следует искать на реке Польный Воронеж между д. Сосновской и Усть-Затонцем в Козловском уезде. Согласно его гипотезе Онуза была мещерским городом, в котором Батый остановился на зимовку перед походом на Рязань, истребив предварительно его жителей[3]. И. И. Дубасов почти во всем разделял позицию С. А. Березнеговского. Он также считал Онузу мордовским или мещерским городом, располагавшимся на равнине в десяти верстах от Козлова при слиянии рек Польного и Лесного Воронежа. Для подтверждения этой гипотезы И. И. Дубасов считал необходимым произвести там раскопки, чтобы обнаружить развалины города и могильника. Однако их результаты оказались отрицательными – обнаружить следы стоянки и предания о поселении не удалось. При опросе населения выяснилось, что местные жители никогда не встречали здесь древних предметов или костных останков. Кстати сказать, эта проблема и по сей день остается спорной и до конца не решенной.

В целях выявления археологических памятников и последующего их изучения, картографирования и охраны ТУАК практиковала поуездное анкетирование. Первый опрос уездных властей был проведен в 1888 году по анкете, составленной Московским археологическим обществом[4]. В результате ТУАК собрала значительное количество сведений по Елатомскому, Козловскому, Моршанскому, Шацкому, Темниковскому, Тамбовскому и Спасскому

---

[1] **Иловайский, Д. И.** История Рязанского княжества /Д. И. Иловайский //Соч. М., 1884. Т. 1. С. 84.

[2] **Погодин, М. П.** Исследования, замечания и лекции /М. П. Погодин. М., 1850. С. 255.

[3] **Березнеговский, С. А.** Где находилась Онуза, в которой остановился станом Батый при походе на Рязанское княжество в 1237 году? /С. А. Березнеговский //ИТУАК. Тамбов, 1913. Вып. 55.

[4] ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 19 Л. 1.

уездам, за что получила в свой адрес благодарность от лица председателя общества Прасковьи Сергеевны Уваровой. В 1901 году комиссией было проведено повторное анкетирование.
На этот раз в перечень были включены вопросы этнографического характера о наличии в уездах старинных храмов, о древних обрядах и обычаях, особенностях местного быта.

Летом 1900 года А. Н. Норцов выступил с предложением о проведении ежегодных археологических разведок. В виде почина он совершил подобную поездку по Тамбовскому и Козловскому уездам для изучения сохранившихся частей сторожевой черты от с. Дмитровка до Кузьминой Гати. Он предложил как можно скорее произвести раскопки сохранившихся остатков черты, а также исследовать следы Шацких укреплений. По его просьбе столоначальник Козловского полицейского управления А. А. Рор составил описание второй части Козловского сторожевого вала[1]. В августе 1901года А. Н. Норцов совместно с В. В. Воейковым совершил археологическую поездку по Темниковскому уезду, результаты которой обобщил в специальной статье[2].

Археологические раскопки ГУАК собственными силами производили очень редко, что было связано, прежде всего, с отсутствием у них средств и квалифицированных кадров, способных вести самостоятельно археологические раскопки. Как правило, их проводила Археологическая комиссия. Так, в 1892 году под руководством А. А. Спицына она вела археологические раскопки в Пензенской и Тамбовской губерниях[3]. Однако председатель ТУАК А. Н. Норцов придавал немаловажное значение организации активных самостоятельных раскопок. С этой целью им была разработана программа археологического обследования губернии, с которой он ознакомил своих сотрудников на собрании 11 декабря 1900 года. Предполагавшиеся исследования планировалось производить комплексно: с осмотром, описанием и раскопками археологических объектов, сбором фольклорного и этнографического материала, описанием памятников церковной археологии. В связи с тем, что по

---

[1] **Рор, А. А.** О вале Козловского уезда между с. Бельским и Мановицами /А. А. Рор //ИТУАК. Тамбов, 1901. Вып. 44.

[2] **Норцов, А. Н.** Археологическая поездка по Темниковскому уезду в августе 1901 г. /А. Н. Норцов //ИТУАК. Тамбов, 1902. Вып. 46.

[3] Раскопки в Пензенской и Тамбовской губерниях //Отчет Императорской Археологической комиссии за 1892 год. СПб., 1894.

указу Александра III (1889) исключительное право производства и разрешения раскопок на «… казенных, общественных и принадлежащих разным установлениям землях» было передано Археологической комиссии[1], программа была послана ей и в Московское археологическое общество.

Археологическая комиссия поддержала начинание тамбовских историков и выслала открытый лист на производство раскопок. Однако позиция МАО была более жесткой. Оно рекомендовало не предпринимать каких-либо практических действий из-за отсутствия у членов комиссии необходимого опыта, а ограничиться визуальным осмотром и описанием памятников, что «… было бы гораздо проще, стоило бы дешевле и было бы целесообразнее»[2]. Позиция МАО, продиктованная стремлением уберечь памятники от неквалифицированных раскопок, представляется во многом справедливой. Письмом от 3 февраля 1901 года руководство ТУАК известило МАО о принятии к сведению его рекомендаций и о своем отказе от начала раскопок. В результате задуманному А. Н. Норцовым широкомасштабному плану по производству раскопок в пределах губернии не суждено было выйти из стадии теоретической разработки. Деятельность комиссии в данном направлении ограничилась попытками внести посильный вклад в исследование Лядинского и Кошибеевского могильников, проводившееся Археологической комиссией.

Получив открытый лист и заручившись разрешением руководства железной дороги, в июне 1889 года ТУАК приступила к изучению Лядинского могильника. Средства на проведение раскопок в размере ста рублей были получены от комитета губернского музея, а их осуществление было поручено П. И. Пискареву. Однако, вопреки всем ожиданиям, раскопки оказались безрезультатными: несмотря на тщательное изучение участка, обнаружить какие-либо признаки захоронений не удалось. Представитель МАО В. И. Сизов, осуществлявший контроль за раскопками, был вынужден согласиться с заключением П. И. Пискарева о тщетности проведения дальнейших работ. Он посоветовал комиссии во избежание лишних затрат более тщательно намечать места предполагаемых раскопок и начинать их сразу в нескольких пунктах, с тем, чтобы неудача в одном из них компенсировалась находками на другом раскопе.

---

[1] Отчет Императорской Археологической комиссии за 1889 г. СПб., 1892. С. 3.
[2] ЦГИА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 243. Л. 2 об.

Следующий памятник, в исследование которого ТУАК попыталась внести свой вклад, был открыт в 1891 году в именин дворянина В. Д. Траскина в с. Кошибеево Елатомского уезда (ныне Сасовского района Рязанской области). Вопрос об открытом памятнике обсуждался на заседании комиссии 27 августа 1891 года: было решено начать его систематическое обследование. Однако вскоре тамбовские историки были извещены о том, что исследование могильника начинает МАО, которое так и не приступило к его раскопкам. Лишь в 1895 году к могильнику проявила интерес Археологическая комиссия, поручившая его исследование А. А. Спицыну. Археолог вскрыл 109 захоронений в которых были обнаружены предметы вооружения, части сбруи, мужской одежды, вещи домашнего обихода, женские украшения, которые он датировал VI – VII веками[1]. Современная датировка памятника относится к III – V векам. В этническом плане его относят к рязано-окским племенам, близким мордве[2]. В 1902 году исследование Кошибеевского могильника было возобновлено. На этот раз проведением раскопок занимался член Русского археологического общества В. Г. Глазов, который вскрыл 97 погребений. Находки, как и предыдущий раз, поступили в Российский исторический музей (ныне Государственный Исторический музей) и Эрмитаж. В январе 1903 году владелец имения в с. Кошибееве И. Д. Траскин, избранный к тому времени членом ТУАК, предложил продолжить исследование могильника и пожертвовал для этих целей 150 рублей. Комиссия приняла предложение нового сотрудника и планировала приступить к раскопкам летом 1903 года. В адрес Рязанской комиссии была направлена просьба командировать в Тамбов опытного специалиста для оказания квалифицированной помощи и наблюдения за ходом раскопок. В ответ на запрос тамбовских историков Археологическая комиссия выслала открытый лист, однако при этом сочла необходимым довести до их сведения, что дальнейшие раскопки представляются ей нецелесообразными, т.к. могильник уже дважды тщательно обследовался[3]. Подобная рекомендация изменила планы ТУАК и мысль о проведении раскопок на этом памятнике пришлось оставить.

---

[1] **Спицын, А. А.** Древности рек Оки и Камы /А. А. Спицын. СПб., 1901.
[2] Мордовия: Энциклопедия… С. 440.
[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф.1. Оп. 1. 1903 г. Д. 79. Л. 2.

Значительным успехом ТУАК стали проведенные ее членом, слушателем Археологического института П. Г. Тарасовым исследования близ деревни Ново-Нарышкинской Моршанского уезда. Его внимание привлекли пять курганов на территории Чудинской экономии, принадлежавшей члену комиссии помещику Е. И. Аносову. Археологу удалось установить, что в данной местности имеются погребения и без насыпных курганов, т.к. крестьянам при проведении земляных работ часто попадались человеческие кости. В 1902 году П. Г. Тарасов произвел раскопки трех курганов. Используя рекомендованную Д. Я. Самоквасовым методику классификации курганов, П. Г. Тарасов определил их возраст в 25 веков не соотнося их ни с какой археологической культурой.

Летом 1903 года он продолжил свои исследования курганов, но уже близ деревни Удалой. Из пятнадцати курганов удалось раскопать десять. Исходя из положения костяков (на боку, в скрюченном виде, головой на север), П. Г. Тарасов предположил, что захоронения принадлежали мордве-эрзе. В 1903 году близ деревни Ново-Нарышкинской, была открыта неолитическая стоянка[1]. Часть находок после их демонстрации в Археологическом институте была отправлена в музей ТУАК.

В 1904 году П. Г. Тарасов намеревался продолжить археологическое изучение губернии, однако его обращение в комиссию за финансовой поддержкой оказалось безрезультатным. Ограниченность бюджета не позволила ей субсидировать дальнейшее проведение раскопок. В этой связи руководство ТУАК направило в адрес Археологической комиссии ходатайство, в котором говорилось следующее: «Богатые памятники седой древности Тамбовской губернии почти не исследованы еще, за исключением одиночных мест. Сама Тамбовская ученая архивная комиссия при скудости своих средств не может принять на себя ведение археологических исследований. Но среди се членов проявляется самоотверженное служение науке и в высшей степени было бы жаль, если это энергичное исследование, давшее, даже при скромных условиях, столько ценного материала, должно заглохнуть, будучи лишено поддержки»[2]. Обращение ТУАК увенчалось успехом. Благодаря

---

[1] **Тарасов, П. Г.** Курганы Тамбовской губернии и их исследование /П. Г. Тарасов //ИТУАК. Тамбов, 1906. Вып. 51. Ч. II.

[2]Архив СПб ИИ РАН. Ф.1. Оп. 1. 1903 г. Д. 79. Л. 26 – 26 об

выделенной субсидии П. Г. Тарасов продолжил свои исследования и в 1905 году.

Наряду с подобными удачными исследованиями, комиссия допускала и явные промахи, как это было в случае с обследованием местности близ села Татанова. В 1914 году в газете «Тамбовский край» появилось сообщение о таинственном кургане и находимых здесь многочисленных кладах[1]. Неизвестный автор сообщал об обнаруживаемых в этой местности старинных монетах, украшениях и костях. Предположив, что речь идет о могильнике, комиссия постановила командировать для сбора сведений В. П. Троицкого. Существенную помощь ему оказал местный священник П. И. Софийский, избранный членом ТУАК. В. П. Троицкий начал вскрытие погребений, однако, представлявших исторический интерес вещей не обнаружил, в силу чего предположил, что дальнейшее исследование местности лишено смысла. Данное заключение являлось глубоко ошибочным, т.к. проводившиеся здесь впоследствии исследования дали богатые результаты: археологи обнаружили следы эпохи неолита, три поселения эпохи бронзы и раннего железа, а также мордовское и русское поселения[2].

Большое значение комиссия придавала обобщению данных об уже открытых археологических памятниках края. Первой попыткой свести их воедино стало предпринятое И. И. Дубасовым поуездное описание курганов, городищ, городков и отдельных находок, помещенное в четвертом выпуске его «Очерков». Однако это описание отличалось неполнотой и не имело картографического оформления. Поэтому начальным опытом в области археологической топографии края следует считать карту М. Г. Розанова и А. В. Проскурникова (1889)[3], подготовленную в связи с началом работ по составлению сводной общероссийской археологической карты. На основе разработанного Д. Н. Анучиным, В. В. Антоновичем и В. Г.

[1]Тамбовский край. 1914. № 105.

[2] **Чуистова, Л. И.** Древнейшее население Тамбовщины /Л. И. Чуистова. Тамбов, 1982. С. 109.

[3] **Розанов, М. Г., Проскурников, А. В.** Археологическая карта Тамбовской губернии и объяснительная записка к ней /М. Г. Розанов, А. В. Проскурников //ИТУАК. Тамбов, 1890. Вып. 26.

Тизенгаузеном проекта МАО подготовило список вопросов[1], который был разослан в провинциальные научно-исторические общества. При разработке карты края использовались данные о курганах, обобщенные членом комиссии И. Ф. Токмаковым, и сведения, опубликованные в «Тамбовских губернских ведомостях»[2]. Несмотря на стремление авторов карты к возможно более широкому охвату памятников, ее нельзя признать исчерпывающей. На это обстоятельство обратил внимание А. Н. Норцов, поставивший задачу подготовить новый вариант карты. Первым шагом на этом пути стал его доклад на заседании 11 декабря 1900 года, в котором председатель попытался обобщить сведения об археологических объектах губернии[3]. При этом он преследовал более широкие цели, чем его предшественники. А. Н. Норцов решил раскрыть не только археологические, но и исторические особенности края, что нашло отражение в её названии «Историко-археологическая карта Тамбовской губернии»[4]. Ввиду этого помимо поуездного описания археологических объектов («городков», «старых городищ», «крепостиц», «жилищ разбойников-кудеяров»), автор включил в текстовую часть сведения из истории городов, сел и деревень губернии, данные о памятниках церковной архитектуры, бытовавшие среди местных жителей предания и легенды. Всего на карту было занесено более 600 объектов – курганов, городищ, могильников, местонахождений монетных кладов, костей и других случайных находок. Кроме того, были описаны остатки оборонных укрепленных линий в Шацком, Спасском, Тамбовском, Лебедянском, Липецком, Козловском и Усманском уездах.

В отличие от своих коллег В. В. Воейков, подготовивший в 1902 году собственный вариант археологической карты[5], не стремился к охвату всех видов памятников. Он остановился лишь на описании

---

[1] Список вопросов от императорского Московского археологического общества, по которым желательны были бы ответы для составления археологических карт губерний. М., 1888.

[2] Сведения о курганах //ТГВ. 1873. № 41 – 43.

[3] **Норцов, А. Н.** Археологические особенности Тамбовского края /А. Н. Норцов //ИТУАК. Тамбов, 1901. Вып. 45.

[4] См.: **Норцов, А. Н.** Историко-археологическая карта Тамбовской губернии /А. Н. Норцов //ИТУАК. Тамбов, 1905. Вып. 50.

[5] **Воейков, В. В.** Заметка о курганах Тамбовской губернии /В. В. Воейков //ИТУАК. Тамбов, 1902. Вып. 46.

курганов, сведения о которых собирал на протяжении трех лет путем визуального изучения. Археолог обследовал гряду курганов, тянувшуюся полосой с запада на восток южнее Тамбова и Кирсанова вплоть до границы с Саратовской губернией. Не претендуя на глубокие выводы, которые, как он справедливо полагал, возможны лишь в результате тщательных раскопок, автор ограничился нанесением на карту и описанием 154 курганов. К текстовой описи курганов прилагалось их картографическое оформление.

Расцвет археологической деятельности Саратовской ученой архивной комиссии приходится на начало XX столетия. Она также как и Тамбовская комиссия стала широко практиковать рассылку сельским учителям, врачам, священникам, мировым судьям, сельским старостам специальных опросных листов, стремясь вовлечь их в поиск археологических памятников и подъемного материала, обнаруженного крестьянами. «Этим путем, – свидетельствовал хранитель музея комиссии Б. В. Зайковский, – были открыты, например, стоянки доисторических обитателей Саратовской губернии, оставивших на дюнах и по берегам рек каменные орудия и другие предметы глубокой древности, установлены районы развития бронзовой культуры в некоторых местах Аткарского и Камышинского уездов и приобретены для музея интересные экземпляры каменных топоров, молотков, отбивных наконечников стрел и копий, бронзовые кельты ранних типов, из которых один трубчатый, долота, наконечники стрел редких типов, наконечники копий и украшения, предметы железного века: меч, топоры и наконечники стрел, несколько мелких украшений из золота, относящихся, по-видимому, к эпохе Сарматских золотых браслетов»[1].

Подобная деятельность СУАК приносила свои плоды. Значительное количество археологических предметов поступило от частных лиц, так 1912 году один из железнодорожных служащих передал ей коллекцию из 973 золотоордынских монет, собранных на Увеке[2].

Первая попытка создать археологическую карту Саратовской губернии была связана также с СУАК. В марте 1888 года непременный попечитель комиссии губернатор А. И. Косич предложил составить карту археологических находок губернии. В

[1] **Зайковский, Б. В.** Впечатления из поездки в Елань-Аткарскую /Б. В. Зайковский //Труды СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25. С. 242.

[2] Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 211 – 213.

июне того же года МАО обратилось к губернаторам, к главам местных епархий, земским управам, директорам народных училищ и ГУАК с просьбой разослать подведомственным им учреждениям вопросники, а затем на основе их составить археологические карты губерний[1]. Здесь мы наблюдаем редкий случай, когда инициатива центрального и местного учреждений, независимо друг от друга, совпала в едином стремлении, направленном на развитие науки.

Работу по составлению карты возглавил член СУАК В. К. Воронков. Под его руководством была создана особая подкомиссия в которою вошли Н. А. Бундас, П. В. Болотников, М. В. Готовицкий, А. И. Шахматов и С. И. Кедров. Её работа началась с рассылки по уездам губернии списка вопросов составленного МАО. Причем по мнению членов СУАК инициатива создания археологических карт по каждой губернии России принадлежала именно им[2]. Делегат Восьмого археологического съезда (1890) от Саратовской комиссии М. А. Готовицкий по возвращении на её заседании сделал доклад «Задачи археологии в Саратовском крае по сообщениям, сделанным на Восьмом археологическом съезде»[3]. Главный вывод, к которому он пришел, опираясь на решения съезда, полностью вписывался в русло деятельности комиссии – необходимо составить археологическую карту губернии. В данном контексте можно говорить, что саратовская археология развивалась в одном русле с общероссийской наукой, ставила аналогичные задачи и пыталась их разрешить, исходя из своих возможностей.

Создание археологической карты дело нескольких десятков лет, поэтому в 1905 году СУАК вновь рассылает опросные листы по уездам губернии. Но эта инициатива комиссии потерпела провал. Из 590 экземпляров анкет лишь на 67 были получены ответы. В связи с этим в 1907 – 1908 годах, несмотря на финансовые трудности, связанные с революционным движением в губернии, комиссии удалось разослать по уездам и получить ответы на новую серию опросных листов. Работа по составлению археологической карты

---

[1] Предложение императорского Археологического общества о составлении и издании археологической карты //Труды СУАК. Саратов, 1889. Т. II. Вып. 1.
[2] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 5. Л. 8 об.
[3] **Готовицкий, М. А.** Задачи археологии в Саратовском крае по сообщениям, сделанным на Восьмом археологическом съезде /М. А. Готовицкий //Труды СУАК. Саратов, 1890. Т. 3. Вып. 1. С. 271 – 291.

была завершена А. А. Кротковым лишь в 1911 году. Причем, еще в 1890 году СУАК известила директора Археологического института, что «… район исследования Саратовской ученой архивной комиссии кроме Саратовской губернии обнимает еще Астраханскую и Пензенскую губернии, которые в политическом, церковном, географическом и бытовом отношениях имеют много общего и сродного с Саратовской губернией»[1].

Основу подготовленной к печати археологической карты составляли три вида источников: 1. Опросные листы МАО; 2. Собственные полевые исследования членов комиссии; 3. Археологические материалы, опубликованные губернским статистическим комитетом и любителями-краеведами.

После составления карты встал серьезный вопрос об её издании. Комиссия не обладала необходимыми финансами для осуществления этого проекта. Поэтому правление СУАК обратилось к директору Археологического института, который предложил напечатать карту в 23-м выпуске «Вестника археологии и истории»[2]. Начавшаяся Первая мировая война не позволила осуществить эти планы. Археологическая карта А. А. Кроткова стала первой и единственной до настоящего времени картой Саратовского края. Значение этого труда велико. Она и посей день является источником для саратовских, пензенских и волгоградских археологов. В связи с этим хотелось бы остановиться на творческом пути А. А. Кроткова, в силу того, что он из всех нами упоминавшихся членов ГУАК занимался археологией на профессиональном уровне. Александр Августович (1866 – 1944) родился в городе Пензе. Учился в Пензенской прогимназии, а затем в Пензенской фельдшерской школе. Прослужив два года фельдшером в Петровском уезде Саратовской губернии в 1890 году сдав экзамены на учителя стал работать в с. Князевка Петровского уезда Саратовской губернии (ныне Кондольский район Пензенской области). В этом селе он проработал 9 лет. С 1900 года А. А. Кротков стал служить в Саратовской земской управе, Городской думе и Саратовской казенной палате. Еще работая в Князевке он увлекся археологией. «С этих пор – пишет Александр Августович –

[1] Протокол общего собрания Саратовской ученой архивной комиссии. 13 февраля 1900 года //Труды СУАК. Аткарск, 1902. Вып. 22. С. 92 – 93.

[2] См.: Протокол заседания общего собрания членов комиссии № 166. 25 февраля 1914 года //Труды СУАК. Саратов, 1915. Вып. 32. С. 173.

археология, прежде чужая мне, стала моим любимым занятием в часы досуга и думаю, что до конца дней «живота моего» она будет моим неразлучным другом и утешителем от житейских бурь и людских мерзостей»[1]. В 1902 году он становится действительным членом СУАК. Его работы публиковались не только в «Трудах СУАК», но и в «Трудах Общества археологии, истории, этнографии при Саратовском университете». К наиболее значимым публикациям мы относим: «Аткарский могильник», «О памятниках старины в Саратовской губернии», «Материалы к археологической карте Кузнецкого уезда», «Клад серебряных джучидских монет с Водянского городища»[2]. В 1920 году он открыл уникальный археологический памятник периода Золотой Орды город Мохши (ныне с. Наровчат Пензенской области).

Одним из направлений пропагандистской деятельности СУАК было приобщение к археологическим исследованиям учащихся средних учебных заведений города Саратова. По инициативе членов комиссии С. А. Щеглова и Б. В. Зайковского в 1910 году при Саратовской второй мужской гимназии был организован «Кружок учащихся – любителей изучения местного края» под их руководством были организованы совместные исследования в Царицынском, Камышинском и других уездах губернии. В результате было собрано и передано в музей СУАК 2500 старинных вещей и монет. «Так как «Группа учеников-любителей» является прямым сколком и родным детищем
комиссии, – подчеркивалось на общем собрании комиссии 16 апреля 1911 года, – то последняя будет всячески поддерживать любителей и помогать им чем только будет в состоянии»[3].

Археологическая деятельность Пензенской ученой архивной комиссии представлена в гораздо меньшей степени, чем аналогичная работа Тамбовской и Саратовской архивных комиссий. Главным образом в ПУАК поступали археологические находки, случайно найденные местными жителями. Их присылали вместе с

[1] **Хованский, Н. Ф.** Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет её существования /Н. Ф. Хованский //Соколов В.П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886 – 1911 г. Саратов, 1911. С. 19.

[2] **Кротков, А. А.** Аткарский могильник /А. А. Кротков //Труды СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29; **Он же.** О памятниках старины в Саратовской губернии //Там же; **Он же.** Материалы к археологической карте Кузнецкого уезда //Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30; **Он же.** Клад серебряных джучидских монет с Водянского городища //Там же.

[3] Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 28. С. 40.

протоколами, где описывались обстоятельства их нахождения, уездными полицейскими исправниками. Архивная комиссия направляла их в Археологическую комиссию для определения исторической ценности. Причем последняя нередко оставляла ценные находки у себя.

Случалось, что местное население и полицейское начальство не сообщали комиссии об археологических находках. Например, в октябре 1909 года крестьяне Щегловы нашли близ с. Дубенского Пензенского уезда фрагменты скелета мамонта. Находка была передана помещице с. Загоскино С. М. Ладыженской. Об этом было сообщение в «Пензенских губернских ведомостях»[1]. Узнав об этой находке из газеты, непременный попечитель ПУАК направил циркуляр пензенскому уездному исправнику, где выражал свое неудовольствие тем, что о находке ему не было донесено «как положено по закону» и приказал составить опись находок. В ответе исправника, помимо описи уже извлеченных из грунта фрагментов костяка, сообщалось о необходимости дальнейших раскопок на том же месте[2]. Также узнав из газеты о находке старинных украшений на пашне крестьянкой села Челмодеевский Майдан Наровчатского уезда (ныне Инсарский район Республики Мордовия), губернатор отдал распоряжение местному полицейскому начальству выяснить, кому она их продала[3]. 30 ноября 1915 года пензенский уездный исправник сообщал непременному попечителю ПУАК о том, что начальник Бессоновского почтового отделения Кожевников отказался вернуть найденный на территории уезда клад, очевидно, переданный ему для отсылки в ПУАК[4].

О проведении археологических разведок силами ПУАК мы обнаружили материал в заметке В. П. Попова «О двух достопримечательных открытиях, сделанных в 1904 году Пензенской ученой архивной комиссией», в которой дается довольно-таки примитивное описание неолитического селища эпохи бронзы около Пензы на берегу реки Свинухи[5].

По всей видимости, единственные за всю историю ПУАК целенаправленные археологические раскопки производил

[1] Находки мамонта близ с. Загоскина //ПГВ. 1910. № 117.
[2] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 21. Лл. 2 – 4, 7.
[3] Там же. Д. 14. Лл. 58, 65.
[4] Там же. Д. 58. Л. 6.
[5] Труды ПУАК. Пенза, 1904. Кн. 2. С. 219 – 220.

действительный член комиссии, священник Саранской Казанской церкви Александр Иванович Любимов. 24 июня 1902 года он писал председателю комиссии В. Х. Хохрякову, что на юге и северо-западе от Саранска есть несколько насыпных курганов и просил ходатайствовать перед Археологической комиссией разрешить раскопки на свои средства, а если возможно, и денежное пособие. На общем собрании ПУАК 9 сентября 1902 года было решено обратиться с соответствующим ходатайством в Археологическую комиссию, что и было сделано 25 апреля 1903 года. В мае А. И. Любимову были присланы открытый лист на право производства в 1903 году раскопок в пределах Саранского уезда, бланки дневника раскопок и перечневой описи. 25 сентября 1903 года от Любимова была получена докладная записка. В ней он сообщал о результатах проведенных им раскопок и о возможности их продолжения в будущем. Согласно этой записке, к юго-западу от Саранска, на территории городского выгона, был обнаружен могильник. О том, кто и когда его основал и до какого времени им пользовались, не было сведений даже в устных преданиях. Для выяснения этого А. И. Любимов при содействии старшины Саранской волости П. М. Рыкова вскрыл одно погребение. Кроме того, А. И. Любимов обнаружил в окрестностях Саранска несколько курганов. Не имея возможности производить систематические раскопки из-за дороговизны рабочих рук, он при помощи добровольцев вскрыл наиболее крупный из группы курганов близ деревни Александровка, в 6 верстах (1 верста = 1,0668 км) к северо-западу от Саранска. Выбор кургана был определен тем, что у местных жителей о нем ходили легенды. Для проведения этих раскопок А. И. Любимов запрашивал у ПУАК 50 рублей. Сведений о дальнейших археологических исследованиях А. И. Любимова нами не обнаружено. Известно, что 5 августа 1905 года ПУАК сообщила Археологической комиссии, что открытый лист может быть возвращен ей лишь при завершении Любимовым воинской службы[1].

20 мая 1913 года другой член ПУАК В. М. Терехин просил В. Х. Хохрякова ходатайствовать перед Археологической комиссией о разрешении ему провести раскопки около села Паево Инсарского уезда (ныне Инсарский район Республики Мордовия), где в 1912 году крестьяне, добывая песок, нашли человеческие скелеты, предметы из

[1] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 2. Лл. 35, 85, 87 – 89, 143– 145, 174, 175.

серебра, бронзы, меди, железа и глины[1]. Судя по документам эти раскопки В. М. Терехин так и не проводил.

Осуществляла ПУАК и охранную деятельность так, 15 марта 1913 года Археологическая комиссия просила её организовать надзор за планировочными работами при постройке железнодорожных ветвей от Чембара до ст. Башмаково и от Нижнего Ломова до ст. Выглядовка. Надзор, по просьбе ПУАК, осуществляли нижнеломовский и чембарский уездные исправники, становые приставы, урядники и стражники[2].

В целом деятельность ГУАК по археологическому обследованию своих губерний значительно уступала размаху их работ в области архивного дела. Данное обстоятельство объясняется как недостаточной подготовленностью их сотрудников для проведения самостоятельных археологических исследований, так и пониманием ими приоритетности своих задач по изучению и сохранению, прежде всего, письменных памятников. Предпринимавшиеся меры для повышения своей квалификации оказывались слишком непоследовательными для того, чтобы дать ощутимые результаты. Отсутствие специальной подготовки неизбежно сказывалось на объеме и качестве проводившихся комиссиями исследований. Другой причиной, недостаточного развития археологического направления деятельности ГУАК являлась хроническая нехватка денежных средств. Констатируя незначительное число проделанных силами комиссий археологических раскопок, в то же время следует признать их бесспорный вклад в дело накопления и обобщения данных об археологических объектах на территории страны, а также их картографирование, пропаганду и охрану. Причем археологические карты своих губерний были составлены Тамбовской (два варианта) и Саратовской (один вариант) комиссиями. Пензенская ученая архивная комиссия к подобной работе не приступала. В какой-то степени это было связано с тем, что часть уездов Пензенской губернии обследовали члены СУАК, а также отсутствием в её рядах исследователя равного по масштабу А. А. Кроткову.

К сожалению, опыт Саратовской ученой архивной комиссии в деле привлечения учащихся средних учебных заведений к

[1] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 41. Л. 13.
[2] Там же. Д. 39. Лл. 1 – 5, 10, 31.

археологическим исследованиям не получил широкого распространения в России.

Несмотря на ошибки, допускаемые ГУАК при проведении археологических исследований, в целом они сыграли положительную роль. Для науки были открыты и что очень важно сохранены уникальные археологические комплексы.

III. 2. Этнографические исследования губернских ученых архивных комиссий.

Более широкий и планомерный характер этнографическое изучение народов России начинает приобретать со второй половины XIX века – времени становления этнографической науки. В это время появляются научные общества, которые специально занимались этнографическими исследованиями. Это, прежде всего, Русское географическое общество, с отделениями географии, статистики и этнографии (основано 1845 г.); Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (1867); Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878); Финно-угорское общество (1883) и другие.

В конце XIX века на местах эта деятельность постепенно переходит от губернских статистических комитетов к ГУАК. Причем неизменными остались и направления этнографических исследований: 1) участие и содействие работе центральных научных обществ и учреждений; 2) участие в этнографических выставках; 3) просветительская и научная работа; 4) формирование любителей-этнографов из представителей провинциальной разночинной интеллигенции, духовенства, учителей, чиновников, врачей; 5) создание комплекса источников материальной и духовной культуры о народах, проживающих в той или иной губернии.

Интерес к этнографическим исследованиям появился сразу же после создания ГУАК. Так, И. И. Дубасов на заседании Тамбовской комиссии 3 ноября 1884 года выдвинул этнографию в число определяющих в работе комиссии: «Всего более мы будем по нашим архивным актам изучать былые бытовые явления местной жизни, в их неизбежной связи с общерусским жизненным течением. И может быть, это будет началом хотя и скромным, нового, самобытного склада русской исторической науки, которая уже не станет ограничиваться одними внешними фактами, но будет проникать

внутрь самой жизни»[1]. Именно народный быт, по мнению председателя комиссии, являлся основой, которая формирует образ мышления, умонастроения людей, а в конечном итоге и тенденции общественного развития. Такие представления были характерны для многих деятелей ГУАК. Они выработались под влиянием идей видного русского историка И. Е. Забелина, полагавшего, что домашний быт народа являлся средой, в которой «… лежат зародыши и зачатки всех, так называемых великих событий его истории…», всех явлений его жизни, общественной, политической и государственной[2].

Вопросам так называемой «бытовой истории» посвящены многочисленные статьи И. И. Дубасова[3], М. Г. Розанова[4], П. А. Дьяконова[5], А. И. Аносова[6]. Прежде всего, в этих работах нашли отражение проблемы социального положения отдельных слоев тамбовского общества. Наибольшее внимание было уделено анализу социально-экономического и духовно-нравственного состояния

---

[1] Журнал общего собрания г.г. членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1884. 3 ноября (Вып. 1.) С. 2.

[2] **Забелин, И. Е.** Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях /И. Е. Забелин. М., 1990. Кн. 1. С. 36.

[3] **Дубасов, И. И.** Из окраинно-русской бытовой истории XVII. /И. И. Дубасов //Русское обозрение. 1890. Июнь; **Он же.** Быт тамбовских людей XVII и XVIII вв. //ИТУАК. Тамбов, 1895. Вып. 29; **Он же.** Из Тамбовской бытовой истории XVI – XVIII веков //Исторический вестник. 1891. № 9; **Он же** Черты окраинно-русского быта XVII и XVIII века //Русское обозрение. 1891. Сентябрь; **Он же.** К истории окраинно-русского быта и колонизации XVI – XVIII веков //Русское обозрение. 1892. Май; **Он же.** Некоторые бытовые черты из жизни прошлого Тамбовского края //ИТУАК. Тамбов, 1892. Вып. 34; **Он же.** Черты внутреннего быта при Петре Великом //ТГВ. 1893. 12, 15 июня; **Он же.** Тамбовский быт XVII века //ИТУАК. Тамбов, 1893. Вып. 36; **Он же.** Бытовые черты нашего края в начале XVIII столетия //ИТУАК. Тамбов, 1893. Вып. 37; **Он же.** О Шацкой провинции в 30-х годах прошлого века: очерки Тамбовского быта XVII и XVIII веков //Исторический вестник. 1896. № 9.

[4] **Розанов, М. Г.** О состоянии Тамбовского края в начале прошлого столетия /М. Г. Розанов //ИТУАК. Тамбов, 1893. Вып. 35.

[5] **Дьяконов, П. А.** Бытовые картинки по архивным документам /П. А. Дьяконов //ИТУАК. Тамбов, 1890. Вып. 26; **Он же.** Бытовые картинки по архивным документам //ИТУАК. Тамбов, 1890. Вып. 31; **Он же.** Бытовые картинки по архивным документам //ИТУАК. Тамбов, 1891. Вып. 32.

[6] **Аносов, И. А.** Две иллюстрации к бытовой истории Шацкого края /И. А. Аносов //ИТУАК. Тамбов, 1917. Вып. 57.

крестьянского, дворянского и духовного сословий. При этом следует отметить, что большей части тамбовских историков был свойственен интерес не столько к анализу экономического положения тех или иных слоев населения, сколько к выявлению их социально-психологических характеристик. Так, отслеживая процесс формирования тамбовского крестьянства, И. И. Дубасов пришел к выводу, что его «лицо» определялось многочисленными социальными и этнографическими составляющими – начиная от вольных, «гулящих» людей, которые шли в «лесные дебри и дикие поля» в поисках воли, и заканчивая зависимыми переселенцами, перевозимыми в край их владельцами. Не менее разнообразен был и его этнографический состав, включавший в себя представителей различных народностей, постепенно ассимилированных русским населением. Он подметил такие стороны народного характера, как повальное пьянство и склонность к насилию, приводившие зачастую к дракам и убийствам. В самом характере народных развлечений – кулачных боях – он был склонен усматривать проявление «… зверских, разбойничьих инстинктов местного населения». Их следствием И. И. Дубасов считал грабежи, воровство, убийства и прочие преступления, многочисленные примеры которых он приводил на основе документов Тамбовской уголовной палаты. Однако было бы ошибкой считать, что Иван Иванович останавливался на одних лишь негативных сторонах крестьянской действительности. Он приводил и многочисленные примеры «самобытной и сильной умственной», по его выражению, стороны их жизни, проявлявшейся в технической сметливости, тяге к образованию и в других проявлениях доброй русской натуры.

Значительное внимание в работах И. И. Дубасова уделено собственно бытовому укладу тамбовской жизни в XVII – XVIII веках. Взгляд председателя ТУАК на старый русский семейный быт значительно отличался от общепринятого, согласно которому женщина занимала в семье подневольное положение. Несмотря на констатацию общего удручающего состояния нравственности жителей края, И. И. Дубасов, проанализировав хранившиеся в архиве комиссии источники, пришел к выводу что «… известное мнение о грубости старорусских семейных отношений сильно преувеличено», и, что «… дикость былых нравов обуздывалась законом, исходившим

из области обычного права»[1]. Он полагал, что юридически засвидетельствованный имущественный ценз женщины при вступлении в брак избавлял ее от положения рабыни, и она становилась хозяйкой дома и помощницей мужа вне зависимости от уровня её образования и воспитания. И. И. Дубасов указал на имевшую место практику составления брачных договоров как на гарантию сохранения добрых семейных отношений. На основе рядных грамот, которым историк придавал большое значение как историческим источникам, он воспроизвел характерные черты «внешнего местного быта» – одежды, украшений, определил степень зажиточности населения. Выявляя особенности устройства сельского быта в XVII веке, И. И. Дубасов пришел к выводу о том, что он определялся сравнительно незначительной заселенностью края. Расположенные на большом расстоянии друг от друга села и деревни становились объектами нападений татар и калмыков, либо пришлых разбойных русских людей. В силу этого многие населенные пункты приобретали вид военных оборонительных поселений. Крестьяне помимо сельскохозяйственного инвентаря были вынуждены держать в своем хозяйстве оружие. В тоже время, по мнению И. И. Дубасова, малочисленность населения имела и свои преимущества, в силу которых тамбовское крестьянство в XVII веке отличалось относительной зажиточностью. Положение изменилось в XVIII веке, когда задавленные непомерными налогами и государственными повинностями, крестьяне были вынуждены целыми селами бросать свои хозяйства и спасаться бегством

В стремлении к изучению различных сторон народного быта тамбовские архивисты предпринимали попытки сбора и изучения местных обычаев, верований и сказаний. Р. П. Ситовский, например, занимался изучением особенностей местного диалекта, народных поверий и примет. В. А. Заринский проанализировал обнаруженный им в Лебедянском уезде (ныне Лебедянский р-н Липецкой обл.) рукописный сборник сказок[2] Б. Г. Фиксен и А. Н. Норцов, придававшие большое значение изучению древней бытовой культуры, выступили в 1896 году с инициативой составления сборника песен, сказок и пословиц Тамбовского края. По поручению комиссии в 1914 году воспитанник Тамбовской духовной семинарии

[1] Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края… С. 164.

[2] **Пискарев, П. И.** Из сборника сказок, записанных в 1853 году в г. Лебедяни /П. И. Пискарев //ИТУАК. Тамбов, 1891. Вып. 32.

Кудрявцев собрал народные песени Липецкого и Усманского уездов (ныне Липецкий и Усманский р-ны Липецкой обл.). Этот материал был опубликован на страницах «Известий ТУАК»[1]. А. Н. Норцов и С. Н. Введенский считали важным изучение влияния языческих верований и быта мордвы на русское население. Первый из них сделал доклад на эту тему на заседании комиссии 12 июня 1902 года, второй – посвятил истории волшебства и суеверий в Тамбовском крае специальную статью[2]. Ряд этнографических очерков, вышедших отдельным изданием, был написан членом комиссии преподавателем А. Ф. Можаровским[3]. В них он описал народные сказания, проследил следы язычества в некоторых праздниках, проанализировал связанные с чародейством случаи знахарства и т.п. Здесь же он привел тексты заговоров, песен**,** эпиграмм. По своему характеру работы А. Ф. Можаровского не являются оригинальными и представляют собой компилятивный свод данных, почерпнутых из произведений В. Ф. Миллера, И. П. Сахарова и других.

В рамках вопроса о заселении тамбовских земель была затронута проблема истории автохтонного населения – племен финно-угорской группы. Так, А. Н. Норцов в заметке «О некоторых фактах исключительно тамбовского характера»[4] подчеркивал необходимость изучения истории мещерской народности (которую он ошибочно причислял к финно-уграм – В.П.), занимавшей в прошлом значительную часть края. К числу вопросов, которые предстояло решить в связи с этим, он относил и проблему взаимоотношений мещеры с другими племенами – мордвой, мерей и муромой. Причем многие вопросы, поставленные в этих работах, до сир пор не нашли своего разрешения.

Вопрос о необходимости этнографического изучения Саратовской губернии и создании этнографического музея впервые был поставлен членом СУАК Богданом Викторовичем Зайковским, который многие

---

[1] **Кудрявцев**. Народные песни Липецкого и Усманского уездов /Кудрявцев //ИТУАК, Тамбов, 1917. Вып. 57.

[2] **Введенский, С. Н.** Из истории волшебства и суеверий в Тамбовском крае XVII в. /С. Н. Введенский //ИТУАК. Тамбов, 1906. Вып. 51.

[3] **Можаровский, А. Ф.** Этнографические очерки /А. Ф. Можаровский //ИТУАК. Тамбов, 1899. Вып. 43; **Он же.** Отголоски старины и народности. Тамбов, 1903.

[4] **Норцов, А. Н.** О некоторых фактах исключительно тамбовского характера /А. Н. Норцов //ИТУАК. Тамбов, 1901. Вып. 44.

годы руководил музеем комиссии. В декабре 1912 года на одном из общих собраний членов архивной комиссии он выступил с докладом «Собирайте русскую бытовую старину!»[1] В нем Б. В. Зайковский обратил внимание собравшихся на тот факт, что рост и развитие музея идут в высшей степени неравномерно: в то время как археологическими памятниками заполнены целые витрины и стены большого зала, когда под находки с Увекского городища отведена целая комната, более поздняя история края (Зайковский называет ее «русский период») представлена настолько скудно, что насчитывает едва ли более 100 предметов. Причину такого явления докладчик видел в самих исследователях и собирателях, в укоренившихся у них убеждениях, что окружающие предметы, предметы ближайших предков не стоят их внимания.

«А между тем, – продолжал Б. В. Зайковский, – в Петербурге и Москве, в Киеве, Казани и других городах издавна существуют этнографические музеи, в которых находит приют бытовая старина».

«Саратовско-Самарский край, – отмечает он далее, – по занимаемой территории – целое государство. 6,5 миллионов его населения состоят из самых разнообразных этнических групп, их быт и культура требуют своего изучения. Необходимость открытия у нас этнографического музея настолько уже назрела, что доказывать ее не приходится. Тем более очевидна эта потребность именно в наше переходное время, когда «бытовые формы внешней культуры» переживают кризис, когда им угрожает серьезная опасность со стороны фабрик и заводов, продукция которых стремительно проникает даже в самые глухие уголки провинции»[2].

Доклад Б. В. Зайковского вызвал единодушное одобрение собравшихся членов комиссии, и они приняли специальное постановление, в котором записали: «Поручить Правлению комиссии разработать вопрос о способах устройства этнографического отдела при музее СУАК»[3]. В последующее время была предпринята попытка организационно оформить это решение. Работая над новой структурой музея, в проекте правил внутреннего распорядка комиссия предусмотрела создание наряду с уже существовавшими

---

[1] **Зайковский, Б. В.** Собирайте русскую бытовую старину! /Б. В. Зайковский //Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30.

[2] Зайковский Б. В. Указ соч. С. 247 – 248.

[3] Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 14.

палеонтологическим и археологическим также и этнографического отдела[1].

Для активизации собирательской работы правление СУАК подготовило специальные письма и разослало их в различные организации и местные органы управления губернии с тем, чтобы последние оказали им поддержку.

В материалах «Делопроизводства Саратовской ученой архивной комиссии» Государственного архива Саратовской области сохранилось письмо за подписью председателя комиссии Н. Н. Минха и правителя дел Н. Ф. Хованского в Сокольское волостное правление Сердобского уезда (ныне Сердобский р-н Пензенской обл.): «В существующем при комиссии музее организуется этнографический отдел, в котором подлежит собрать вещи, характеризующие быт и занятия жителей Саратовского края. Между прочим, в Саратовском крае имеются кустари-горшечники, выделывающие разные глиняные вещи и игрушки с поливной глазурью и простые. Интересные образцы таких вещей по сведениям комиссии имеются у горшечника в Соколке Михея Федоровича Егорова. Комиссия очень желала бы иметь такие вещи в своем музее, в одном экземпляре каждый образец.

В этих видах Комиссия обращается к Правлению, не найдет ли оно возможным уговорить направить Михея Егорова для музея комиссии образцы своих изделий»[2]. Образцы сокольской керамики и по сей день хранятся в музеях Саратова и Пензы, а также в Государственном Русском музее.

Большая коллекция (сто предметов) образцов русской крестьянской вышивки поступила от жителя города Орла – Льва Александровича Цурикова. История этой коллекции весьма любопытна. Она поступила в музей не без инициативы члена СУАК Сергея Александровича Щеглова, который был участником Предварительного съезда деятелей музеев, проходившего в Москве 27 декабря 1912 года в здании Императорского Российского Исторического музея (ныне ГИМ). «На этом съезде, – вспоминает Щеглов, – случай дал мне возможность близко познакомиться с г-ном Цуриковым. Он выступил на съезде с горячим призывом о собирании памятников народного творчества. Я поведал ему, как музей нашей архивной комиссии нуждается в образовании отдела

[1] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 253. Л. 16.

[2] Там же. Д. 244. л. 156.

этнографии и как слабо у нас идет дело по собиранию памятников народного творчества. Я очень просил его познакомить меня со своей деятельностью в этой области, т.к. из его речей видел, что он уже давно занимается собиранием бытовой старины. К моему великому удовольствию, г-н Цуриков, жертвуя для музея нашей архивной комиссии 100 штук образцов вышивок, собранных в Кирсановском, Моршанском (ныне Кирсановский и Моршанский р-ны Тамбовской обл.) и Шацком (ныне Шацкий р-н Рязанской обл.) уездах Тамбовской губернии, Чембарском (ныне Белинский р-н Пензенской обл.) – Пензенской губернии и Сапожокском (ныне Ряжский р-н Рязанской обл.) – Рязанской губернии, рассказал мне, что все они относятся к великорусскому племени и принадлежат к работам исключительно крестьян и к принадлежностям крестьянских одежд»[1].

Иногда к этнографическим исследованиям члены СУАК привлекали крестьян. Так, уже упоминавшийся нами в предыдущем параграфе А. А. Кротков, работая учителем в с. Князевка Петровского уезда привлек крестьянина этого села Г. К. Заварицкого к сбору местного фольклора. Причем в 1915 и 1916 годах в журнале «Этнографическое обозрение» были опубликованы две его работы: «Из легенд и поверий Саратовского Поволжья о змеях», «О том свете и об этом. Рассказы Саратовского Поволжья»[2].

Несмотря на предпринятые усилия руководства комиссии и ее членов научные исследования практически не проводились. Да и ситуация, сложившаяся к этому времени в стране и губернии, – начавшаяся Первая мировая война, а затем революционные события не располагали к этим занятиям.

Пензенская ученая архивная комиссия этнографические исследования проводила в гораздо меньшей степени, чем две предыдущие комиссии. Такое положение сложилось в силу того, что она была создана гораздо позднее, поэтому большая часть этнографических исследований в губернии проводил статический комитет, кроме того, большинство членов ПУАК уже состояли в ПГСК. В изданных ПУАК трех томах «Трудов» этнографии места не уделено. Поэтому многие сотрудники ученой архивной комиссии

---

[1] **Щеглов, С. А.** Предварительный съезд деятелей музеев в Москве. (Доклад) /С. А. Щеглов //Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 31. С. 183 – 184.

[2] **Захаров, В. М.** Деревенский историк /В. М. Захаров //Гуманитарные науки. Саратов, 2005. С. 49 – 50.

публиковали свои этнографические материалы, наряду с другими, в периодических или иных изданиях. ПУАК не ставила определенных задач в области этнографии, как это делали соседи, работа здесь велась спонтанно, в большинстве случаев по инициативе центральных научных обществ, отсюда и незначительность результатов.

В заключение можно сказать, что несмотря на рост этнографических исследований в стране во второй половине XIX века, все же в провинции темп их отставал от археологической деятельности.

Наибольших успехов в этнографическом изучении своих губерний добились ТУАК и СУАК. Причем последняя, заложила основы для создания собственного этнографического музея (в Тамбове историко-этнографический музей был создан ещё в 1879 году). Пензенские архивисты такого уровня этнографических исследований своей губернии, к сожалению, не достигли.

На рубеже XIX – XX веков все же были заложены основы провинциальной этнографии. Несмотря на то, что работы краеведов в большинстве носили описательный характер, они в совокупности создали необходимый базис для изучения народов своих губерний. На наш взгляд, расцвет этнографической науки в российской провинции приходится на 1920-е годы, чему, несомненно, способствовала деятельность ГУАК в этом направлении.

III. 3. Деятельность ученых архивных комиссий в области охраны памятников истории.

В конце XIX – начале XX века культурное наследие страны находилось в ведении многочисленных государственных учреждений и частных лиц. Его судьба, оставалась за пределами официального законодательства, определялась различными, зачастую противоречившими друг другу, правилами и инструкциями. Деятельность ведомств в отношении памятников старины не координировалась каким-либо центральным органом и как следствие бесконтрольность и параллелизм в действиях. Неспособность правительства разрешить проблему в законодательном порядке заставляла взяться за ее решение научную общественность. После проведения Первого археологического съезда (1869), обсудившего в числе прочих вопрос об охране памятников старины, при

Московском археологическом обществе была создана Комиссия по сохранению древних памятников[1]. Ко Второму археологическому съезду (1871) был подготовлен проект «Положения» об охране памятников старины, в разработке которого приняли участие видные российские историки С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. С. Уваров и другие. Проект предусматривал осмотр всех сохранившихся объектов старины и составление единого свода памятников специальной комиссией из представителей Академии наук, Академии художеств и различных научных исторических обществ[2]. В 1876 году под руководством статс-секретаря А. Б. Лобанова-Ростовского при Министерстве народного просвещения была учреждена Особая комиссия для обсуждения предложений о мерах по сохранению памятников истории и культуры. Комиссия подготовила «Проект правил о сохранении исторических памятников», где впервые определялись категории памятников, которые должны охраняться государством. Для общего руководства работами предлагалось создать Императорскую Комиссию. В целях «… ближайшего исследования памятников и наблюдения за их целостью» намечалось создать археологические округа в составе нескольких губерний во главе с университетским центром. Пензенскую, Саратовскую и Тамбовскую вместе с Казанской, Нижегородской и Симбирской губерниями предполагалось включить в Казанский археологический округ. Однако Министерство финансов не выделило средства на реализацию проекта[3]. Разрушение археологических и исторических памятников привело к тому, что в 1889 году Александр III издал указ о запрещении раскопок и реставрации памятников древности без согласования с Археологической комиссией и Академией художеств[4]. В 1898 году председатель Археологической комиссии А. А. Бобринский выступил с предложением создать при Министерстве внутренних дел комиссию для разработки положения об охране памятников старины, куда бы вошли представители заинтересованных ведомств и историко-археологических обществ, а

---

[1] См.: **Фролов, А. И.** Московское археологическое общество и охрана памятников старины в дореволюционной России /А. И. Фролов //Вопросы охраны и использования памятников старины и культуры. М., 1990. С. 74 – 88.

[2] РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 509. Ч. 1. Л. 3 – 4 об.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1887 г. Д. 69. Л. 603 – 630.

[4] Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. 1. С. 592 – 593.

также организовать при губернских статистических комитетах отделения по составлению свода памятников[1]. Ученые архивные комиссии, возникшие пятьюдесятью годами позднее ГСК также стали выполнять функцию накопителей материалов.

Таким образом, к моменту создания и в первые годы деятельности ГУАК проблема сохранности российских древностей активно обсуждалась на самых разных уровнях. Однако, несмотря на многочисленные предложения, вопрос так и не был решен в законодательном порядке. Единственным документом на который могли опираться ГУАК было «Положение» 1884 года, которое включало в круг их обязанностей поиск, описание и научную обработку различных памятников материальной культуры: «Ученые комиссии, независимо от прямой своей обязанности, могут, по местным обстоятельствам, заключить в круг своих занятий разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины»[2]. Таким образом, деятельность комиссий в исследовании памятников старины осуществлялась в трех основных направлениях: выявление, исследование и описание памятников; обсуждение поступающих в комиссии проектов, их ремонта и реставрации; принятие возможных мер к охране от порчи или уничтожения. С целью облегчения деятельности комиссий Министерство внутренних дел по ходатайству Археологического института в 1886 году подготовило циркулярное распоряжение, согласно которому в ГУАК должны были подаваться списки предназначенных на продажу с торгов и аукционов предметов историко-археологического значения[3]. МВД постоянно рассылало по губерниям циркуляры. Так, в сентябре 1901 года в губернии и отдельные города России поступил очередной циркуляр, который требовал представить списки памятников старины. Однако на местах данные о состоянии памятников и методах их охраны, как правило, отсутствовали. Большинство губернаторов при составлении отчетов ограничивались списками памятников без каких-либо описаний и обоснований их действительной исторической ценности. Таковы были дела по

[1] РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 30. Л. 7 – 8.

[2] Цит. по: **Комарова, И. И.** Охрана памятников архитектуры в провинциальных научных обществах /И. И. Комарова //Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни. Материалы Всероссийской научной конференции. Пенза, 1996. Кн. 1. С. 280.

[3] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1886 г. Д. 43. Л. 2, 20, 65, 66.

сохранению исторических памятников, поступивших из Пензенской, Тамбовской и Саратовской губерний[1].

Деятельность многих ГУАК по охране памятников архитектуры протекала главным образом в русле церковной археологии, в силу этого одним из условий их успешного функционирования была координация действий провинциальных историков с епархиальным начальством. В декабре 1885 года Тамбовская комиссия обратилась к руководству епархии с ходатайством о запрещении уничтожения предметов церковной старины и перестройки памятников церковной архитектуры без согласования с нею, так как случаи проявления некомпетентности в данной области были достаточно распространенным явлением в губернии. «Древние храмы, – писал А. Н. Норцов, – обезображиваются переделкой и невежественной реставрацией, памятники старины нередко «… за ветхостью» совершенно уничтожаются, а их составные части растаскиваются и служат для постройки других зданий; лики икон древнего письма замазываются богомазами новой масляной краской; старинные серебряные басменные оклады у древних икон заменяются новыми ризами, а самые церковные вещи часто продаются для переливки в слитки»[2]. Подобное положение заставило комиссию, не дожидаясь ответа, приступить к сбору сведений об имеющихся в губернии церковных древностях. В августе 1885 года священник А. Л. Лебедев и бывший преподаватель Козловской гимназии Ф. П. Пацюков обследовали церковь в с. Громушки Козловского уезда и обнаружили в ней более двух десятков старинных икон и предметов церковной старины, а также рукописное Евангелие начала XV века. На основе полученных сведений они не исключили возможности, что иконы в прошлом являлись частью иконостаса Московского Успенского собора или одной из церквей Троице-Сергиевой лавры. Определив художественное значение икон, комиссия поставила вопрос об обязательной их сохранности. Впоследствии ТУАК дважды возвращалась к вопросу об охране памятников церковной археологии в с. Громушки: в 1904 году в связи с предполагавшимся сносом церкви и в 1910 году, после осмотра, описания и фотосъемки старинного храма и находившихся в нем предметов. На заседании 19 августа 1885 года В. В. Соловский, посвятивший свое выступление

[1] РГИА. Ф. 1284 Оп. 188. Д. 124, 129, 99.

[2] **Норцов, А. Н.** Губернские ученые архивные комиссии и их значение /А. Н. Норцов //ИТУАК. Тамбов, 1905. Вып. 50. Ч. 2. С. 55.

описанию памятников г. Липецка, предложил силами комиссии составить общий список всех губернских памятников старины.

В 1896 – 1897 годах Б. Г. Фиксен по результатам визуального обследования составил список памятников церковной архитектуры губернии, нуждающихся в охране государства[1]. В него был включен ряд монастырей и церквей XVI – XVII веков: Тамбовские Казанский мужской и Вознесенский женский, Лебедянский Троицкий, Шацкий Чернеев, Темниковский Санаксарский, Козловский Ильинский, Добринский Вознесенский, Тихвинский монастыри; Вышенская, Петропавловская, Добринская, Преображенская, Красногорская пустыни; церкви Николаевская в г. Шацке, Никольская в с. Малое-Пичаево, Богоявленская в с. Хлыстово, Космодемьянская в с. Токмаково, Архангельская в с. Сселки.

В очерке В. П. Соколова «25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886 – 1911», в частности, указывалось, что комиссии пришлось бороться с тем, чтобы Саратовский кафедральный собор перестраивался с учетом его исторической ценности: «… в начале весны 1910 года составлен был особый Комитет по перестройке и капитальному ремонту этого собора, который (Комитет) и рассчитывал в недалеком будущем приступить к работам, не считаясь с тем обстоятельством, что собор – памятник 1812 года и что план его был в свое время (26 августа 1814 г.) Высочайше утвержден, а потому и изменен может быть только с Высочайшего же соизволения, а так как Комитет не испросил последнего, то в дело вмешалась наша комиссия, сообщив о намерении Комитета той же Археологической комиссии, которая, по соглашению со Святейшим Синодом и Академией художеств, наложила свое вето на проект Комитета по перестройке собора»[2]. Десятью годами раньше СУАК удалось предотвратить снос храма Иоанна Предтечи в Царицыне (ныне Волгоград)[3].

5 января 1907 года Пензенская ученая архивная комиссия получила письмо архитектора Строительного отделения В. П. Семячкина, в котором говорилось о намерении крестьян с. Макаровка Саранского уезда (ныне Республика Мордовия) снести старую церковь и на её месте построить новую. ПУАК провела

---

[1] **Фиксен, Б. Г.** Об осмотре старинных церквей в Тамбовской епархии /Б. Г. Фиксен //ИТУАК. Тамбов, 1897. Вып. 42.

[2] Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии… С. 186.

[3] Захаров В. М., Захарова Т. А. Саратовская ученая архивная комиссия… С. 77.

соответствующую работу, в результате которой выяснилось, что старая церковь была построена в конце XVII – начале XVIII века и является архитектурным и историческим памятником и поэтому сносу не подлежит[1]. В 1915 году ПУАК просила настоятеля пензенской Спасо-Преображенской церкви не производить после пожара «… никакого ремонта без предварительного согласия архивной комиссии так как церковь представляет в архитектурном отношении громадный интерес»[2].

С приходом в Тамбовскую ученую архивную комиссию А. Н. Норцова ее деятельность по выявлению и охране памятников истории и культуры получила новый импульс. Активизация работы ТУАК в данной области стала предметом особой заботы нового председателя. «Время не ждет, – заявил он в одной из первых своих речей на заседании 11 декабря 1900 года, – памятники старины разрушаются и нам нельзя дожидаться, пока их совсем не будет. Нам необходимо действовать скоро и решительно»[3]. В этих целях была сформирована специальная подкомиссия во главе с А. Н. Норцовым, в которую вошли Б. Г. Фиксен, Н. И. Орлов, А. И. Самоцветов, Ф. С. Соколов, П. П. Сущинский, А. А. Щеголев, Д. Е. Голубев. В январе 1901 года был утвержден разработанный председателем план по обследованию, предназначенных к реставрации объектов, как визуальным путем, так и при помощи анкетирования. Значительным успехом комиссии стала договоренность, достигнутая с епископом Тамбовским и Шацким Георгием. Последний предоставил ТУАК право выполнять функции местного археологического общества по отношению к памятникам церковной старины и обязал настоятелей монастырей присылать в ее адрес за год до начала реставрации архитектурные планы церковных зданий, а также сведения об объемах предполагавшихся работ. Между тем полномочия ученых архивных комиссий в данной области были достаточно неопределенны и ни коем образом не регулировались правовой базой. Во избежание недоразумений А. Н. Норцов обратился за разъяснениями в вышестоящие инстанции о границах компетенции местных историков. В письме от 18 января 1901 года на имя директора Археологического института Н. В. Покровского он сообщил о решимости комиссии действовать, «…

[1] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 13. Л. 26.

[2] Там же. Д. 57. Л. 4.

[3] **Норцов, А. Н.** Об охране памятников старины /А. Н. Норцов //ИТУАК. Тамбов, 1901. Вып. 45. С. 9.

чтобы сохранить хотя бы что-нибудь из остатков старины, и тем не навлечь на себя впоследствии справедливых нареканий в равнодушном отношении к этому очень важному вопросу»[1]. Такое же письмо, в котором определялся характер предполагавшихся мер, было направлено в адрес Археологической комиссии. Последняя приветствовала намерение тамбовских историков включить в круг своей деятельности вопросы охраны памятников старины и выразила готовность оказать им всемерное содействие. В то же время им напоминали о том, что разрешение на реставрацию памятников является исключительным правом Археологической комиссии и постановления ГУАК на этот счет могут носить лишь рекомендательный характер[2].

Однако объектами изучения комиссий становились не только памятники архитектуры, но фрески и иконы. Так, например, в 1910 году ТУАК были приняты меры к обеспечению сохранности старинной иконы Святой Троицы, подаренной Лебедянскому монастырю царем Алексеем Михайловичем. Получив извещение о начавшейся реставрации иконы, комиссия настояла на прекращении работ с тем, чтобы иметь возможность изучить её состояние. По поручению ТУАК А. И. Самоцветов обследовал икону и написал её легенду на основе материалов монастырского архива. В результате комиссия приняла решение об отсрочке начала реставрации и необходимости пригласить квалифицированного специалиста из столицы. Два года спустя архивисты консультировали духовную консисторию по поводу предполагавшегося обновления резной оправы старинного иконостаса церкви в с. Никольском Спасского уезда. В данном контексте также следует заметить, что при А. Н. Норцове все же больше внимания уделялось охране археологических памятников.

В 1904 году Строительный комитет по ремонту Старого собора в Саратове, при сносе крыши над открытой, окружающей собор, галереей, обнаружил на стенах орнаменты (сандрики) конца XVII века, из которых большая часть была в полуразрушенном состоянии, и комитет недоумевал, что с ними делать – восстановить или уничтожить их окончательно? СУАК сообщила в Археологическую комиссию о положении дела с вопросом об участи орнаментов.

[1] ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.
[2] Там же. Л. 23.

Комиссия в своем письме от 23 июня 1904 года на имя Саратовского епископа Гермогена советовала орнаменты сохранить, что и было сделано[1].

Настоятель пензенской Покровской церкви в 1911 году перед началом работ по замене главного иконостаса, запрашивал Пензенскую ученую архивную комиссию, не будет ли с её стороны каких-либо возражений[2]. 21 февраля 1914 года ПУАК отправила в Археологическую комиссию снимок намечавшегося к замене иконостаса Богоявленской церкви села Языковая Пятина (ныне Инсарский р-н Республика Мордовия). Комиссия признала иконостас «… не лишенным художественно-архитектурного интереса» и рекомендовала его сохранить. О необходимости сохранения иконостаса ПУАК сообщила Пензенской духовной консистории и иконостас был сохранен[3].

Однако ГУАК стояли на охране не только церковных памятников. Как мы уже говорили в первом параграфе данной главы, особой заботой всех комиссий были окружены археологические памятники. Благодаря им современная археологическая наука имеет неоценимую источниковую базу и спасенные памятники археологии. Так, например, член СУАК В. П. Попов писал: «… против практиковавшегося до сих пор в широких размерах тайного и явного расхищения древностей на местах их нахождении приняты были соответствующие меры. Так, в начале января и в половине апреля 1893 года председатель комиссии кн. Голицын просил Саратовского губернатора кн. Б. Б. Мещерского и местную железнодорожную администрацию принять меры к охране памятников древности, могущих открыться при производстве земляных работ, предпринятых Рязанско-Уральским Обществом по проведению вновь строившихся железнодорожных линий на Набережном Увеке, и вместе с тем вошел по этому поводу в Императорскую Археологическую комиссию с представлением о необходимости принять меры к предотвращению незаконного пользования предметами древности со стороны не причастных комиссии лиц»[4].

В 1914 году Пензенской архивной комиссией, за подписью губернатора, было сделано предписание пензенскому полицмейстеру:

---

[1] Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии… С. 186.
[2] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 18. Лл. 1 – 2.
[3] Там же. Д. 48.
[4] Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии… С. 95 – 96.

«Имея ввиду, что на том месте, где в настоящее время начаты работы по сооружению Дома им. В. Г. Белинского, в старые годы была крепость, а потому при производстве земляных работ весьма возможно могут быть обнаружены какие-либо предметы древности или подземные сооружения, предлагаю Вам при посредстве чинов вверенной Вам полиции иметь надлежащее к тому наблюдение и в случае обнаружения чего-либо заслуживающего внимания в историческом или археологическом отношении немедленно мне доносить»[1].

Кроме этого спасали от гибели и отдельные здания, которые с точки зрения членов ГУАК носили историческую ценность. По инициативе членов СУАК в посаде Дубовка Саратовской губернии (ныне Волгоградская обл.) были сохранены здания, относящиеся к периоду царствования Анны Иоанновны. «Дома эти, – писал В. П. Соколов, – служили крепостями и были снабжены пушками; под домами много было секретных подземных ходов, шедших к речке Дубовке, к берегу Волги и к Успенсому собору, стоящему на площади»[2].

Особый размах деятельность ГУАК в данном направлении приобрела в связи с подготовкой к трехсотлетнему юбилею дома Романовых. В январе 1913 года Департамент общих дел МВД обратился ко всем комиссиям с просьбой сообщить сведения «… о памятниках, сооруженных в честь высочайших особ и выдающихся исторических событий за последнее трехсотлетие с указанием того, когда и на чьи средства они сооружены и, по возможности, с приложением фотоснимка»[3]. Вследствие тесной исторической связи Тамбовского края с императорской фамилией местные историки сочли своим прямым долгом начать сбор сведений об уцелевших памятниках начального периода династии. С этой целью в бывший город Романов (ныне с. Романово Липецкой обл.) была командирована специальная экспедиция. К сожалению, обнаружить удалось немногое: малочисленные сохранившиеся памятники, в том числе Евангелие первой половины XVII века, уже были переданы по ходатайству члена комиссии М. П. Трунова в основанный им музей Липецкого Петровского общества. Выяснилось также, что на месте нахождения боярского дома в свое время была возведена памятная

[1] ГАПО. Ф. 131. Оп. Д. 49. Л.1.
[2] Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии… С. 186.
[3] ГАПО. Ф. 131. Д. 38.

часовня, впоследствии разрушенная. В ознаменование юбилея комиссия постановлением общего собрания от 12 июля 1912 года решила восстановить памятник. 22 октября 1913 года при большом стечении народа состоялось освящение часовни, а спустя два дня в адрес комиссии поступила телеграмма с выражением благодарности от лица императора[1]. Пензенская и Саратовская комиссии лишь зафиксировали, имеющиеся памятники и отправили их в виде таблиц.

Заслуживает внимания также факт участия ГУАК в разработке законодательства об охране исторических памятников. В 1904 году при Министерстве внутренних дел была создана Комиссия по пересмотру действующих законодательных актов об охране памятников и зданий с целью подготовки проекта будущего закона. Проект нового закона был направлен на экспертизу в научно-исторические и археологические общества, в том числе и ГУАК. В нем вновь выдвигалась идея создания археологических округов, определялись основные категории памятников истории и культуры, нуждающихся в защите государства, предполагалось также создать сеть местных учреждений для выполнения функций охраны памятников во главе с центральным органом[2]. Кстати, именно в это время появляется понятие «памятник архитектуры» в значении: сооружение, выдающееся по своим художественно-историческим и эстетическим качествам. Понятие это вычленялось из понятия «памятник древности» в процессе дифференциации историко-археологической науки, в значительной степени благодаря деятельности научных обществ, в том числе и ГУАК.

Этот проект обсуждался всеми ГУАК. Так, на заседании 21 сентября 1905 года он был рассмотрен членами Тамбовской комиссии, которые выработали ряд пожеланий и предложений, направленных в Министерство внутренних дел. Прежде всего, они не согласились с предложением включить Тамбовскую губернию в состав Казанского археологического округа и высказались за ее выделение в отдельный округ. Подобное предложение аргументировалось тем, что исторически различные части края тяготели к разным соседним территориям: северо-восточная часть – к регионам, включенным в Казанский округ, северо-западная и средняя – к Рязанским землям, южная – к Харьковским. Во-вторых, комиссия

[1] Аленова В. А.., Мизис Ю. А. История Тамбовского краеведения… С. 288 – 289.

[2] РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 11. Ч. 1. Л. 131 – 134.

предложила законодательно зафиксировать деятельность по охране памятников старины как непременную обязанность ГУАК. На предложение о возможном изменении состава в случае официального предоставления им охранительных функций комиссия дала отрицательный ответ. Не усматривая в принципе такой необходимости, она пожелала оставить за собой право избирать в районах особо богатых памятниками собственных «корреспондентов-консерваторов». В их обязанности должен входить осмотр памятников и представление в комиссию отчетов. На предложение о возможном привлечении к участию в расходах на охрану памятников земских и городских учреждений ТУАК дала утвердительный ответ. Что же касается предоставления им охранительных функций, то она посчитала нежелательным передачу подобной прерогативы кому-либо, кроме местных научных обществ, оставив, впрочем, за правительственными и общественными учреждениями право присутствовать их представителям на заседаниях ГУАК. Вопрос о включении в законопроект положения об отчуждении за вознаграждение памятников старины, находящихся в частных руках, был решен комиссией в принципе положительно. Однако она предложила устанавливать в каждом отдельном случае соглашение, фиксирующее условия исследования и демонстрации памятника. Если же не достигалось соглашение о его купле-продаже комиссия предлагала обязать владельцев извещать комиссии о предположительной реставрации или передаче памятника в собственность другого лица. И, наконец, было выражено полное согласие с пунктом о карательных мерах за безвозвратный вывоз предметов старины за границу или их разрушение, а также установлении в законодательном порядке ответственности властей за сохранность находящихся в их ведении памятников. Как мы видим, предложения тамбовских историков были направлены на расширение прав ГУАК в области охраны памятников на местах и предоставление им больших, по сравнению с существовавшими, полномочий. Подобная позиция была поддержана большинством ГУАК и центральными научно-историческими обществами. Московское археологическое общество, к примеру, высказалось против создания новых губернских органов по охране памятников, ввиду недостатка «ученых и художественно развитых людей» на местах, и предложило

полностью передать его в ведение архивных комиссий[1]. К сожалению, данный проект закона, как и последующие его варианты, многократно дорабатывавшиеся согласно решениям Государственной думы, так и не были утверждены.

Подводя итоги деятельности ГУАК в сфере охраны памятников старины, следует признать их определенный вклад в дело сохранения памятников истории и культуры, прежде всего, церковных и археологических. При этом необходимо иметь в виду, что в силу неопределенности своего правового статуса и отсутствия законодательства в области охраны памятников, им приходилось работать в условиях полной зависимости от воли местной светской и церковной администрации, далеко не всегда проявлявшей понимание к задачам комиссий. Однако в основном охрана памятников старины в России (особенно в провинции) заключалась в коллекционировании и научном описании материалов историко-культурного значения, а также составлении списков зданий, сооружений являющихся памятниками истории и культуры. Эти мероприятия на местах проводились чаще всего по заданию из центра и гораздо реже по указанию губернских властей. Иногда комиссии сами проявляли инициативу. Так, председатель ТУАК А. Н. Норцов разработал план обследования требовавших ремонта и реставрации памятников станины и попытался его осуществить. Однако в тех условиях как с горечью и досадой писал саратовский архивист В. П. Соколов: «Комиссии бессильны предпринять что-либо решительное по охране памятников старины, остается одно – «покорнейше» да «почтительнейше» просить власти, начиная с губернатора и исправников и кончая становыми приставами, урядниками и волостными правлениями, «принять зависящие от них меры»… Комиссия это и делала, и продолжает делать. Прочитайте её протоколы и вы увидите, сколько затрачено ею времени и труда на рассылку этим властям ходатайств, просьб, воззваний, обращений с предложениями защитить памятники старины и отсылать их, для вечного хранения, в комиссию»[2]. Эта деятельность ГУАК зачастую не была успешной. Кроме составления списков дело чаще всего дальше не шло. Положительным моментом в этой работе можно считать создание музеев в российской провинции, о которых у нас пойдет речь в следующем параграфе.

[1] РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 11. Ч. 2. Л. 127.

[2] Соколов В.П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии… С. 177.

III. 4. Музеи при губернских ученых архивных комиссиях как основа формирования музейной сети в провинции.

Говоря о развитии музейного дела в нашей стране во второй половине XIX – начале XX века следует заметить, что музеи здесь появлялись дискретно с большими перерывами во времени, сначала только в Петербурге, затем в Москве, наконец, в отдельных губерниях. Причем, временами за десятки лет не возникало ни одного музея. Приблизительно с 1880-х годов начался процесс формирования музейной сети России, закладывались основы музейной сети отдельных регионов. В провинции – сначала при статистических комитетах, затем при губернских ученых архивных комиссиях, церковных комитетах, научных обществах. Складываются разнообразные профильные группы, например, церковно-археологических, промышленных музеев или полковых, педагогических музеев. Мы же рассмотрим деятельность музеев при ГУАК, т.к. только они были в полном смысле этого слова краеведческими. На наш взгляд, все остальные музеи, а также собрания с теми или иными признаками музеев не были краеведческими, т.к. не имели ни такого предназначения, ни преобладания в своем фондовом составе предметов местного происхождения; профиль подобных музеев и собраний был краеведческим частично, не являясь определяющим. Лишь музеи при ГУАК становятся центрами изучения края, инициаторами организаций археологических исследований и экспедиций по изучению природы, быта, этнографии, промыслов и памятников старины, издают сборники материалов. В большинстве своем они создавались на базе уже существовавших музеев губернских статистических комитетов. Здесь уместным будет показать динамику процесса создания местных музеев. Если в 1840-х годах в России был организован только один музей местного края, в 1850-х годах – 4, в 1860-х – 4, то с 1870-х годов кривая роста идет вверх: 1870-е годы – 8 музеев, 1880-е – 13, 1890-е – 14, 1900-е – 16[1].

В общероссийском русле развивалась музейная сеть Тамбовской, Саратовской и Пензенской губерний. Так, например, вопрос о создании музея в Пензенской губернии поднимался на страницах

[1] **Формозов, А. А.** Страницы истории русской археологии /А. А. Формозов. М., 1961. С. 158.

местной печати ещё в середине 1860-х годов[1], в Тамбове мысль о создании музея впервые была высказана секретарем губернского статистического комитета К. В. Коханским в 1873 году[2], музейное строительство в Саратовской губернии началось в 1880-х годах[3].

Первым, из вышеперечисленных губерний, музей открылся при ТУАК, в силу того, что и комиссия была открыта в Тамбове раньше остальных. Однако еще 10 сентября 1879 года при губернаторе А. А. Фредериксе состоялось совещание на котором было решено создать специальную комиссию для разработки концепции будущего музея. В декабре 1879 года она была преобразована в постоянный комитет. Его председателем был известный тамбовский меценат Э. Д. Нарышкин, вице-председателем – Л. А. Воейков, секретарем – депутат дворянского собрания Тамбовского уезда С. Н. Чичерин, казначеем – директор Екатерининского института С. В. Попов. В состав комитета вошли также И. И. Дубасов, архимандрит Димитрий, председатель губернской земской управы Л. В. Вышеславцев. Однако к началу 1880-х годов энтузиазм дарителей и создателей музея несколько остыл и работа приостановилась[4].

Вопрос об открытии музея оставался нерешенным вплоть до учреждения в Тамбове ученой архивной комиссии, после чего коллекции, собранные ТГСК и частными лицами поступили в ее распоряжение. При открытии ТУАК музей состоял из четырех отделов: рукописного, художественного, нумизматического, палеонтологического. Имелись также отдельные предметы для будущих этнографического и минералогического отделов.

Первым хранителем музея стал П. И. Пискарев, наблюдение за порядком и сохранностью предметов было поручено С. К. Платоновой. Уже первый год существования музея ознаменовался значительными пополнениями его фондов. Так, от Л. В. Вышеславцева поступило 40 предметов из Лядинского могильника; С. К. Платоновой – коллекция из 49 экземпляров старинных крестов

---

[1] См.: **Зименков, В. Н.** Формирование музейной сети Пензенской губернии в конце XIX – начале XX веков /В. Н. Зименков //Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 40.

[2] См.: Аленова В. А., Мизис Ю. А. Указ. соч. С. 273.

[3] См.: **Миронов, В. Г.** К истории областного музея краеведения (1918 год) /В. Г. Миронов //Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1996. Вып. 4. С. 62.

[4] См.: Аленова В. А., Мизис Ю. А. Указ. соч. С. 273.

и складней; священника В. С. Викторова – 21 предмет церковных древностей; купца А. И. Зотова – железная кольчуга, найденная в г. Козлове[1].

Губернский музей пополнялся также за счет экспонатов, поступавших из центральных научно-исторических обществ. Так, неоднократно присылала в адрес ТУАК археологические находки и нумизматические коллекции Археологическая комиссия. В 1890 году были получены серебряные, бронзовые и железные предметы из Томниковского могильника, в 1892 году – 58 серебряных копеек из клада, найденного в с. Шаморги Шацкого уезда, в 1893 году – серебряный шейный обруч из числа 37 предметов, обнаруженных в Чердынском уезде Пермской губернии, в 1900 году – два медных браслета из могильника у с. Сергиевка Лебедянского уезда[2]. В 1892 году музей посетил председатель Археологической комиссии А. А. Бобринский, впоследствии пожелавший помочь его развитию. По возвращении в Петербург он подарил комиссии большую коллекцию археологических находок из раскопок в Шацком уезде.

В начале XX века, в связи с ростом фондов музея, начинает меняться и его структура. Музей состоял уже из семи отделов: церковного, археологического, палеонтологического, нумизматического, бытовых предметов, рукописного и иллюстративного. Всего в музее к 1916 году хранилось 1270 экспонатов[3]. Причем до 1890-х годов музей комиссии был закрыт для посетителей. Как свидетельствует отчет ТУАК за 1890 год, главной причиной были финансовые трудности. «Хотя в настоящее время, – говорилось в нем, – музей располагает достаточной коллекцией разных предметов... комиссия не находит удобным открыть в него доступ, так как весьма мало вероятно, чтобы сопряженные с его открытием расходы возместились платой с посетителей»[4]. Тем не менее с 1892 года было решено открыть музей для бесплатного

---

[1] Отчет о деятельности Тамбовской ученой архивной комиссии за 1886 год //ИТУАК. Тамбов, 1887. Вып. 17. С. 14.

[2] ГАТО. Ф. 178. ОП. 1. Д. 25. Л. 5; Там же. Д. 23. Л. 29.

[3] **Самоцветов, А. И.** Каталог предметов, хранящихся в музее состоящем под высочайшим его императорского величества государя императора покровительством Тамбовской ученой архивной комиссии /А. И. Самоцветов. Тамбов, 1916.

[4] Отчет о деятельности Тамбовской ученой архивной комиссии за 1890 год //ИТУАК. Тамбов, 1890. Вып. 31. С. 5.

посещения в воскресные дни. По свидетельству местной прессы, основными посетителями были учащиеся гимназий и училищ. В день музей посещали 30 – 40 человек[1].

С завершением в 1893 году строительства Нарышкинской читальни фонды музея из-за нехватки площадей, находившихся в распоряжении комиссии, были переданы в ведение Общества по устройству народных чтений. Однако вскоре выяснилось, что Общество не особенно заинтересовано в развитии музея. Отчет ТУАК за 1894 год констатировал, что оно «… не нашло для себя удобным хоть как-то проявить внимание к трудам архивной комиссии и не участвует в судьбе музея»[2]. Более того, в 1900-х годах правление Общества несколько раз обращалось в комиссию с просьбой вывезти музей из своего здания, т.к. необходимо было расширить помещение для библиотеки. Выполнить эту просьбу комиссия не имела возможности и в результате музей вплоть до Октябрьской революции оставался в здании читальни. Все это время его положение было стесненным, а из-за отсутствия должного контроля имели место случаи хищения экспонатов. Так, например, в 1907 году пропало несколько ценных монет. С целью обеспечения сохранности экспонатов комиссия приняла предложение заведующего музеем А. И. Самоцветова открывать музей не чаще одного раза в месяц[3].

Некоторые из экспонатов музея становились предметом специальных исследований тамбовских историков. Так, А. Н. Норцов изучал двух каменных баб, одна из которых была найдена в начале XIX века в Козловском уезде, другая – выпахана в 1882 году из кургана близ с. Политова Тамбовского уезда[4].

Большое значение комиссия придавала систематизации и описанию музейных предметов. Всего за время существования музея ТУАК было издано три его каталога[5]. Они содержат ценные сведения

---

[1] **Б-в, А.** Музей Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов /А. Б-в //Тамбовский край. 1914. 4 января.

[2] Отчет о деятельности Тамбовской ученой архивной комиссии за 1895 год //ИТУАК. Тамбов, 1895. Вып. 40. С. 10.

[3] Отчет о деятельности Тамбовской ученой архивной комиссии за 1907 год //ИТУАК. Тамбов, 1909. Вып. 53. С. 12.

[4] **Норцов, А. Н.** О каменных бабах /А. Н. Норцов //ИТУАК. Тамбов, 1905. Вып. 50. Ч. 1. С. 111 – 126.

[5] **Дьяконов, П. А.** Опись предметам, хранящимся в Тамбовском историческом музее /П. А. Дьяконов. Тамбов, 1889; **Он же.** Каталог историко-этнографического музея. Тамбов, 1895; Самоцветов А.И. Указ. соч.

об экспонатах и позволяют проследить процесс комплектования музейных собраний комиссии.

С 1886 года начинается официальная история музея Саратовской ученой архивной комиссии. Хотя, по мнению саратовских краеведов В. М. и Т. А. Захаровых музей при СУАК создается лишь два года спустя[1]. На наш взгляд, это не совсем верно. Опубликованный С. С. Краснодубровским в 1890 году «Систематический каталог исторического музея Саратовской ученой архивной комиссии. 1886 – 1888 годы»[2] указывает на то, что музей СУАК уже существовал в 1886 году. Основу музейных фондов здесь также как и в Тамбове составили коллекции губернского статкомитета, а также мужской гимназии и духовной семинарии[3].

Музей СУАК первоначально назывался историческим, а затем историко-археологическим, так как в его фондах и экспозиции преобладали исторические и археологические коллекции. В этой связи отметим, что в пояснительном сообщении хранителя историко-археологического музея СУАК А. А. Гераклитова, сделанном им в 1918 году сказано: «Богатство Саратовского края в археологическом отношении, а также и научные интересы лиц, ставших во главе архивной комиссии, повели к тому, что с самого начала преимущественное внимание комиссии было направлено на сохранение, собирание и изучение именно главным образом памятников не письменной, а вещественной старины. Благодаря энергии и беззаветной преданности делу первых тружеников комиссии (ныне уже покойных) в первый же год возникновения комиссии при ней был из собранных как этими тружениками, так и пожертвованных предметов образовался историко-археологический музей. Размеры музея так быстро увеличивались, а интересы к нему были настолько велики: что уже через 3 – 4 года пришлось для удобства публики издать печатный каталог, который и был составлен тогдашним хранителем музея, местным археологом Медоксом»[4].

Хранителями музея были: К. П. Медокс (1892 –1896); А. А. Васильчиков (1897 – 1899); И. А. Покровский (1900); Б. В.

---

[1] Захаров В. М., Захарова Т. А. Указ. соч. С. 61.

[2] **Краснодубровский, С. С.** Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии в 1888 – 1889 году /С. С. Краснодубровский //Приложение ко второму выпуску II тома Трудов СУАК. Саратов, 1890. С. 19 – 27.

[3] ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 15. Л. 2.

[4] Там же. Л. 17.

Зайковский (1902 – 1911); С. А. Щеглов (1911 – 1915)[1]; А. А. Кротков (1915 – 1920)[2].

В первые же годы для исторического музея были собраны старинные карты, планы городов, приобретены ценные коллекции: монеты, окаменелости, домашняя утварь, одежда[3]. Так, например, в 1888 году Археологическая комиссия определила 348 экземпляров серебряных и медных восточных монет, значительная часть которых была подарена частными лицами музею СУАК, как и кости ископаемых животных и русские медные монеты из Аткарского и Петровского уездов[4].

Определенное представление о фондах и экспозиции, которыми располагал музей комиссии дает каталог, составленный К. П. Медоксом в 1893 году. Он был отпечатан в количестве 500 экземпляров, две трети его раздавались посетителям. Всего в каталог было занесено более 1500 предметов и коллекций[5].

Предметы основного фонда музея СУАК в 1893 году систематизировались следующим образом: первым был представлен палеонтологический отдел, затем шли археологический, нумизматический и отдел живописи. По данным на 1901 год в музее было 2654 монеты и 765 разных старинных предметов[6].

С 1904 года музей был открыт для бесплатного посещения по воскресеньям. На следующий год его посещало в приемный день до 80 человек[7].

Впервые комиссия представила широкой публике свои экспонаты в научно-художественном отделе Саратовской выставки 1880 года. На выставке экспонировались: монеты XV – XVII веков, палеонтологические коллекции, вооружение до XVI столетия, предметы домашнего быта древнейших обитателей края, памятники письменности XVII века, 23 неизданных пугачевских дела, 13 выпусков своих «Трудов»[8]. Через год СУАК приняла участие в

---

[1] Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии… С. 262.
[2] См.: Малов Н. М. Указ соч. С. 45.
[3] Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии… С. 54.
[4] Протокол общего собрания Саратовской ученой архивной комиссии //Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1. Вып. 4. С. 28 – 31.
[5] Малов Н. М. Указ соч. С. 49.
[6] Адрес-календарь Саратовской губернии на 1900 год. Саратов, 1901. С. 106.
[7] Там же. С. 47.
[8] Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии… С. 8.

научном отделе другой выставки – Казанской. Ученый комитет выставки присудил комиссии высшую награду – почетный отзыв и серебряную звезду, украшенную золотой короной.

Первоначально музей СУАК располагался в комнатах присутственных мест на Соборной площади[1]. В 1893 году было решено перевести музей комиссии в Радищевский музей[2]. В 1897 году он был «выдворен» и из помещения Радищевского музея и разместился в тесной комнатке в доме графа А. Д. Нессельроде по Московской улице[3]. В 1901 году архив, музей и библиотека комиссии были собраны вместе в городской публичной библиотеке[4]. С конца 1911 и по 1918 год музей находился в доме А. А. Тилло, который он подарил СУАК. Кроме того, даритель пожелал, чтобы комиссия открыла новый музей, посвященный памяти П. А. Столыпина[5]. Таким образом, с 1911 года СУАК имела уже два музея: историко-археологический и памяти П. А. Столыпина.

Фонды и экспозиция музея СУАК представляли определенный интерес как для саратовских краеведов, так и для музееведов и научных сотрудников из других городов России. Так, например, музей посещали: член Оренбургской и Нижегородской ученых комиссий, Оренбургского статистического комитета и Петровского общества исследователей Астраханского края П. Л. Юдин (1901 г.); консерватор Красноярского музея А. Я. Тугаринов (1907 г.); действительный член Археологического института С. Н. Смирнов (1915 г.); член Комиссии по устройству Донского музея гвардии полковник Богоевский (1914 г.)[6] и другие.

В декабре 1912 года Б. В. Зайковский выступил с предложением открыть этнографический отдел при музее СУАК. Члены комиссии приняли специальное постановление, в котором записали: «Поручить

---

[1] Адрес-календарь Саратовской губернии на 1888 год. Саратов, 1888. С. 112.

[2] Соколов В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии… С. 93.

[3] Адрес-календарь Саратовской губернии на 1895 год. Саратов, 1895. С. 213.

[4] Адрес-календарь Саратовской губернии на 1900 год. Саратов, 1901. С. 106.

[5] См.: **Малов, Н. М.** Из истории Саратовского областного музея краеведения: Памятная книга посещений музея и библиотеки Саратовской ученой архивной комиссии (1895 – 1918 гг.). /Н. М. Малов //Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Материалы X межрегиональных краеведческих чтений 24 – 25 апреля 2003 года. Саратов, 2003. С. 48.

[6] См.: Малов Н. М. Из истории Саратовского областного музея краеведения… С. 56 – 57.

Правлению комиссии разработать вопрос о способах устройства этнографического отдела при музее СУАК»[1].

С целью активизации собирательской работы по созданию нового отдела правление СУАК подготовило специальные письма и разослало их в различные организации и местные органы управления губернии с тем, чтобы последние оказали им поддержку.

Пополнялся музей и за счет частных пожертвований[2]. Как уже говорилось выше, большая коллекция образцов русской крестьянской вышивки поступила от жителя города Орла – Льва Александровича Цурикова.

Несмотря на предпринятые усилия руководства комиссии и ее членов, поступления этнографических предметов в музей СУАК оставались единичными[3]. Да и ситуация, сложившаяся к этому времени в стране и губернии, – начавшаяся Первая мировая война, а затем революционные события не располагали к этим занятиям, поэтому этнографический отдел так и не был открыт. Однако труд этот не пропал даром в советское время на базе собранных коллекций был открыт этнографический музей Саратовского края.

Под влиянием музея СУАК в начале XX века подобные музеи начинают открываться и в уездных городах: Царицыне (ныне Волгоград), Новоузенске, Покровске (ныне Энгельсе), Екатериненштадте (ныне Маркс), Николаевске (ныне Пугачев) и Кузнецке[4].

Основой музея Пензенской ученой архивной комиссии, как и двух предыдущих, послужила коллекция экспонатов, собранных правителем комиссии В. П. Поповым для музея статистического комитета, хранителем которого он являлся. Тем не менее, большое количество экспонатов появилось уже после основания комиссии. Датой основания музея следует считать 1902 год, когда ПУАК окончательно переехала в переданное ей здание бывшей гауптвахты. Судя по описаниям Г. П. Петерсона музей включал в себя следующие

---

[1] Приложения к протоколам общих собраний Саратовской ученой архивной комиссии //Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 14.

[2] См., например: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 243. Л. 76; Д. 263. Л. 354, Л. 117.

[3] См.: Беднякова Н. Н. Указ. соч. С. 231.

[4] См.: Миронов В. Г. К истории областного музея краеведения (1918 год)…С. 64 – 65.

коллекции: по археологии, палеонтологии, нумизматике, этнографии, пчеловодству, энтомологии и минералогии[1].

Источники пополнения музейной коллекции были различные: часть предметов была подарена членами самой комиссии, а также получены безвозмездно или куплены у частных лиц; археологические и палеонтологические находки иногда присылались уездными полицейскими исправниками[2]. Участие в сборе и передаче экспонатов принимали люди разных социальных групп и уровня образованности. Так, крестьянин села Знаменского Михайловской волости Мокшанского уезда Иван Михайлонич Черемшанов передал в музей ПУАК древние вещи, найденные им при распашке земли в имении дворянина Федора Ивановича Аненкова при селе Скачки Чернозерской волости[3]. Пристав Д. А. Любимов сообщает, что «… вероятно ему удастся добыть издания типографии Струйского, а также предметы быта (табакерки) и различные медали и монеты»[4]. Мордвин из села Мордовский Ишим Городищенского уезда Антон Григорьевич Пурасов предлагал нарисовать или изготовить древний и настоящий женские мордовские костюмы[5].

Историко-археологический музей ПУАК служил не только для сбора и классификации исторических материалов, на его базе работники комиссии проводили, наряду с научной, общественно-просветительскую работу. Музей неоднократно посещали учащиеся различных учебных заведений Пензы. Например, 22 апреля 1903 года его посетили воспитанники Пензенской учительской семинарии. Это был уже третий случай посещения музея учащимися этого заведения. 21 апреля 1916 года директор Первой пензенской мужской гимназии обращался к В. П. Попову с просьбой о содействии (при запланированном на 4 мая учениками 6 класса) осмотру памятников старины и рукописей, хранящихся в ПУАК[6].

---

[1] Петерсон Г. П. К истории учреждения в городе Пензе ученой архивной комиссии… С. 227.

[2] **Попов, В. П.** Список различных предметов, книг, старинных документов и рукописей, поступивших в музей, библиотеку и архив Пензенской ученой архивной комиссии /В. П. Попов //ПГВ. 1903. №№ 7, 52, 116, 141.

[3] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 62. Л. 1 – 3.

[4] Там же. Д. 13. Л. 24 – 25.

[5] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 13. Л. 26 – 27.

[6] Там же. Д. 61. Л. 12.

Неоднократно в губернских периодических изданиях публиковались отзывы посетителей о музее комиссии. В декабре 1904 года в «Пензенских губернских ведомостях» можно было прочесть: «... музей... вполне может похвастаться полнейшим порядком, на всем виден отпечаток зорко следящего, преданного науке человека»[1].

Хранитель музея В. П. Попов предпринял попытку систематизировать имеющиеся экспонаты, разбить их по группам и разделам беря за основу происхождение, назначение, а также материал, из которого они были изготовлены. Согласно составленному им «Каталогу предметов и вещей, находящихся в музее Пензенской ученой архивной комиссии» на 1 января 1912 года, в нем числилось 1355 предметов и 1530 монет[2]. К сожалению, «Каталог...» имел вид обычной описи предметов, не дающей хотя бы поверхностного их внешнего описания, не указывалась степень сохранности экспонатов и их размеры. Не было четко продуманной структуры каталога, предметы, имеющие отношение к Пензенской губернии, перемежались с общероссийскими, часто лишь называлась общая цифра предметов того или иного раздела, имелись и другие недостатки. К тому же «Каталог...» так и не был напечатан и находился лишь в рукописном виде в документах ученой архивной комиссии.

Следует отметить, что Владимир Павлович Попов самостоятельно учился музейной работе, используя в качестве образца созданный им же музей Пензенского статистического комитета. Кроме музея в здании ПУАК располагался и музей статистического комитета, состоящий из коллекций по сельскому хозяйству и этнографии[3]. Кроме того, на базе музея ПУАК начали создаваться церковно-исторический и естественно-исторический музеи. На заседании ПУАК 13 декабря 1911 года было решено передать в церковно-исторический музей Пензенского церковного историко-археологического и статистического комитета предметы церковного характера, а естественно-исторического характера – в музей Пензенского общества любителей естествознания[4].

---

[1] ПГВ. 1904. 1 декабря.

[2] ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 8. Л. 36 – 42 об.

[3] **Зименков, В. Н.** Музей Пензенской ученой архивной комиссии /В. Н. Зименков //Записки краеведов. Пенза, 2004. Вып. 2. Ч. 2. С. 60.

[4] Дорошин Б. А. История Пензенской губернской ученой архивной комиссии… С. 104.

21 марта 1918 года музей ПУАК был передан Пензенскому народному университету. В последующий период часть его экспонатов была расхищена, часть уничтожена по идеологическим мотивам, часть погибла из-за небрежного хранения. В настоящее время значительное количество экспонатов музея ПУАК хранится в Пензенском областном краеведческом музее[1].

Таким образом, созданный при Пензенской ученой архивной комиссии музей представлял собой, по сути, «пензенскую кунсткамеру», в фондах которой хранились все предметы, имеющие хоть какое-либо отношение к прошлому государства и края. Практически так формировались коллекции большинства исторических (краеведческих) музеев, особенно губернских и уездных. По мнению известного музееведа, начальника Артиллерийского исторического музея с 1903 года Д. П. Струкова, хорошо осведомленного о состоянии музейного дела как в России, так и за рубежом, только правительственные и центральные музеи в то время были «… более или менее благоустроены и освещены для научного пользования». Что касается остальных, в особенности «… музеев местных, отдельных учреждений и частных», «… то организация всех этих музеев совершенно случайна, и подбор памятников по самому характеру собраний едва ли может быть преднамечаем какою-либо научною системою. В эти музеи берется все, что случайно находится и предлагается в них, нередко совершенно не имеющее никакой связи музея с настоящими памятниками»[2]. На наш взгляд, такое положение дел в провинции отражало как состояние провинциальной исторической науки, так музейного дела, но это нисколько не умоляет значимости музеев при архивных комиссиях. Они послужили фундаментом для развития провинциальной музейной сети краеведческой направленности. В Саратовской губернии стали создавать краеведческие музеи в уездных городах, а в Пензенской – пошли по пути открытия специальных музеев (естественно-исторического и церковного) в губернском центре. Подготовка и публикация каталогов музеев ГУАК давали возможность знакомиться с их коллекциями более широкому кругу исследователей. Посещение музеев учащимися

[1] Шишлов С. Л. Музей Пензенского статистического комитета… С. 222.

[2] **Струков, Д. П.** Русские древлехранилища и разобщенность их деятельности /Д. П. Струков //Труды Пятнадцатого Археологического съезда в Новгороде. 1911 год. М., 1914. Т. 1. С. 518 – 523.

позволило подготовить почву для формирования будущих поколений краеведов. Несмотря на все социальные катаклизмы начала XX века, коллекции собранные ГУАК и по сей день являются базовыми для большинства музейных собраний в российской провинции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление провинциального краеведения являлось частью общего процесса духовного развития российского общества. Если отдельные историко-краеведческие знания и представления возникли ещё в XVIII веке, то краеведение как научное направление, в современном нашем понимании, начинает формироваться лишь в начале XX столетия. В этом процессе ведущая роль стала принадлежать губернским ученым архивным комиссиям. Они имели статус полуофициальных организаций, т.к., во-первых, созданы они были не в обязательном порядке, по директиве сверху, а по предложению губернаторов; во-вторых, ГУАК не состояли на регулярном и полном государственном финансировании; в-третьих, работа членов комиссии не оплачивалась, а выполнялась бескорыстно, на общественных началах. В то же время деятельность комиссий протекала в достаточно жестких рамках, определенных официальными документами, курировалась министерствами Внутренних дел и Народного просвещения.

Кадровый состав комиссий состоял из представителей различных общественных слоев. Но наряду с социальным отсутствовал и образовательный ценз, что негативно отражалось на их работе. Острый дефицит квалифицированных специалистов был свойственен всем губернским ученым архивным комиссиям. Правда, некоторое исключение здесь составляла СУАК, привлекая к своей работе профессиональных историков.

Самой острой проблемой для всех, исследованных нами комиссий, на протяжении всей их истории являлось финансовое обеспечение. Не имея стабильных доходов, комиссии были вынуждены довольствоваться нерегулярными поступлениями из министерств, местных органов управления, эпизодическими частными пожертвованиями и незначительной суммой членских взносов. Подобное положение порождало целый комплекс проблем организационного и исследовательского плана, нерешенность которых комиссии ощущали вплоть до конца своего существования.

Огромное значение имела широкая археографическая деятельность местных историков-любителей по сохранению архивных материалов, организации при ученых архивных комиссиях губернских исторических архивов. В результате практической деятельности по формированию губернских исторических архивов

ГУАК по сравнению с губернскими статистическими комитетами значительно расширили круг источников их комплектования. Считая недостаточным для создания полноценных архивохранилищ выделенных к уничтожению документов правительственных учреждений, комиссии привлекали другие, разнообразные по составу и происхождению материалы из частновладельческих и церковно-монастырских архивов. Фонды ГУАК пополнялись также документами, полученными в результате обмена между комиссиями. Из-за ограниченности средств документы очень редко закупались. Значительное количество подлинных или копированных исторических документов комиссии получили от Московского архива Министерства юстиции и Сената. Наиболее подготовленные к работе с историческими источниками члены некоторых ГУАК лично работали в центральных архивах, что, безусловно, расширяло источники комплектования и повышало качественный уровень документальной базы провинциальных архивов.

Описание материалов губернских исторических архивов было сопряжено с определенными трудностями и в силу этого далеко не все ГУАК смогли достичь в этой области значительных результатов. К 1915 году лишь две комиссии в России смогли составить полное описание своих архивов – Тверская и Пензенская. Причем ПУАК это удалось сделать благодаря относительной малочисленности фондов архива и четко отлаженной работы. Результативность ГУАК по описанию архивов в различные периоды их истории была неодинакова. Плодотворной деятельности комиссий по составлению научных описей препятствовали, во-первых, слабая подготовка их членов к выполнению столь трудоемких и требующих высокой квалификации работ, во-вторых, недостаточность средств и, в-третьих, отсутствие архивоведческой теории и методики описания дел, что приводило к существованию одновременно самых разных форм и типов описаний. Практиковавшаяся ГУАК система подробного описания приводила к тому, что разница между описанием и публикацией архивного дела фактически исчезала. Подобная практика не выдерживает критики с точки зрения современных научных требований к архивным описям и даже в то время определялась как неудовлетворительная.

Исследовательскую работу каждой ГУАК характеризует издательская деятельность. В этом направлении из трех комиссий несомненное лидерство принадлежит ТУАК, которая издала 58 томов

«Известий Тамбовской ученой архивной комиссии». Она занимала второе место в России, уступая лишь Тверской. СУАК издала 33 тома «Трудов Саратовской ученой архивной комиссии», ПУАК всего три тома «Трудов Пензенской ученой архивной комиссии».

Эти издания стало отличать (по сравнению со статкомитетами) использование большого количества архивных источников, интерес к отдельному историческому документу, а также критический пересмотр и обновление всей источниковой базы местной историографии, углубление и дифференциация исторической тематики.

Деятельность ГУАК по археологическому обследованию своих губерний значительно уступала размаху их работ в области архивного дела. Данное обстоятельство объясняется как недостаточной подготовленностью их сотрудников для проведения самостоятельных археологических исследований, так и пониманием ими приоритетности своих задач по изучению и сохранению, прежде всего, письменных памятников. Отсутствие специальной подготовки неизбежно сказывалось на объеме и качестве проводившихся комиссиями исследований. Другой причиной, недостаточного развития археологического направления деятельности ГУАК являлась хроническая нехватка денежных средств. Констатируя незначительное число проделанных силами комиссий археологических раскопок, в то же время следует признать их бесспорный вклад в дело накопления и обобщения данных об археологических объектах на территории страны, а также их картографирование, пропаганду и охрану. Причем археологические карты своих губерний были составлены Тамбовской (два варианта) и Саратовской (один вариант) комиссиями. Пензенская ученая архивная комиссия к подобной работе не приступала.

Несмотря на значительный рост этнографических исследований в стране во второй половине XIX века, все же в провинции темп их отставал от археологической деятельности.

Наибольших успехов в этнографическом изучении своих губерний добились ТУАК и СУАК. Причем последняя, заложила основы для создания собственного этнографического музея (в Тамбове историко-этнографический музей был создан ещё в 1879 году). Пензенские архивисты такого уровня этнографических исследований своей губернии, к сожалению, не достигли.

На рубеже XIX – XX веков работами краеведов все же были заложены основы провинциальной этнографии. Несмотря на то, что работы краеведов в большинстве носили описательный характер, они в совокупности создали необходимый базис для изучения народов своих губерний.

ГУАК внесли определенный вклад в дело сохранения местных памятников истории и культуры, прежде всего, церковных и археологических. При этом необходимо иметь в виду, что в силу неопределенности своего правового статуса и отсутствия законодательства в области охраны памятников, им приходилось работать в условиях полной зависимости от воли местной светской и церковной администрации. В основном же охрана памятников старины в России (особенно в провинции) заключалась в коллекционировании и научном описании материалов историко-культурного значения, а также составлении списков зданий, сооружений являющихся памятниками истории и культуры. Эти мероприятия на местах проводились чаще всего по заданию из центра и гораздо реже по указанию губернских властей. Охранная деятельность ГУАК зачастую не была успешной. Кроме составления списков дело чаще всего дальше не шло. Положительным моментом в этой работе можно считать создание музеев в российской провинции, коллекции которых, несмотря на все социальные катаклизмы начала XX века, по сей день являются базовыми для большинства музейных собраний в российской провинции.

Общественная значимость деятельности ГУАК заключается в том, что они способствовали проникновению научных знаний в самые широкие слои провинциального общества и тем самым воспитывали местную интеллигенцию в духе не только понимания и поддержки научных исследований, но и активного в них участия. Безусловно, ученые архивные комиссии оказали большое влияние на развитие провинциальной исторической науки. Разработанные в рамках ГУАК направления научных поисков определили исследовательские интересы краеведов последующих поколений.

В представленной монографии автором проведен всесторонний анализ деятельности ГУАК, показаны положительные и отрицательные стороны их работы. Немаловажным итогом является, проведенная нами систематизация материалов, полученных в ходе собственных исследований и научных изысканий моих коллег. На наш взгляд, одним из важнейших достижений нашего исследования

является рассказ о судьбах беззаветных энтузиастов краеведения Тамбовской, Саратовской и пензенской губерний. О том на сколько удалась эта работа автору монографии судить читателю.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Неопубликованные источники

Российский государственный исторический архив

1. Ф. 733 – Департамент народного просвещения.
2. Ф. 1278 – Государственная дума.
3. Ф. 1284 – Департамент общих дел Министерства внутренних дел.

Архив Санкт Петербургского Института истории Российской Академии наук

4. Ф. 1 – Археологическая комиссия.
5. Ф. 6 – Третий стол Департамента общих дел Министерства внутренних дел.

Архив Российской Академии наук. Санкт Петербургское отделение

6. Ф. 2 – Историко-филологическое отделение.
7. Ф. 133 – Переписка Академии наук с Министерством внутренних дел.

Центральный государственный исторический архив г. Москвы

8. Ф. 454 – Московское археологическое общество.

Архив Русского географического общества

9. Разряд 28 – Пензенская губерния.

Отдел письменных источников Государственного Исторического музея

10. Ф. 7 – Попечителя учебных заведений Финляндского учебного округа В. Н. Смольянинова.

Государственный архив Пензенской области

11. Ф. 5 – Канцелярия пензенского губернатора.
12. Ф. 7 – Старший чиновник особых поручений при пензенском губернаторе.
13. Ф. 21 – Пензенская духовная семинария.
14. Ф. 81 – Дирекция народных училищ Пензенской губернии.
15. Ф. 131 – Пензенская губернская ученая архивная комиссия.
16. Ф. 132 – Коллекция документов Пензенской губернской ученой архивной комиссии.

Государственный архив Саратовской области

17. Ф. – Канцелярия губернатора Саратовской губернии.
18. Ф. 12 – Саратовская духовная семинария.
19. Ф. 407 – Саратовская губернская ученая архивная комиссия.
20. Ф. 660 – Фонд Шахматовых.

Государственный архив Тамбовской области
21. Ф. 4 – Канцелярия губернатора Тамбовской губернии.
22. Ф. 153 – Фонд А. Н. Норцова.
23. Ф. 161 – Тамбовский губернский предводитель дворянства. Тамбовское губернское дворянское депутатское собрание.
24. Ф. 178 – Тамбовская губернская ученая архивная комиссия.

Опубликованные источники

25. **Андреевский, И. Е.** О деятельности ученых архивных комиссий в 1885 году /И. Е. Андреевский //Вестник археологии и истории. – СПб., 1888. – Вып. VII.
26. **Андреевский, И. Е.** Ученые архивные комиссии в 1886 г.: Обзор их деятельности /И. Е. Андреевский //Русская старина. – 1887. – № 11.
27. **Андреевский, И. Е.** Ученые архивные комиссии в 1887 г.: Обзор их деятельности /И. Е. Андреевский //Русская старина. – 1888. – № 12.
28. **Аносов, И. А.** Две иллюстрации к бытовой истории Шацкого края /И.А. Аносов //ИТУАК. – Тамбов, 1917. – Вып. 57.
29. **Б-в, А.** Музей Тамбовской ученой архивной комиссии /А. Б-в //Тамбовский край. – 1914. – 4 января.
30. **Берг, Л. С.** Всесоюзное Географическое общество за сто лет /Л. С. Берг. – М. – Л.: Наука, 1946. – 419 с.
31. **Веселовский, Б. Б.** История земства /Б. Б. Веселовский. – СПб.: Наша жизнь, 1911. – Т 3.
32. **Воейков, В. В.** Заметка о курганах Тамбовской губернии /В. В. Воейков //ИТУАК. – Тамбов, 1902. – Вып. 46.
33. **Гераклитов, А. А.** Краткая опись «Калачовского» фонда исторического архива Саратовской архивной комиссии /А. А. Гераклитов //Труды СУАК. – Саратов, 1911. – Вып. 27.
34. **Глинский, Б. Б.** Среди литераторов и ученых /Б. Б. Глинский. – СПб.: Новое время, 1914. – 572 с.
35. Годичное общее собрание Императорского Русского Исторического общества 12 марта 1915 года. – Пг.: б. и., 1915.
36. **Готовицкий, М. А.** Задачи археологии в Саратовском крае по сообщениям, сделанным на Восьмом археологическом съезде /М. А. Готовицкий //Труды СУАК. – Саратов, 1890. – Т. 3. – Вып. 1.

37. **Довнар-Запольский, М. В.** Обзор деятельности губернских ученых архивных комиссий 1896 – 1898 /М. В. Довнар-Запольский . – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1902. – 46 с.
38. Древности //Труды Археографической комиссии Императорского Московского археологического общества. – М., 1898. – Т. 1.
39. **Дубасов, И. И.** Быт тамбовских людей XVII и XVIII вв. /И. И. Дубасов //ИТУАК. – Тамбов, 1895. – Вып. 29.
40. **Дубасов, И. И.** Бытовые черты нашего края в начале XVIII столетия /И. И. Дубасов //ИТУАК. – Тамбов, 1893. – Вып. 37.
41. **Дубасов, И. И.** Из окраинно-русской бытовой истории XVII /И. И. Дубасов //Русское обозрение. – 1890. – Июнь.
42. **Дубасов, И. И.** Из Тамбовской бытовой истории XVI – XVIII веков /И. И. Дубасов //Исторический вестник. – 1891. – № 9.
43. **Дубасов, И. И.** К истории окраинно-русского быта и колонизации XVI – XVIII веков /И. И. Дубасов //Русское обозрение. – 1892. – Май.
44. **Дубасов, И. И.** К истории инородческого землевладения в России (XVI – XVII в.) /И. И. Дубасов //Русское обозрение. – М., 1890. – № 3.
45. **Дубасов, И. И.** Некоторые бытовые черты из жизни прошлого Тамбовского края /И. И. Дубасов //ИТУАК. – Тамбов, 1892. – Вып. 34.
46. **Дубасов, И. И.** Об Онозе на Воронеже /И. И. Дубасов //Труды Восьмого археологического съезда в Москве. – М., 1890. – Т. III.
47. **Дубасов, И. И.** О Шацкой провинции в 30-х годах прошлого века: очерки Тамбовского быта XVII и XVIII веков /И. И. Дубасов //Исторический вестник. – 1896. – № 9.
48. **Дубасов, И. И.** Очерки из истории Тамбовского края /И. И. Дубасов. – Тамбов: ТГПИ, 1993. – 443 с.
49. **Дубасов, И. И.** Тамбовские бытовые черты XVII века /И. И. Дубасов //ТГВ. – 1890. – № 87.
50. **Дубасов, И. И.** Тамбовский быт XVII века /И. И. Дубасов //ИТУАК. – Тамбов, 1893. – Вып. 36.
51. **Дубасов, И. И.** Черты внутреннего быта при Петре Великом /И. И. Дубасов //ТГВ. – 1893. – 12, 15 июня.
52. **Дубасов, И. И.** Черты окраинно-русского быта XVII и XVIII века /И. И. Дубасов //Русское обозрение. – 1891. – Сентябрь.
53. **Дьяконов, П. А.** Опись предметам, хранящимся В Тамбовском историческом музее /П. А. Дьяконов. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1889. – 16 с.

54. **Дьяконов, П. А.** Каталог историко-этнографического музея /П. А. Дьяконов. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1895. – 11 с.
55. Журнал общего собрания г.г. членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. – Тамбов, 1884. – 3 ноября (Вып. 1.).
56. Журнал общего собрания г.г. членов Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. – Тамбов, 1885. – 7 мая. (Вып. 4.).
57. **Зайковский, Б. В.** Впечатления из поездки в Елань-Аткарскую /Б. В. Зайковский //Труды СУАК. – Саратов, 1909. – Вып. 25.
58. **Зайковский, Б. В.** Собирайте русскую бытовую старину! /Б. В. Зайковский //Труды СУАК. – Саратов, 1913. – Вып. 30.
59. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Тамбов, 1885 – 1918 . – Вып. 2 – 58.
60. Извлечение из правил для переписки и издания документов //Сборник Московского архива Министерства юстиции. – М., 1913. – Т. 1. – Ч. 1.
61. История русской литературы XIX века /Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. – М.: Тип. Императорского театра, 1910. – Т. 3.
62. **Калачов, Н. В.** Архивы /Н. В. Калачов //Труды Первого археологического съезда в Москве в 1869. – М., 1871. – Т. 1.
63. **Калачов, Н. В.** Архивы, их государственное значение, состав и устройство /Н. В. Калачов. – СПб.: Тип. Н. М. Лисовского, 1877. – 305 с.
64. **Кизеветтер, А. А.** На рубеже двух столетий (воспоминания 1881 – 1914) /А. А. Кизеветтер. – Прага, 1919. – 270 с.
65. **Колесников, И. Ф.** Древние рукописи (от памятника старины до исторического источника) /И. Ф. Колесников //Отчет о состоянии Императорского Московского археологического института в 1912 – 1913 годах. – М., 1914.
66. **Краснодубровский, С. С.** Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии в 1888 – 1889 году /С. С. Краснодубровский //Приложение ко второму выпуску II тома Трудов СУАК. – Саратов: Тип. губернского правления,1890. – 19 с.
67. Краткий исторический очерк возникновения и деятельности состоящей под высочайшим его императорского величества государя императора покровительством Тамбовской губернской ученой архивной комиссии за тридцать лет. 1884 – 1914. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1914. – 127 с.
68. **Кротков, А. А.** Аткарский могильник /А. А. Кротков //Труды СУАК. – Саратов, 1912. –Вып. 29.

69. **Кротков, А. А.** О памятниках старины в Саратовской губернии /А. А. Кротков // Труды СУАК. – Саратов, 1912. – Вып. 29.
70. **Кротков, А. А.** Материалы к археологической карте Кузнецкого уезда /А. А. Кротков //Труды СУАК. – Саратов, 1913. – Вып. 30.
71. **Кротков, А. А.** Клад серебряных джучидских монет с Водянского городища /А. А. Кротков //Труды СУАК. – Саратов, 1913. – Вып. 30.
72. **Кудрявцев.** Народные песни Липецкого и Усманского уездов /Кудрявцев //ИТУАК. – Тамбов, 1917. – Вып. 57.
73. **Курбатов, А. А.** Записка о сочинениях проф. Самоквасова /А. А. Курбатов //ИТУАК. – Тамбов, 1904. – Вып. 48.
74. **Лаппо-Данилевский, А. С.** Доклад о деятельности некоторых губернских ученых архивных комиссий по их отчетам за 1903 – 1907 годы /А. С. Лаппо-Данилевский //Известия Императорской Академии наук. – СПб., 1908.
75. **Лаппо-Данилевский, А. С.** Особая комиссия при императорском Русском историческом обществе и её деятельность по сохранению местных архивных материалов. 1911 – 1916 /А. С. Лаппо-Данилевский. – Пг.: б. и., 1916. – 202 с.
76. **Максимов, С. В.** Заметка по поводу издания народных сказок /С. В. Максимов //Живая старина. – СПб., 1897. – Вып. 1.
77. **Можаровский, А. Ф.** Этнографические очерки /А. Ф. Можаровский //ИТУАК. – Тамбов, 1899. – Вып. 43.
78. **Можаровский, А. Ф.** Отголоски старины и народности /А. Ф. Можаровский. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1903. – 34 с.
79. Находки мамонта близ с. Загоскина //ПГВ. – 1910. – № 117.
80. **Норцов, А. Н.** Археологические особенности Тамбовского края /А. Н. Норцов //ИТУАК. – Тамбов, 1901. – Вып. 45.
81. **Норцов, А. Н.** Археологическая поездка по Темниковскому уезду в августе 1901 г. /А. Н. Норцов //ИТУАК. – Тамбов, 1902. – Вып. 46.
82. **Норцов, А. Н.** Архив графов Канкриных – Ламберт – Сухтелен. (Общий обзор документов) /А. Н. Норцов. – Тамбов: б. и., 1910. – 17 с.
83. **Норцов, А. Н.** Губернские ученые архивные комиссии и их значение /А. Н. Норцов //ИТУАК. – Тамбов, 1905. – Вып. 50. – Ч. 2.
84. **Норцов, А. Н.** Древнейшая история Тамбовского края по греческим писателям /А. Н. Норцов //ИТУАК. – Тамбов, 1901. – Вып. 45.
85. **Норцов, А. Н.** Записка Тамбовской ученой архивной комиссии к съезду 6 мая 1914 г. /А. Н. Норцов – Тамбов: Тип. губернского правления, 1914. – 314 с.

86. **Норцов, А. Н.** Историко-археологическая карта Тамбовской губернии /А. Н. Норцов //ИТУАК. – Тамбов, 1905. – Вып. 50. – Ч. 2.
87. **Норцов, А. Н.** Краткий исторический очерк возникновения и деятельности Тамбовской ученой архивной комиссии 1884 – 1904 /А. Н. Норцов. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1905. – 37 с.
88. **Норцов, А. Н.** Краткий обзор научной деятельности за 25 лет Тамбовской губернской ученой архивной комиссии (12 июня 1884 – 12 июня 1909 г.). /А. Н. Норцов. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1909. – 91 с.
89. **Норцов, А. Н.** Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства /А. Н. Норцов //ИТУАК. – Тамбов, 1902. – Вып. 47.
90. **Норцов, А. Н.** Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых с их ветвями /А. Н. Норцов. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1904. – Ч. 1.
91. **Норцов, А. Н.** О каменных бабах /А. Н. Норцов //ИТУАК. – Тамбов, 1905. – Вып. 50. – Ч. 2.
92. **Норцов, А. Н.** О некоторых фактах исключительно тамбовского характера /А. Н. Норцов //ИТУАК. – Тамбов, 1901. – Вып. 44.
93. **Норцов, А. Н.** Об охране памятников старины /А. Н. Норцов //ИТУАК. – Тамбов, 1901. – Вып. 45.
94. **Норцов, А. Н.** Тамбовская и Козловская сторожевая черта /А. Н. Норцов //ИТУАК. – Тамбов, 1901. – Вып. 44.
95. Обзор Пензенской губернии за 1914 год. Приложение к отчету Пензенского губернатора. – Пенза: Тип. губернского правления, 1915. – 117 с.
96. Отчет о деятельности Тверской губернской ученой архивной комиссии с 1903 по 1912 г. – Тверь: Тип. губернского правления, 1915. – 97 с.
97. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1889 г. – СПб.: Тип. МВД, 1892. – 24 с.
98. **Петерсон, Г. П.** К истории учреждения в г. Пензе ученой архивной комиссии /Г. П. Петерсон //Странички старины. – Саранск, 1993. – 288 с.
99. **Петерсон, Г. П.** Описание делам и документам Саранского полицейского управления 1794. /Г. П. Петерсон //Труды ПУАК. – Пенза. – 1905. – Кн. 3.
100. **Пискарев, П. И.** Из сборника сказок, записанных в 1853 году в г. Лебедяни /П. И. Пискарев //ИТУАК. – Тамбов, 1891. – Вып. 32.

101. **Пискарев, П. И.** Мамонтова пустынь Тамбовской губернии /П. И. Пискарев. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1887. – 307 с.
102. **Пискарев, П. И.** Писцовая книга новых сел Верхоценской волости Тамбовского уезда /П. И. Пискарев. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1888. – 106 с.
103. **Платонова С. К.** Окружная грамота государя царя Михаила Федоровича в Пермь воеводе Богдану Камынину о повсеместном сборе на устроение по Крымской Украине новых городов и острогов /С. К. Платонова //ИТУАК. – Тамбов, 1902. –Вып. 46.
104. **П.Л.В.** Рецензия на журнал Тамбовской губернской ученой архивной комиссии, 2 октября 1886 г. Тамбов, 1887 /П.В.Л. //Исторический вестник. – 1887. – № 5.
105. **Покровский, Н. В.** Губернские ученые архивные комиссии. (Речь директора Петербургского археологического института на торжественном собрании 9 мая 1908 года) /Н. В. Покровский //Вестник археологии и истории. – СПб., 1909. – Вып. 18.
106. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. 1 – 45.
107. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб., 1830 – 1884. – Т. 1 – 55.
108. **Попов, В. П.** Список различных предметов, книг, старинных документов и рукописей, поступивших в музей, библиотеку и архив Пензенской ученой архивной комиссии /В. П. Попов //ПГВ. – 1903. – №№ 7, 52, 116, 141.
109. **Попов, В. П.** Столетие типографии Пензенского губернского правления (1804 – 1904) /В. П. Попов. – Пенза: Тип губернского правления, 1904. – 83 с.
110. Предложение императорского Археологического общества о составлении и издании археологической карты //Труды СУАК. – Саратов, 1889. – Т. II. – Вып. 1.
111. Приложения к протоколам общих собраний Саратовской ученой архивной комиссии //Труды СУАК. – Саратов, 1913. – Вып. 30.
112. Протокол заседания общего собрания членов комиссии № 166. 25 февраля 1914 года //Труды СУАК. – Саратов, 1915. – Вып. 32.
113. Протокол общего собрания Саратовской ученой архивной комиссии. 13 февраля 1900 года //Труды СУАК. – Аткарск, 1902. – Вып. 22.
114. **Пыпин, А. Н.** История русской этнографии /А. Н. Пыпин – СПб.: Тип. И. Д. Сытина, 1891. – Т. 2.

115. Раскопки в Пензенской и Тамбовской губерниях //Отчет императорской Археологической комиссии за 1892 год. – СПб., 1894.
116. **Рождественский, С. В.** Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения /С. В. Рождественский. – СПб.: Тип. Министерства народного просвещения, 1902. – 740 с.
117. **Розанов, М. Г.** Выписки из каталога Московского главного архива Министерства иностранных дел приказным делам /М. Г. Розанов //ИТУАК. – Тамбов, 1885. – Вып. 4.
118. **Розанов, М. Г.** Книга явочных челобитных 1692 г. /М. Г. Розанов //ИТУАК. – Тамбов, 1890. – Вып. 28.
119. **Розанов, М. Г.** О состоянии Тамбовского края в начале прошлого столетия /М. Г. Розанов //ИТУАК. – Тамбов, 1893. – Вып. 35.
120. **Розанов, М. Г.** Опись архивных дел Кирсановского уездного полицейского управления с 1846 по 1864 г., назначенных к уничтожению /М. Г. Розанов //ИТУАК. – Тамбов, 1885. – Вып. 2.
121. **Розанов, М. Г.** Опись перепискам по столам Губернского правления с 1864 по 1870 год включительно, предназначенным к уничтожению /М. Г. Розанов //ИТУАК. – Тамбов, 1885. – Вып. 2.
122. **Розанов, М. Г.** Указатель к описи Тамбовского исторического архива /М. Г. Розанов. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1890. – Ч. 2.
123. **Розанов, М. Г.** Указатель к описи Тамбовского исторического архива. Составил правитель дел Тамбовской ученой архивной комиссии П. А. Дьяконов /М. Г. Розанов //Приложение к Известиям комиссии. – Тамбов, 1899. – Ч. 2.
124. **Розанов, М. Г., Проскурников, А. В.** Археологическая карта Тамбовской губернии и объяснительная записка к ней /М. Г. Розанов, А. В. Проскурников //ИТУАК. – Тамбов, 1890. – Вып. 26.
125. **Рор, А. А.** О вале Козловского уезда между с. Бельским и Мановицами /А. А. Рор //ИТУАК. – Тамбов, 1901. – Вып. 44.
126. **Савелов, Л. М.** В защиту губернских ученых архивных комиссий: по поводу книги проф. Самоквасова «Архивное дело в России» /Л. М. Савелов. – М.: Тип. И. Д. Сытина, 1904. – 122 с.
127. **Самоквасов, Д. Я.** Архивное дело в России /Д. Я. Самоквасов. – М.: Тип. И. Д. Сытина, 1902. – 301 с.
128. **Самоквасов, Д. Я.** Современное состояние научной разработки древних архивных материалов /Д. Я. Самоквасов //Труды

Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославле. 1905 г. – М., 1908. – Т. II.
129. **Самоцветов, А. И.** Каталог предметов, хранящихся в музее состоящем под высочайшим его императорского величества государя императора покровительством Тамбовской ученой архивной комиссии /А. И. Самоцветов. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1916. – 16 с.
130. **Сатин, А. И.** Из археологии г. Лебедяни /А. И. Сатин //ИТУАК. – Тамбов, 1887. – Вып. 13.
131. Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. – Пг.: Тип. МВД, 1916. – 784 с.
132. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. – СПб., 1832. – Т. 1 – 15.
133. **Селифонтов, Н. Н.** Подробная опись 440 рукописей XVII, XVIII и начала XIX столетия Второго (Шевлягинского) собрания «Линевского архива» с приложением /Н. Н. Селифонтов. – СПб.: Тип. МВД, 1892.– 830 с.
134. **Смирнов, И. Н.** Мордва. Историко-этнографический очерк /И. Н. Смирнов. – Казань: Тип. Казанского университета, 1895. – 385 с.
135. **Смирнов, И. Н.** Юбилей Императорского Московского археологического общества и Восьмой археологический съезд /И. Н. Смирнов. – Казань: Тип. Казанского университета, 1890. – 18 с.
136. **Снежневский, В. И.** Губернские ученые архивные комиссии и архивное дело в них /В. И. Снежневский. – М.: Тип. И. Д. Сытина, 1902. – 42 с.
137. **Соколов, В. П.** 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886 – 1911. /В. П. Соколов В. П. – Саратов: Тип. Союза печатного дела, 1911. – 262 с.
138. **Софинов, П. Г.** Из истории русской дореволюционной археографии /П. Г. Софинов. – М.: Наука, 1957. – 172 с.
139. Список вопросов от императорского Московского археологического общества, по которым желательны были бы ответы для составления археологических карт губерний. – М.: б. и., 1888. – 14 с.
140. **Спицын, А. А.** Древности рек Оки и Камы /А. А. Спицын. – СПб.: Тип. гл. управления уделов, 1901. – 54 с.
141. **Спицын, А. А.** Производство археологических раскопок А. А. Спицын. – СПб.: Тип. Академии наук, 1910. – 335 с.

142. **Спицын, А. А.** Саратовские древности А. А. Спицын //Труды СУАК. – Саратов, 1912. – Вып. 29.
143. **Староградский, И. В.** О затруднениях при разборе дел и документов архива /И. В. Староградский //ИТУАК. – Тамбов, 1890.
144. **Тарасов, П. Г.** Курганы Тамбовской губернии и их исследование /П. Г. Тарасов //ИТУАК. – Тамбов, 1906. – Вып. 51. – Ч. II.
145. **Токмаков, И. Ф.** Сборник материалов для истории и археологии по Тамбовской губернии по документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел /И. Ф. Токмаков. – Тамбов: Тип. губернского правления, 1886. – 533 с.
146. Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве 1899 г. – Киев, 1902.
147. Труды Первого археологического съезда в Москве. – М., 1871.
148. Труды Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6 – 8 мая 1914 года. – СПб., 1914.
149. Труды ПУАК. – Пенза, 1903 – 1905. – Т. 1 – 3.
150. Труды СУАК. – Саратов, 1886 – 1916. – Т. 1 – 33.
151. **Тюстин, А. В.** «В любви к Отечеству потомков назидая…». История пензенского церковного краеведения /А. В. Тюстин //Краеведение. – Пенза, 1997. – № 1.
152. **Холмогоров, В. И., Холмогоров, Г. И.** Материалы для истории города Тамбова. Книга Тамбовским земляным и деревянным крепостям /В. И. Холмогоров, Г. И. Холмогоров //ИТУАК. – Тамбов, 1892. – Вып. 33.
153. **Холмогоров, В. И., Холмогоров, Г. И.** Материалы для истории города Козлова /В. И. Холмогоров, Г. И. Холмогоров // ИТУАК. – Тамбов, 1892. – Вып. 33.
154. **Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И.** Материалы для истории колонизации Саратовского северо-восточного края до второй половины XVIII века /В. И. Холмогоров, Г. И. Холмогоров //Труды СУАК. – Саратов, 1891. – Т. 3. – Вып. 2.
155. **Холмогоров, В. И..** Материалы для истории Саратовского края, собранные из документов Московского архива Министерства юстиции /В. И. Холмогоров //Труды СУАК. – Аткарск, 1902. – Вып. 22.
156. **Холмогоров, В. И.** Переписная книга 7179 года сел и деревень Верхоценской волости и Рыбной пустоши и монастырских вотчин Тамбовского уезда /В. И. Холмогоров //ИТУАК. – Тамбов, 1901. – Вып. 45.

157. **Хохряков, В. Х.** Материалы для истории города Пензы //Труды Пензенской ученой архивной комиссии /В. Х. Хохряков. – Пенза, 1903, 1904, 1905. – Кн. 1 – 3.
158. **Хохряков, В. Х.** О сторожевых чертах в Пензенской губернии (в XVI – XVII вв.) /В. Х. Хохряков //Труды Пензенской ученой архивной комиссии. – Пенза, 1903. – Кн. 1.
159. **Цветаев, Д. В.** Московский архив Министерства юстиции и губернские ученые архивные комиссии /Д. В. Цветаев //Русская старина. – 1916. – № 4.
160. **Чекалин, Ф. Ф.** Мещера и буртасы по сохранившимся памятникам /Ф. Ф. Чекалин //Труды VIII Археологического съезда. – М., 1897. – Т. 3.
161. **Чекалин, Ф. Ф.** Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века /Ф. Ф. Чекалин. – Саратов: Типо-литограф. губернского правления, 1892. – 81 с.
162. **Черменский, П. Н.** Лицевой Синодик XVII века Лебедянского Троицкого монастыря /П. Н. Черменский //ИТУАК. – Тамбов, 1918. – Вып. 58.
163. **Черменский, П. Н.** Старинные храмы г. Лебедяни /П. Н. Черменский //Известия археологической комиссии. – СПб., 1913.
164. **Щеглов, Н. А.** О сочинениях проф. Самоквасова: «Архивное дело в России» (кн. 1 и 2) и «Проект архивной реформы» /Н. А. Щеглов //ИТУАК. – Тамбов, 1904. – Вып. 48.
165. **Щеглов, С. А.** Предварительный съезд деятелей музеев в Москве. (Доклад) /С. А. Щеглов //Труды СУАК. – Саратов, 1913. – Вып. 31.
166. **Щеголев, А. А.** Краткий исторический очерк возникновения и деятельности Тамбовской ученой архивной комиссии. 1884 – 1904 /А. А. Щеголев //Губернские ученые архивные комиссии и их значение. – Тамбов, 1904.
167. **Щеголев, А. А.** Краткий исторический очерк возникновения и деятельности состоящей под высочайшим его Императорского величества государя Императора покровительством Тамбовской губернской ученой архивной комиссии за тридцать лет. 1884 – 1914 /А. А. Щеголев – Тамбов: Тип. губернского правления, 1914. – 76 с.

Литература

168. **Аббасов, А. М**. Вклад Полтавской ученой архивной комиссии в развитие исторического краеведения /А. М. Аббасов //История и историки. – М., 1984.

169. **Аббасов, А. М.** Воронежская ученая архивная комиссия и её исследования по истории города Воронежа. 1900 – 1918 гг. /А. М. Аббасов //Из истории города Воронежа. – Воронеж, 1984.

170. **Автократов, Н. В.** Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении конца XIX – начала XX в. /Н. В. Автократов //Археографический ежегодник за 1981 год. – М.: Наука, 1982.

171**. Алленова, В. А., Мизис, Ю. А.** История Тамбовского краеведения (XIX в. – 30-е годы XX в.) /В. А.. Алленова, Ю. А. Мизис. – Тамбов: ТГУ, 2002. – 438 с.

172. **Алленова, В. А.** А. Н. Норцов – председатель Тамбовской ученой архивной комиссии /В. А.. Алленова //Город Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. – Тамбов, 1996.

173. **Алленова, В. А.** Губернские ученые архивные комиссии как исследовательская проблема и обучающий сюжет /В. А.. Алленова //Вузовская историческая наука и историческое образование: итоги и перспективы развития. Материалы межвузовской научно-методической конференции, посвященной 50-летию исторического факультета Воронежского университета. – Воронеж, 1991.

174. **Алленова, В. А.** Деятельность Тамбовской ученой архивной комиссии по охране памятников старины /В. А.. Алленова //Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. – Воронеж, 1996. – Вып. 1.

175. **Алленова, В. А.** И. И. Дубасов – первый председатель Тамбовской ученой архивной комиссии /В. А.. Алленова //Краевед земли Тамбовской. – Тамбов, 1995.

176**. Алленова, В. А.** История деревенского быта в исследованиях Тамбовской ученой архивной комиссии /В. А. Алленова //Материалы для изучения сельских поселений России. Доклады и сообщения Третьей научно-практической конференции «Центральночерноземная деревня: история и современность». – М., 1995. – Ч. 2.

177. **Архангельский, С. И.** Локальный метод в исторической науке /С. И. Архангельский //Краеведение. – М., 1927. – Т. 2.

178. **Барков, А. С.** Вопросы методики и истории географии /А. С. Барков. – М.: Просвещение, 1961. – 241 с.

179. **Батаева, Т. В., Корнева, И. И., Селезнев, М. С. и др.** Разработка правил публикации исторических документов в дореволюционной и советской археографии /Т. В. Батаева, И. И. Корнева, М. С. Селезнев //Труды Московского государственного историко-архивного института. – М., 1972. – Т. 29.
180**. Беднякова, Н. Н**. К истории открытия этнографического музея в Саратове /Н. Н. . Беднякова Н. Н //Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Материалы X межрегиональных краеведческих чтений 24 – 25 апреля 2003 года. – Саратов: СОМК, 2003.
181. **Богданов, В. В.** Задачи краеведения и история краеведения в России /В. В. Богданов //Вопросы краеведения. – Н. Новгород, 1923.
182. **Бржостовская, Н. В.** Вопросы архивного дела на Археологических съездах в России (1869 – 1911 гг.). /Н. В. Бржостовская //Археографический ежегодник за 1971 год. – М.: Наука, 1972.
183. **Бржостовская, Н. В.** Деятельность губернских архивных по созданию исторических архивов /Н. В. Бржостовская //Труды Московского государственного историко-архивного института. – М., 1954. – Т. V.
184. **Буллах, В. Н.** К вопросу о деятельности Пермской ученой архивной комиссии, 1889 – 1916 гг. /В. Н. Буллах //Вопросы истории. – Свердловск, 1974. – Сб. 1.
185. **Визгалова, Л. В.** К истории библиотеки Саратовской губернской ученой архивной комиссии Нижне-Волжского областного общества краеведения (1886 – 1939 гг.) /Л, В. Визгалова //Отечественная культура и развитие краеведения. Материалы IV Всероссийской научной конференции (Пенза, 26 – 27 июня 2000 г.). – Пенза: ПГОКМ, 2001.
186. **Вульфсон, Г. Н.** Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации /Г. Н. Вульфсон. – Казань: КГУ, 1974. – 276 с.
187. **Гераклитов, А. А.** Исторические архивы ученых архивных комиссий /А. А. Гераклитов //Труды СУАК. – Саратов, 1915. – Вып. 32.
188. **Гераклитов, А. А.** Краеведческая работа в Тамбовской губернии. 1. Дореволюционное время /А. А. Гераклитов //Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. – Тамбов: Изд. Пролетарский светоч, 1925.

189. **Гессен, Ю. И.** Из жизни архивных комиссий /Ю. И. Гессен //Сборник материалов и статей: Редакция журнала «Исторический архив». – М., 1921. – Вып. 1.
190. **Гревс, И. М.** История краеведения /И. М. Гревс //Краеведческий альманах Отечество. – М., 1991.
191. **Данилов, В. Н.** «Золотое десятилетие» Саратовского исторического краеведения (1920-е годы) /В. Н. Данилов //Поволжский край. – Саратов, 2000. – Вып. 1.
192. **Дербов, Л. А.** Историческая наука в Саратовском университете /Л. А. Дербов. – Саратов: СГУ, 1983. – 257 с.
193. **Дорошин, Б. А.** История Пензенской губернской ученой архивной комиссии /Б. А. Дорошин. – Пенза: ПГПУ, 1998. – 162 с.
194. **Дружинин С. А., Ткачук А. П.** Краеведческая деятельность Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887 – 1929) /С. А. Дружинин, А.П. Ткачук //II Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Тезисы докладов и сообщений. – Пенза, 1989.
195. **Захаров, В. М., Захарова, Т. А.** Саратовская ученая архивная комиссия (1886 – 1920) /В. М. Захаров, Т. А. Захарова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – 185 с.
196. **Зименков, В. Н.** Формирование музейной сети Пензенской губернии в конце XIX – начале XX веков /В. Н. Зименков //Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции – Пенза: Тип. ПОИПЦ, 1996. – Кн. 2.
197. **Зубова, И. Л.** Архивно-просветительные организации в России в конце XIX – начале XX века /И. Л. Зубова //Вестник Московского университета. – 1990. – № 2. – Серия 8. – История.
198. **Клестов И. В.** Федор Федорович Чекалин (Первый кузнецкий краевед) /И. В. Клестов //Весь Кузнецк. – Кузнецк, 1927.
199. **Ключевский, В. О.** Сочинения: В 9 т. /В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1990. – Т. 9.
200. **Козлов, В. П.** Колумбы российских древностей /В. П. Козлов. – М.: Наука, 1981. – 483 с.
201. **Комарова, И. И.** Московское археологическое общество и его роль в развитии местных краеведческих организаций России /И. И. Комарова //Археографический ежегодник за 1989 год. – М.: Наука, 1990.
202. **Комарова, И. И.** Охрана памятников архитектуры в провинциальных научных обществах /И. И. Комарова //Российская

провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции. – Пенза: Тип. ПОИПЦ, 1996. – Кн. 1.
203. **Корнилов, А. А.** Курс истории России XIX века /А. А. Корнилов. – М.: Эксмо-Пресс, 1993. – 618 с.
204. **Лебедев, Г. С.** История отечественной археологии /Г. С. Лебедев. – СПб.: ИКПА, 1992. – 320 с.
205. **Лейкина-Свирская, В. Р.** Интеллигенция в России во второй половине XIX века /В. Р. Лейкина-Свирская. – М.: Наука, 1971. – 351 с.
206. **Лейкина-Свирская, В. Р.** Русская интеллигенция в 1890 – 1917 годах /В. Р. Лейкина-Свирская. – М.: Мысль, 1981. – 285 с.
207. **Макарихин, В. П.** Губернские ученые архивные комиссии России /В. П. Макарихин В. П. – Н. Новгород: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1991. – 186 с.
208. **Малов, Н. М.** Из истории Саратовского областного музея краеведения: Памятная книга посещений музея и библиотеки Саратовской ученой архивной комиссии (1895 – 1918 гг.). /Н. М. Малов //Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Материалы X межрегиональных краеведческих чтений 24 – 25 апреля 2003 года. – Саратов: СОМК, 2003.
209. **Мануйлова, Е. В.** Из истории Пензенской ученой архивной комиссии /Е. В. Мануйлова //Из истории области. Очерки краеведов. – Пенза: ПГОКМ, 1992. – Вып. 3.
210. **Маяковский, И. Л.** Очерки по истории архивного дела в СССР /И. Л. Маяковский. – М.: Тип. гл. архивного управления, 1960. – 342 с.
211. **Мизис, Ю. А.** Ученая архивная комиссия в культурной жизни Тамбова /Ю. А. Мизис //Русская провинция. Культура XVIII – начала XX веков. – М., 1993
212. **Миронов, В. Г.** А. А.Спицын и саратовское краеведение (по известным источникам 1911 – 1916 гг.) /В. Г. Миронов //Проблемы истории отечественной археологии: Тезисы доклада Всероссийской конференции. – СПб., 1993.
213. **Миронов, В. Г.** А. Н. Минх – историк крестьянского движения в Саратовском Поволжье /В. Г. Миронов //Историографический сборник. – Саратов, 1999. – Вып. 18.
214. **Миронов, В. Г.** Археологическое картографирование Саратовского Поволжья /В. Г. Миронов //Краеведческие чтения. – Саратов, 1993. – Вып. 3.

215. **Миронов, В. Г.** К истории областного музея краеведения (1918 год) /В. Г. Миронов //Труды Саратовского областного музея краеведения. – Саратов: СОМК, 1996. – Вып. 4.
216. **Миронов, В. Г.** Материалы к археологической карте Камышинского уезда в дневниках С. А. Щеглова /В. Г. Миронов //Древности Волго-Донских степей. – Волгоград, 1992. – Вып.2.
217. **Миронов, В. Г.** Нижневолжское краеведение в 1917 – 1920 годы /В. Г. Миронов //Краеведческие чтения. – Саратов: СОМК, 1993.
218. **Миронов, В. Г.** У истоков Саратовской археологии. Очерки истории отечественной археологии /В. Г. Миронов. – М.: Наука, 1998.
219. **Митрофанова, Н. Н.** В. Г. Короленко и Нижегородская архивная комиссия /Н. Н. Митрофанова //Труды Московского государственного историко-архивного института. – М., 1961.
220. **Михайловский, Н. К**. Полн. собр. соч. /Н. К. Михайловский. – СПб.: М. Меркушева, 1909. – Т. 4.
221. **Назин, И. С.** Из истории архивного дела в дореволюционной России /И. С. Назин //Архивное дело. – 1936. – № 39.
222. **Пиксанов, Н. К.** Областные культурные гнезда /Н. К. Пиксанов. – М.; Л.: Госиздат, 1928. – 148 с.
223. **Писарькова, Л. Ф**. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности /Л. Ф. Писарькова //Археографический ежегодник за 1989 год. – М.: Наука,1990.
224. **Порох, И. В.** Основные этапы изучения истории дооктябрьского периода Саратовского Поволжья /И. В. Порох //Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1999.
225. **Савин, О. М.** Живая память /О. М. Савин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. – 176 с.
226. **Савин, О. М.** Судьбы и память /О. М. Савин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. – 328 с.
227. **Спицын, А. А.** Мои научные работы /А. А. Спицын //Семинарий Кондакова. – Прага, 1928. – Т. 2.
228. **Степанский, А. Д.** К изучению организации исторической науки в дореволюционной России /А. Д. Степанский //Труды МГИАИ. – М., 1974.
229. **Степанский, А. Д.** К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России /А. Д. Степанский //Археографический ежегодник за 1974 год. – М.: Наука, 1975.
230. **Тельчаров, А. Д.** Областные историко-археологические съезды в России в начале XX в. /А. Д. Тельчаров //Проблемы истории СССР. – М.: МГУ, 1976.

231. **Филимонов, С. Б.** Документальные материалы Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1920 – 1931 гг. /С. Б. Филимонов //Археографический ежегодник за 1982 год. – М.: Наука, 1983.
232. **Формозов, А. А.** Русское общество и охрана памятников культуры /А. А. Формозов – М.: НИИК, 1990. – 112 с.
233. **Формозов, А. А.** Страницы истории русской археологии /А. А. Формозов. – М.: Просвещение, 1961. – 184 с.
234. **Фролов, А. И.** Московское археологическое общество и охрана памятников старины в дореволюционной России /А. И. Фролов //Вопросы охраны и использования памятников старины и культуры. – М., 1990.
235. **Черменский, П. Н.** Краеведческая работа в Тамбовской губернии в дореволюционное время /П. Н. Черменский //Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. – Тамбов: Тип. пролетарский светоч, 1925. – № 1.
236. **Чирков, С. В.** Некоторые проблемы развития русской археографии в начале XX века /С. В. Чирков //Археографический ежегодник за 1983 год. – М.: Наука, 1985.
237. **Чирков, С. В.** Разработка правил издания исторических источников Археографической комиссией в XIX – начале XX в. /С. В. Чирков //Археографический ежегодник за 1985 год. – М.: Наука, 1986.
238. **Чуистова, Л. И.** Древнейшее население Тамбовщины /Л. И. Чуистова. – Тамбов: ТГПИ, 1982. – 112 с.
239. **Шмидт, С. О.** Вступительное слово /С. О. Шмидт //Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни. Материалы III Всероссийской научной конференции (Пенза, 25 – 29 июня 1995 г.) /Отв. ред. С. О. Шмидт. – Пенза, 1996. – Кн. 1.
240. **Шмидт, С. О.** От редактора /С. О. Шмидт //Историческое краеведение. По материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению. /Отв. ред. С. О. Шмидт. – Пенза, 1993.
241. **Щапов, А. П.** Неизданные сочинения /А. П. Щапов //Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1926. – Т. 33. – Вып. 2/3.
242. **Щапов, А. П.** Новая эра /А. П. Щапов //Собрание сочинений. Дополнительный том. – Иркутск, 1937.
243. **Щапов, А. П.** Сочинения /А. П. Щапов. – СПб., 1906. – Т. 1.

244. **Юрченков В. А.** Григорий Павлович Петерсон (1839 – 1909) /В. А. Юрченков //Петерсон Г.П. Странички старины. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. – 288 с.

Энциклопедическая и справочная литература

245. Большая советская энциклопедия. – М.: Изд. Советская энциклопедия, 1953. – Т. 23.
246. **Забродина, Н. И.** Пензенские губернские ведомости (1888 – 1917 гг.). Библиографический справочник /Н. И. Забродина – Пенза: ПГУНБ, 1994. – 107 с.
247. **Миронов, В. Г.** Указатель статей и заметок, опубликованных в трудах СУАК, вып. 1 – 33 /В. Г. Миронов //Труды Саратовского областного музея краеведения. – Саратов: СОМК, 1996.
248. Мордовия: Энциклопедия: В 2 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. – Т.1. – 576 с.; Т. 2. – 704 с.
249. Пензенская энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. – 759 с.
250. **Соколов, С. Д.** Саратовцы писатели и ученые /С. Д. Соколов //Труды СУАК. – 1915. – Вып. 30, 32.
251. Словарь русского языка. – М.: Изд. Русский язык, 1958. – Т. 2.
252. **Хованский, Н. Ф.** Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет её существования /Н. Ф. Хованский //25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886 – 1911 г. – Саратов: Типография союза печатного дела, 1911.
253. **Хованский, Н. Ф.** Указатель статей неофициальной части «Саратовских губернский ведомостей» /Н. Ф. Хованский //Труды СУАК. – Саратов, 1893. – Т. IV. – Вып. 1.
254. **Шведова, О. И.** Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий /О. И. Шведова //Археографический ежегодник за 1957 год. – М.: Изд. АН СССР, 1958.
255. **Щеголев, А. А.** Указатель к известиям Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. С 1885 по 1905 год /А. А. Щеголев // Известия ТУАК. – Тамбов, 1905. – Вып. 50.
256. Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). – Саратов: Приволжское кн. изд-во, 2002. – 688 с.

Диссертации и авторефераты

257. **Акульшин, П. В.** Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской,

Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний). Автореф. дис. … док. истор. наук /П. В. Акульшин. – М., 2004.
258. **Алленова, В. А.** Историко-краеведческая деятельность Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. 1884 – 1922 гг. Дис. канд. истор. наук /В. А. Алленова. – Воронеж, 1997.
259. **Бржостовская, Н. В.** Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела, 1884 – 1917 гг. Дис. … канд. истор. наук /Н. В. Бржостовская. – М., 1951.
260. **Дорошин, Б. А.** Организация и деятельность Пензенской губернской ученой архивной комиссии. Дис. ... канд. истор. наук /Б. А. Дорошин. – Пенза, 2000.
261. **Захаров, В. М.** Развитие основных направлений саратовского исторического краеведения в досоветский период (1826 – 1916 гг.). Дис. … канд. истор. наук /В. М. Захаров. – Саратов, 1990.
262. **Захарова Т. А.** Саратовская губернская ученая архивная комиссия в 1886 – 1920 годах. Дис. …канд. истор. наук /Т. А. Захаров – Пенза, 2003.
263. **Камардина, О. В.** Императорское русское историческое общество: очерк истории и научной деятельности. 1866 – 1916. Дис. … канд. истор. наук /О. В. Камардина. – Самара, 1999.
264. **Мазин, К. А.** Проекты архивной реформы в России конца XIX – начала XX вв. Дис. … канд. истор. наук /К. А. Мазин. – М., 1987.
265. **Макарихин, В. П.** Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России конца XIX – начала XX вв. Дис. … док. истор. наук /В. П. Макарихин. – Н. Новгород, 1991.
266. **Миронос, А. Е.** Ученые подразделения в системе административного управления России в первой половине XIX века: задачи, структура, эволюция. Автореф. дис. … док. истор. наук /А. Е. Миронос. – Н. Новгород, 2000.
267. **Первушкин, А. В.** Население провинциального города второй половины XIX – начала XX вв. Историко-демографический анализ (на примере городов Пензенской губернии): Дис. …канд. истор. наук /А. В. Первушкин. – Пенза, 2006.
268. **Сиволап, Т. Е.** Охрана памятников старины в России в конце XIX – начале XX в. Дис. … канд. истор. наук /Т. Е. Сиволап. – СПб., 1997.
269. **Солнцев, Н. И.** Роль губернских ученых архивных комиссий в исследовании археологических памятников Верхнего Поволжья: (по материалам Нижегородской и Тамбовской губернских ученых

архивных комиссий). Дис. канд. истор. наук /Н. И. Солнцев. – Н. Новгород, 1997.
270. **Титова, З. Д.** Этнография в деятельности русского географического общества. 1845 – 1917. (Из истории этнографии в России). Дис. … канд. истор. наук /З. Д. Титова. – Л., 1963.
271. **Щербаков, В. В.** Население заштатного города в 1801 – 1870 гг. Историко-демографический анализ (на примере города Троицка Пензенской губернии): Дис. …канд. истор. наук /В. В. Щербаков. – Саранск, 2000.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ …….. 3
ГЛАВА I. СОЗДАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГУБЕРНСКИХ АРХИВНЫХ КОМИССИЙ (1884 – 1918 гг.)…....20
I. 1. Предпосылки создания губернских ученых архивных комиссий и их организационная структура……...20
I. 2. Финансовое положение ученых архивных комиссий. Издательское и библиотечное дело……..….35
I.3. Научные и организационные связи ученых архивных комиссий……54
ГЛАВА II. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНЫХ АРХИВНЫХ КОМИССИЙ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ АРХИВОВ……..……...67
II. 1. Образование исторических архивов и источники их комплектования……67
II. 2. Отбор документов на хранение и их использование……...84
II. 3. Деятельность комиссий по описанию материалов исторических архивов…….…95
II. 4. Археографическая деятельность архивных комиссий……...103
ГЛАВА III. ИЗУЧЕНИЕ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ ГУБЕРНСКИМИ УЧЕНЫМИ АРХИВНЫМИ КОМИССИЯМИ……..114
III. 1. Археологические исследования Тамбовской, Саратовской и Пензенской губерний ученными архивными комиссиями……...114
III. 2. Этнографические исследования губернских ученых архивных комиссий……133
III. 3. Деятельность ученых архивных комиссий в области охраны памятников истории……..……141
III. 4. Музеи при губернских ученых архивных комиссиях как основа формирования музейной сети в провинции……153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ……..…… 165
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА……170

Пензенский государственный педагогический университет
им. В. Г. Белинского

Владимир Иванович Первушкин

«БЫТЬ НЕУТОМИМЫМИ РАБОТНИКАМИ НА ПОЛЬЗУ РОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ…»

Монография

Редактор – Л. И. Дорошина
Корректор – В. А. Киреева
Компьютерная верстка – А. В. Первушкин

План университета 2008 г. (поз. 76/08).

Формат 60х84 1/16.
Усл. печ.
Уч. изд.
Тираж 500.

Подписано в печать 17. 09. 08.
Цена С.
Заказ

Издательство ПГПУ им. В. Г. Белинского:
446002, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37.
Корпус 5, комн. 466.

Типография ПГПУ им. В. Г. Белинского.
446002, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37.
Корпус 8, комн. 311.